4
С-56

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

СОВРЕМЕННЫЕ РУССКИЕ ГОВОРЫ

·НАУКА·

1. РЯ. Диалектол. Обуч.
2. Об. бук. коллекции

ИРЯ
институт русского языка
им. в. в. виноградова

www.ruslang.ru

85820

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ РУССКОГО ЯЗЫКА

СОВРЕМЕННЫЕ РУССКИЕ ГОВОРЫ

Ответственный редактор
доктор филологических наук
Ю.С. АЗАРХ

МОСКВА
"НАУКА"
1991

ББК 81.2Р
С 56

Рецензенты:
доктор филологических наук *М.Я. Гловинская*
кандидат филологических наук *О.А. Князевская*

4
С-56

БИБЛИОТЕКА
ИН-ТА РУССКОГО ЯЗЫКА
ИН-ТА ЯЗЫКОЗНАНИЯ АН СССР

85820

С 56 **Современные** русские говоры. — М.: Наука, 1991. — 184 с.
ISBN 5-02-010998-3

Сборник содержит исследования по недостаточно разработанным вопросам русской диалектологии и теории лингвистической географии. Статьи объединяет концепция Московской диалектологической школы, разработанная Р.И. Аванесовым. Исследования посвящены разным уровням языка: фонетике, морфологии, синтаксису, лексике. Рассматриваются проблемы исторической интерпретации данных диалектологического атласа русского языка, обсуждаются вопросы методики исторической интерпретации изоглосс по данным атласов восточнославянских языков.

Для специалистов по диалектологии и лингвогеографии, историков языка, лингвистов широкого профиля.

С $\frac{4602020101\text{-}046}{042(02)\text{-}91}$ 668-91 I полугодие ББК 81.2Р

Modern Russian Dialects.

The book represents the result of investigation of Russian dialects, their phonetics and phonology, accentology, morphology and morphonology, word-building, syntax and lexicology. The authors use data of *Dialectological atlas of Russian language* and their own materials. Facts of Russian dialects are analysed in synchronic and diachronic aspects with the help of various liguistic methods.

The book may be of interest for the specialists in Russian dialectology, history of Russian language, etymology and ethnography, as well as the researches of Russian ethnic culture.

ISBN 5-02-010998-3

© Издательство "Наука", 1991

Л.Н. БУЛАТОВА

В.Г. ОРЛОВА КАК ДИАЛЕКТОЛОГ И ИСТОРИК ЯЗЫКА

(к восьмидесятилетию со дня рождения)

В 1941 г. в Институте истории, философии и литературы имени Н.Г. Чернышевского с блеском прошла защита кандидатской диссертации В.Г. Орловой, посвященной истории губных спирантов в русском языке. В этой первой ее работе из области истории языка уже прослеживаются некоторые черты, ставшие характерными для всего научного творчества В.Г. Орловой как диалектолога и историка языка.

В работах по истории языка до недавнего времени показания современных говоров использовались обычно только в качестве дополнительного источника. В монографии, посвященной губным спирантам [8], диалектный материал служит основным источником. Это характерно и для всех позднейших трудов автора, в процессе создания которых разрабатывались методы ретроспективного изучения современных говоров.

Другая характерная черта этой же работы состоит в том, что история отдельных звуков подается автором как элемент эволюции звуковых систем, понимаемых ею, ученицей Р.И. Аванесова, в духе московской фонологической теории. Предпосылки фонетических изменений В.Г. Орлова ищет прежде всего в особенностях исходной системы, отдавая предпочтение внутренним закономерностям развития языка. Такой подход проявился наиболее ярко в ее докторской диссертации, защищенной в 1956 г., где исследуется история аффрикат в русском языке. В отличие от тех ученых, которые связывают цоканье с иноязычным субстратом, автор указывает на слабую противопоставленность *ц* и *ч* в русском языке как на предпосылку совпадения этих фонем в части русских говоров. Изучение разновидностей цоканья убеждает ее в том, что между ними существует генетическая связь, в то время как связи между распространением разновидностей цоканья и размещением иноязычных групп населения обнаружить не удается [9].

Сохранился у В.Г. Орловой на протяжении ее научной деятельности и преимущественный интерес к диалектному консонантизму как к предмету специальных исследований, хотя вообще круг языковых явлений, которыми она оперирует в своих работах, очень широк. Помимо обеих диссертаций, следует остановиться на разделе консонантизма в коллективном курсе русской диалектологии [12].

Авторский коллектив, работавший под руководством Р.И. Аванесова и В.Г. Орловой, стремился описывать не отдельные диалектные явления, а различия в построении диалектных систем. Раздел консонантизма, написанный В.Г. Орловой, принадлежит к числу тех разделов, где этот принцип выдержан наиболее последовательно. Здесь впервые дан обзор типичных диалектных систем консонантизма.

Научная деятельность В.Г. Орловой была связана с Институтом русского языка Академии наук СССР. Сразу же после создания Института русского языка (1944 г.) в нем развернулась (под руководством Р.И. Аванесова) работа по составлению диалектологического атласа русского языка. В.Г. Орлова включилась в эту работу и принимала в ней деятельное и разностороннее участие до самого выхода на пенсию.

Она много сделала для подготовки кадров диалектологического атласа и как педагог, и как автор работ по методике собирания и обработки диалектологических материалов [10, 11 и др.]. Обладая большим педагогическим талантом, В.Г. Орлова сумела заинтересовать многих студентов диалектологией как наукой, привлечь их к участию в экспедициях, многие из которых она возглавляла.

В.Г. Орлова — член авторского коллектива первого из региональных атласов [1] и редактор одного из последующих региональных атласов [2]. Она принимала активное участие в разработке принципов и методов картографирования при подготовке региональных атласов и особенно сводного атласа, проспект которого [5] был составлен под ее руководством. В.Г. Орлова вела большую организаторскую работу, связанную с составлением диалектологического атласа, а с 1952 г. по 1970 г. руководила работой всего коллектива составителей атласа в качестве заведующего Диалектологическим сектором.

Параллельно с составлением атласа диалектологи Института русского языка разрабатывали теоретические проблемы лингвистической географии. В 1962 г. под редакцией Р.И. Аванесова вышел коллективный труд "Вопросы теории лингвистической географии", один из авторов которого — В.Г. Орлова. В разделе "Вопросы интерпретации лингвистических карт" она высказала ряд мыслей о группировке говоров, основанной на изучении всего лингвистического ландшафта, и о построении исторической диалектологии на основе ретроспективного изучения современной группировки говоров. Эти идеи были впоследствии воплощены в работах, выполненных ею вместе с ее сотрудниками.

Новая группировка говоров была разработана В.Г. Орловой совместно с К.Ф. Захаровой и впервые обнародована в упоминавшемся курсе русской диалектологии, а затем стала предметом специальной книги [7]. Принципиальное отличие разработанной ими группировки от прежней классификации говоров по отдельным признакам, созданной Н.Н. Дурново, Н.Н. Соколовым и Д.Н. Ушаковым [6], состоит в том, что новая группировка учитывает весь лингвистический ландшафт, образованный пучками изоглосс различных языковых явлений.

Такой подход к диалектному членению языка мог быть осуществлен только при наличии диалектологического атласа.

Новые принципы группировки говоров потребовали от авторов ввести новые единицы диалектного членения (диалектные зоны). Введение диалектных зон позволило наряду с противопоставлением северного и южного наречий противопоставить западные и восточные говоры, что существенно для истории ряда диалектных явлений. Наметилось и третье территориальное противопоставление: говоры центра и периферии. Плодотворность этих понятий была подтверждена в дальнейшем работами других исследователей [например, 3, 4]. Изменилось и понятие среднерусских говоров. Теперь они понимаются как говоры, в пределах которых по-разному сочетаются черты, порознь свойственные северному и южному наречиям. Выделены межзональные говоры, которые находятся в таком же отношении к зонам, как среднерусские говоры к наречиям. Среднерусские и межзональные говоры — арена наиболее интенсивных междиалектных контактов.

Новая группировка говоров получила общее признание и широко используется в работах по русской диалектологии.

Важным этапом в развитии исторической диалектологии русского языка явилась коллективная монография "Образование севернорусского наречия и среднерусских говоров" (1970 г.), созданная по инициативе В.Г. Орловой и под ее руководством. Это первый опыт ретроспективного построения исторической диалектологии русского языка. Его принципы излагаются в написанном В.Г. Орловой введении. Ей же принадлежит раздел, в котором дается новая характеристика севернорусского наречия и исследуется история его возникновения, а также некоторые другие разделы.

Близка интересам ученого и область современных процессов в русских говорах. Эта область, имеющая большое научное и практическое значение, еще очень мало изучена диалектологами-русистами. В.Г. Орлова одна из немногих исследователей, подошедших к изучению современных процессов в говорах со стороны внутренних закономерностей, определяющих характер и темпы этих процессов. Она исследует, в частности, степень устойчивости или податливости различных диалектных фонетических черт по отношению к влиянию литературного языка. Она связывает эти свойства прежде всего с фонематической значимостью тех или других элементов диалектных фонетических систем [13].

Таков в самых общих чертах разнообразный вклад В.Г. Орловой в развитие диалектологии и истории русского языка. Читателей, желающих подробнее познакомиться с научным творчеством В.Г. Орловой, отсылаем к библиографии ее трудов [14] (1987 г.).

ЛИТЕРАТУРА

1. Атлас русских народных говоров центральных областей к востоку от Москвы. М., 1957.
2. Атлас русских народных говоров центральных областей к югу от Москвы. Рукопись. Хранится в Институте русского языка АН СССР.

3. *Бромлей С.В.* Различия в степени вокализованности сонорных и их роль в противопоставлении центральных и периферийных говоров // Диалектография русского языка. М., 1958. С. 8—31.
4. *Горшкова К.В.* Историческая диалектология русского языка. М., 1972.
5. ДАРЯ: Проспект сводного атласа / Отв. ред. Р.И. Аванесов, В.Г. Орлова. М., 1969.
6. *Дурново Н.Н., Соколов Н.Н., Ушаков Д.Н.* Опыт диалектологической карты русского языка в Европе с приложением очерка русской диалектологии. М., 1951.
7. *Захарова К.Ф., Орлова В.Г.* Диалектное членение русского языка. М., 1967.
8. *Орлова В.Г.* Губные спиранты в русском языке // Тр. Ин-та рус. яз. АН СССР. М.; Л., 1950. Т. 2. С. 167—210.
9. *Орлова В.Г.* История аффрикат в русском языке в связи с образованием русских народных говоров. М., 1959.
10. *Орлова В.Г.* Подготовка студентов к экспедиции // Бюл. диалектол. сектора Ин-та рус. яз. АН СССР. Вып. 3. М.; Л., 1948. С. 32—39.
11. Программа собирания сведения для составления диалектологического атласа русского языка. М., 1946.
12. Русская диалектология / Отв. ред. Р.И. Аванесов, В.Г. Орлова. М., 1964.
13. Русский язык и советское общество // Фонетика современного литературного языка: Нар. говоры. М., 1968. С. 196—211.
14. Труды ученых филологического факультета Московского университета по славянскому языкознанию. М., 1960. Т. 1. С. 211—214; 1968. Т. 2. С. 241—245; 1979. Т. 3. С. 198—199.

Н.Н. ПШЕНИЧНОВА

К ВОПРОСУ ОБ ИНТЕНСИВНОСТИ И НАПРАВЛЕНИИ РАЗВИТИЯ ДИАЛЕКТНЫХ СИСТЕМ

Из всего сложного комплекса вопросов, относящихся к указанной проблеме, мы рассматриваем один: как направление и интенсивность тенденции развития диалектных систем проявляется в пространственном варьировании элементов языковой системы. Вопрос этот относится к числу тех, которые возникают при интерпретации синхронных данных лингвистической географии в плане диахронии.

Для диалектологии и истории русского языка особую ценность представляют собой данные "Диалектологического атласа русского языка" (ДАРЯ [1]), интерпретация которых во многих случаях позволяет судить как об истории языковых явлений и диалектов, так и о происходящих в говорах[1] современных процессах. Данные ДАРЯ, в котором говоры территории исконно русского заселения представлены в их основных чертах, определили подход к решению поставленного вопроса.

Тенденция развития здесь понимается как тенденция территориального распространения некоторого члена вариативного звена системы диалектного языка (СДЯ). Интенсивность тенденции означает интенсивность (скорость, последовательность) расширения или сужения

[1] Говор — частная диалектная система (ЧДС).

соответствующего ареала; направление тенденции указывает, какой из членов данного вариативного звена "стремится к расширению своей территории", а какой исчезает в говорах, "теряет" свою территорию.

Лингвогеографическая характеристика материала — расположение ареалов, употребление в говорах изучаемого признака[2] как единственного или в сосуществовании с другими членами вариативного звена — позволяет во многих случаях делать убедительные выводы о направлении и интенсивности развития различных звеньев СДЯ. В то же время для решения проблемы развития диалектных систем могут оказаться существенными и некоторые статистические оценки.

Так, интенсивность той или иной тенденции развития диалектных систем выражается прежде всего в неодинаковом по говорам количественном соотношении числа примеров, которыми представлены сосуществующие в каждом отдельном говоре члены вариативного звена СДЯ, т.е. в разной по говорам относительной частоте изучаемого признака .

Анализ количественной характеристики материала в ряде случаев позволяет выявить тенденции, которые без статистического анализа могут быть не обнаружены. В качестве примера можно назвать такое явление, как утрата интервокального [й] и стяжение гласных в глаголах и прилагательных. Именно статистический анализ материала позволил обнаружить в глаголах ту же тенденцию развития, что и в прилагательных: стяжение более последовательно и широко осуществляется в формах с безударными сочетаниями (*рабо́тат, до́бра, ста́ру* и т.п.), чем с ударенными (*зна́ет, больша́я, сыру́ю* и т.п.) [2]. Некоторые тенденции развития русских говоров, выявленные в результате статистического анализа материала, отражены на картах ДАРЯ (см. Диалектологический атлас русского языка. М., 1986. Вып. 1. С. 20—24).

В данной статье направление и интенсивность тенденции развития в указанном выше смысле предлагается рассмотреть еще в одном аспекте.

Важной характеристикой всякого языка является степень расхождения между составляющими его ЧДС. На это специально обращает внимание С.В. Бромлей [3, 108—116]. Она вводит, в частности, такие понятия, как "ядро" (элементы, свойственные всем ЧДС, для которых моделируется СДЯ) и "периферия" (элементы, представленные лишь в части диалектных систем), отмечая при этом, что учет распространенности периферийных элементов позволит судить о степени вероятности протекающих языковых процессов.

Исходя из того, что такие близкие между собой языковые системы, как русские говоры, гораздо более различаются не элементами системы, а их материальным воплощением, будем оценивать сходство и различия между диалектами в зависимости от числа и распро-

[2] Признак — здесь и далее — это член вариативного звена СДЯ (диасистемы), или член межсистемного соответствия.

страненности не самих элементов (звеньев) СДЯ, а их репрезентантов (признаков).

При анализе некоторого массива ЧДС обычно возникает вопрос, однороден ли этот массив по изучаемым признакам или он может быть разделен на группы ("дискретный" тип явления) или различия между ЧДС рассматриваемой совокупности нарастают постепенно и, следовательно, группы могут быть выделены лишь условно ("континуальный" тип). Если совокупность по принятым критериям делится на группы, важно определить (не задавать до исследования!), какие из признаков оказались для деления наиболее важными.

В связи со сказанным необходимо ввести понятие "вес" признака. Выбор признаков диктуется задачами исследования. Определение же веса признака предлагается основывать лишь на его способности выделять группы однородных ЧДС, а именно на том основании, что вес признака будет тем выше, чем более распространенным окажется признак в пределах одной группы и менее распространенным в пределах другой того же уровня деления. Самый высокий вес имеет тот признак, который отмечен в каждой ЧДС одной группы и при этом не отмечен ни в одной из ЧДС другой группы (или других групп) того же уровня деления. Это случай идеальный. Практически вес признака для говоров русского языка почти всегда ниже этого верхнего предела, так как в действительности в каждой группе, как правило, найдется хотя бы одна ЧДС, в которой не отмечен признак, самый распространенный в данной группе, и в пределах противопоставленной группы найдется такая ЧДС, в которой присутствует признак, характерный для другой группы и нигде более в этой второй группе не отмеченный. Вес признака — величина, отражающая способность признака выделять группы из общей совокупности говоров, и чем существеннее вклад признака в деление, тем выше его вес[3]. Здесь важно обратить внимание на то, что вес признака определяется после разделения совокупности на группы.

Показателем веса признака предлагается считать значение функции χ^2, которое определяется отдельно для каждого признака диасистемы на основании распространенности признака в пределах каждой группы ЧДС. Вес признака γ определяется по формуле:

$$\gamma=\chi_1^2+\chi_2^2, \text{ здесь } \quad \chi_1^2=\sum_{i=1}^{r}\frac{(n_{i1}-c_{i1})^2}{c_{i1}}, \quad \chi_2^2=\sum_{i=1}^{r}\frac{(n_{i2}-c_{i2})^2}{c_{i2}},$$

где $C_{i1}=a_ib_1/n$, $C_{i2}=a_ib_2/n$, n_{i1}, n_{i2} — число ЧДС в i-й группе, в которых рассматриваемый признак присутствует (n_{i1}) или отсутствует (n_{i2}), a_i — общее число ЧДС в i-й группе; b_1, b_2 — общее число ЧДС во всех группах, в которых признак присутствует (b_1) или отсутствует (b_2), n — общее число ЧДС во всех группах; r — число групп.

[3] Отсюда, в частности, следует, что для языка в его говорах в целом вес признаков может быть определен только при разграничении (сравнении) отдельных языков.

Таблица 1

№группы	Число ЧДС			№группы	Число ЧДС		
	с признаком	без признака	Σ		с признаком	без признака	Σ
1	n_{11}	n_{12}	a_1	...	...	...	...
2	n_{21}	n_{22}	a_2	r	n_{r1}	n_{r2}	a_r
...	...	...	...	Σ	b_1	b_2	n
i	n_{i1}	n_{i2}	a_i				

Указанные данные для одного рассматриваемого признака представлены в табл. 1.

Ожидаемое число ЧДС с признаком в i-й группе $C_{i1} = b_1 a_i / n$, ожидаемое число ЧДС без признака в i-й группе $C_{i2} = b_2 a_i / n$.

Очень важно оценить признаки, образующие вариативные звенья диасистемы, по их весам. Определим признаки "с большим весом" и признаки "с малым весом" [4, 246—247]. Содержательно признаки с большим весом — такие, которые по-разному распределены в группах, или, иначе, которые наиболее всего различают группы. Далее будем называть эти признаки "Главные".

Сопоставление результатов статистического анализа материала (по разным признакам) с лингвогеографическими данными показало, что классификационный вес признаков, определяемый указанным методом, согласуется с их лингвогеографической значимостью. Это представляется естественным, так как предлагаемый метод основан на той же идее, на которой зиждется и лингвогеографическая оценка признаков: наибольший вес имеют те из них, которые приводят к наиболее четкому делению или вклад которых в деление говоров на группы является наибольшим.

Введем еще некоторые понятия. В любой группе говоров будем считать широкораспространенными такие признаки, которые отмечены в половине или более общего числа говоров рассматриваемой группы, — "центр"; редкими признаками — такие, которые отмечены менее, чем в половине всех говоров той же группы, — "окрестность"; "ядро" группы образуют признаки, которые отмечены в каждой ЧДС рассматриваемой группы, и, следовательно, ядро входит в центр как его честь.

Признаки как центра, так и окрестности могут иметь большой классификационный вес (Главные) или малый в зависимости от того, как велико различие в их распределении по группам.

В СДЯ каждой группы говоров входят все признаки: и центр, в том числе и ядро, и окрестность. Признаки центра (и ядра) при этом входят в характеристику группы как наиболее типичные для группы, как наиболее распространенные в ней. Специфику же группы, ее важное отличие от других групп (того же уровня деления) составляют те признаки из числа Главных, которые в данной группе

оказались существенно более распространенными, чем в других группах того же уровня деления. Это могут быть и такие признаки, относительная частота которых в данной группе является низкой (признаки относятся к окрестности), но вес которых высок в связи с их существенно различным распределением по группам: такой признак, будучи редким в данной группе, все-таки характеризует именно ее, так как в других группах он может быть просто единичным или даже отсутствовать.

Исходя из общепринятого положения о том, что отмеченные в разных "точках территории" члены вариативного звена СДЯ (признаки) могут представлять собой разные этапы единого процесса развития данного звена, можно составить схему диахронических отношений между изучаемыми признаками. Опираясь на эту схему, можно определить степень близости группы говоров к такому состоянию изучаемого звена (или звеньев) СДЯ, по направлению к которому, как указывают синхронные лингвогеографические данные, развиваются диалектные системы рассматриваемой группы[4]. Это состояние фрагмента системы будем называть условно "образцом". "Расстояние" группы говоров до образца (степень ее отличия от образца) может быть определена на основе известного критерия χ^2.

Сравнение качественных и количественных характеристик групп говоров, таких как Главные признаки, центр и окрестность группы, степень отличия группы от образца позволяет оценивать направление и интенсивность развития диалектных систем в указанном смысле.

Результаты, полученные предлагаемым способом, целесообразно сравнить, с целью проверки его эффективности, с положениями, утвердившимися в науке. Рассмотрим в качестве примера хорошо изученный фрагмент русской СДЯ — долгие шипящие и их соответствия[5]. В ДАРЯ им посвящено шесть карт. Глухие долгие шипящие и их соответствия представлены на четырех: 1) не на стыке морфем в неограниченном круге лексики (*щу́ка, я́щик* и т.п.); 2) в слове *ещё;* 3) в слове *счет* и однокоренных; 4) в слове *сча́стье* и однокоренных. На двух картах представлены звонкие долгие шипящие и их соответствия: 5) *во́жжи, е́жжу* и т.п.; 6) в словах с корнем *дожд-*. На каждой карте дано соответственно 7, 7, 12, 12, 7, 7 признаков, что в сумме составляет 52 признака, относящихся к данному фрагменту системы.

Карты показывают пестрое сосуществование картографируемых признаков по говорам. Оценить визуально лингвогеографический

---

[4] Естественно, что процесс территориального распространения членов любого вариативного звена СДЯ всегда связан с процессами, происходящими в каждой отдельной ЧДС, с лингвистическими и экстралингвистическими факторами развития языковых систем. В то же время одним из факторов развития каждого звена СДЯ является именно характер ареалов распространения членов данного звена.

[5] Четкая и полная характеристика лингвогеографического ландшафта, относящегося к долгим шипящим и их соответствиям, на основе которой рассматривается развитие данного звена СДЯ в севернорусских и среднерусских говорах, дана в [5, 29—33].

ландшафт, создаваемый всеми шестью картами вместе, достаточно сложно.

По картам ДАРЯ в Институте русского языка АН СССР создан Автоматический вариант ДАРЯ (АВ ДАРЯ). С помощью АВ ДАРЯ и применяя математические методы, можно анализировать данные русского атласа с высокой степенью детализации. В частности, характеристика ареалов долгих шипящих и их соответствий может быть несколько уточнена и дополнена некоторыми статистическими оценками.

Так, статистический анализ позволил определить, что по всем 52 признакам, относящимся к долгим шипящим и их соответствиям, весь массив говоров, представленных в ДАРЯ (4195 ЧДС), может быть разделен на первом уровне с наибольшей вероятностью на три группы. Каждая из групп, в свою очередь, разделилась на подгруппы[6]. Полученные результаты были отражены на лингвогеографической карте. Такая карта сама по себе представляет интерес для исследования данного фрагмента системы, в связи с чем в дальнейшем предполагается проанализировать ее специально. В данной статье рассмотрим некоторые характеристики выделившихся групп (в том числе и статистические), которые позволяют оценивать протекающие в говорах процессы.

В СДЯ каждой из трех групп первого уровня деления отмечены все 52 признака, но распространенность их в группах и, следовательно, роль их в выделении групп неодинаковы. Признаками Главными для деления (т.е. с большим весом) оказались следующие (в порядке убывания классификационного веса); 1) [шш] не на стыке морфем ([шш]*у́ка, я́*[шш]*ик* и т.п.); 2) [ж'ж'] (*во́*[ж'ж']*и, е́*[ж'ж']*у* и т.п.); 3) [шш] в слове *ещё;* 4) [жж] в словах с корнем *дожд-* (*до*[жж]*а́, до*[жж]*у́* и т.п.); 5) [жж] (*во́*[жж]*и, е́*[жж]*у* и т.п.); 6) [ш'ш'] в слове *ещё;* 7) [ж'ж'] в словах с корнем *дожд-* (*до*[ж'ж']*а́, до*[ж'ж']*у́* и т.п.); 8) [ш'ш'] не на стыке морфем ([ш'ш']*у́ка, я́*[ш'ш']*ик* и т.п.); 9) [ш'ш'] в слове *счет* и однокоренных; 10) [шш] в слове *счет* и однокоренных; 11) [ш'ш'] в слове *сча́стье* и однокоренных; 12) [шш] в слове *сча́стье* и однокоренных.

В центр группы I входят следующие признаки: 2, 6, 7, 8, 9, 11, т.е. мягкие долгие шипящие в разных категориях слов. Остальные признаки образуют окрестность (их 46).

В центр группы II входят четыре признака: 1, 3, 4, 5, т.е. твердые долгие шипящие в разных категориях слов. Остальные признаки образуют окрестность (их 48).

Третья совокупность говоров образована пересечением групп I и II и, следовательно, представляет собой некоторую зону перехода (группа П). Центр этой совокупности включает в себя признаки, входящие в центры первых двух групп: 1, 2, 5, 6, 8, 9. Остальные признаки образуют окрестность (их 46).

В данном случае при разделении русских говоров по признакам, относящимся к долгим шипящим и их соответствиям, оказалось,

---

[6] Группы выделены вне территориального аспекта как совокупности ЧДС, однородных по принятым критериям (т.е. по названным 52 признакам).

что в центр каждой группы входят признаки только из числа Главных (с большим классификационным весом). Именно они не только характеризуют каждую из групп (таковыми могли бы быть, как сказано, и признаки с малым весом, но широкораспространенные в группе), но и определяют специфику группы, т.е. ее существенное отличие от других. Следовательно, деление на группы на первом уровне является достаточно четким.

Полученные результаты показали, что на современном этапе развития русских говоров главным диалектным различием, относящимся к долгим шипящим и их соответствиям, является твердость или мягкость долгих шипящих (в разных категориях слов), а наличие или отсутствие взрывного элемента в классификационном отношении носит подчиненный характер. Такой вывод полностью соответствует лингвогеографической характеристике материала, упомянутой выше (см. сн. 5).

Из всех подгрупп, выделившихся на втором уровне, рассмотрим в качестве примера три, входящие в группу П.

При разделении групп I и II на подгруппы несколько повышается роль звуковых комплексов со взрывным элементом. Для разделения группы П на подгруппы Главными признаками оказались следующие (в порядке убывания веса): 1) [ш'ш'] не на стыке морфем ([ш'ш']*у́ка, я́*[ш'ш']*ик* и т.п.); 2) [ш'ш'] в слове *ещё;* 3) [ш'ш'] в слове *счет* и однокоренных; 4) [жж] (*во́*[жж]*и, е́*[жж]*у* и т.п.); 5) [шш] не на стыке морфем ([шш]*у́ка, я́*[шш]*ик* и т.п.).

Так же, как и на первом уровне деления, при разбиении группы П на подгруппы различие по мягкости или твердости долгих шипящих оказалось более важным, а наличие или отсутствие взрывного элемента менее существенно. Подгруппы выделяются в зависимости от того, какой из долгих шипящих в них преобладает: твердый или мягкий.

В центр каждой из подгрупп входят признаки не только из числа Главных (в отличие от первого уровня), но и из числа таких, вес которых невысок, т.е. распространение которых в подгруппах различается мало (также твердые и мягкие долгие шипящие в разных категориях слов). Это показывает, что деление говоров на втором уровне (группы П на подгруппы) является менее четким, группы более расплывчаты, границы между ними менее определенны. Следовательно, различия между говорами в данном фрагменте СДЯ нарастают постепенно (явление "континуально").

Полученные результаты совпадают с выводами, сделанными на основе лингвогеографического анализа материала, и соответствуют утвердившейся в науке схеме развития звуков на месте древнерусских *ш'т'ш'* и *ж'д'ж'*: в целом процесс развития глухих и звонких проходит параллельно, в случаях же нарушения параллельности звонкие в своем развитии как бы идут впереди глухих; звуковые комплексы как правило являются остатком старого; по отношению к ним долгие шипящие, как мягкие так и твердые, являются новообразованиями.

Состоянием устойчивости в некотором звене системы можно счи-

Таблица 2

Группа	"Мягкий" образец	"Твердый" образец	Группа	"Мягкий" образец	"Твердый" образец
I	0,025	0,16	1	0,070	0,075
II	0,21	0,0036	2	0,082	0,097
П	0,080	0,082	3	0,19	0,12

тать отсутствие вариативности. Это утверждение относится и к фрагменту СДЯ, включающему в себя долгие шипящие и их соответствия.

В целом в говорах территории ДАРЯ отмечается тенденция к утрате звуковых комплексов со взрывным элементом (эти признаки не относятся к Главным, входят не в центр, а в окрестность каждой из групп) и к распространению долгих шипящих, твердых или мягких, т.е. тенденция к распространению "мягкого" или "твердого" образца. В связи с этим "мягким" образцом будем считать такой вариант рассматриваемого фрагмента СДЯ, при котором только мягкий долгий шипящий отмечен в следующих четырех случаях: 1. *щука, ящик* и т.п.; 2. *ещё;* 3. *вожжи, езжу* и т.п.; 4. *дождя, дождем* т.п.[7] "Твердым" образцом будем считать такой вариант, при котором в тех же четырех случаях отмечен только твердый долгий шипящий.

Было вычислено "расстояние" каждой группы до каждого из двух образцов (оно может меняться от 0 до 1) (табл. 2).

Приведенные данные могут дополнить характеристику лингвогеографического ландшафта, полученного на основе статистического анализа материала.

Данные таблицы показывают следующее. Группа II существенно ближе к "твердому" образцу, чем группа I — к "мягкому". Разница в показателях расстояния до "мягкого" и "твердого" образцов в группе II существенно больше, чем в группе I. Приведенные числа выражают тот факт, что в говорах группы I главное направление развития идет в сторону расширения ареала мягких долгих шипящих, а в говорах группы II — твердых долгих шипящих. Интенсивность тенденции в группах I и II не одинакова: в группе II она выражена более ярко, чем в группе I. Можно полагать, что в целом положение твердых долгих шипящих в говорах группы II устойчиво. В группе I тенденция развития (распространение мягких долгих шипящих), хотя и достаточно выразительна, все-таки является более слабой, чем тенденция развития (распространение твердых долгих шипящих) в группе II. Степень близости группы П к "мягкому" и "твердому" образцам примерно одинакова. Это вполне соответствует ее промежуточному (между группами I и II) положению. Различия в подгруппах группы П, как и следовало ожидать, не являются ярко выраженными. Степень близости подгруппы 1 к обоим образцам

[7] Слова *счет, сча́стье* и однокоренные не учитываются, так как во многих материалах они не приводятся.

примерно одинакова, как и в группе П в целом. Подгруппа 2 несколько ближе к "мягкому" образцу, подгруппа 3 ближе к "твердому" образцу. Степень близости к образцу подгруппы 2 (к "мягкому") выше, чем подгруппы 3 (к "твердому").

В данной статье был рассмотрен один из возможных подходов к анализу интенсивности процессов развития в говорах. Изложенный подход определяется прежде всего тем, что завершена работа по созданию ДАРЯ и его Автоматического варианта, а следовательно, появилась возможность интерпретации диалектных данных, отражающих все основные характеристики русских говоров большой территории. ДАРЯ, с одной стороны, содержит огромные сведения, необходимые для диалектологических исследований и исследований по истории русского языка, а с другой стороны, языковая ситуация, представленная в ДАРЯ, во многих случаях настолько сложна, что интерпретировать ее без помощи ЭВМ и математических методов невозможно.

Вопрос, которому посвящена статья, относится к числу таких, которые могут решаться на основе комплексного использования ДАРЯ и его Автоматического варианта.

ЛИТЕРАТУРА

1. Диалектологический атлас русского языка. Центр Европейской части СССР. В 3-х выпусках. Вып. 1. Фонетика. Справочные материалы. Вступительные статьи. М., 1986; Вып. 2. Морфология. М., 1989; Вып. 3. Синтаксис. Лексика (в Институте русского языка АН СССР).
2. *Пшеничнова Н.Н.* Лингвогеографический и статистический анализ стяжения в русских говорах. // Русские народные говоры. Лингвогеографические исследования. М., 1983.
3. *Бромлей С.В.* Роль описательной диалектологии в характеристике общих свойств структуры языка. // Известия АН СССР. Сер. литературы и языка, т. XXXVIII. М., 1979, N 2.
4. *Пшеничнова Н.Н.* Мера специфичности и некоторые вопросы классификации частных диалектных систем. // ОЛА. Материалы и исследования. 1977. М., 1979.
5. Образование севернорусского наречия и среднерусских говоров. М., 1970.

Л.Л. ҚАСАТКИН

УТРАТА <ѣ> В СВЯЗИ С ПРОЦЕССОМ МОНОФТОНГИЗАЦИИ ДИФТОНГОВ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

В конце XIX в. Олаф Брок, сделавший чрезвычайно много для славянского и русского языкознания, обнаружил в говоре с. Шуйского Тотемского у-да Вологодской губ. дифтонги. На месте ѣ в этом говоре мог произноситься [йе̂], на месте *о,* которое позднее было определено как бывшее *о* под восходящим ударением, — [ўо̂] [2, с. 26—32, 45—51].

Это было чрезвычайно важное открытие для русской диалектологии и исторической фонетики. Сейчас наличие этих дифтонгов в русских говорах широко известно. Насколько это было новым для начала XX в., говорит следующий эпизод. А.А. Шахматов, блестящий фо-

нетист, уже знакомый с работой О. Брока, в 1912 г. едет в с. Леку Рязанской губ., чтобы сделать описание говора этого села. В Леке те же дифтонги, что и описанные Броком, но Шахматов их не слышит. Только после того, как местный житель И.С. Гришкин указал Шахматову на эту особенность говора, Шахматов стал замечать дифтонги в речи местного населения [29, с. 175—176].

В 1945 г., в с. Леке побывал С.С. Высотский. Он нашел там дифтонги, описанные Шахматовым, но также обнаружил и впервые подробно описал и такие дифтонги, которые остались незамеченными Шахматовым. Это были дифтонги [е͡и] и [о͡у], произносившиеся на месте этимологических *е, ь* и *о* под нисходящим ударением и ъ [7, с. 24—31; 8, с. 68; 9, с. 40—44]. В среднерусском говоре с. Пустошей соседнего с Лекой Судогодского у-да Владимирской губ. Д.В. Бубрих отметил дифтонги [и͡а], [и͡о], [и͡у] [3, с. 315—317].

Но и сейчас в русских говорах обнаруживаются новые дифтонги. Так, были отмечены и описаны дифтонги [е͡о], [е͡а], [и͡у] в двух вологодских говорах [17, с. 65—67], [18, с. 13, 24—26, 28]. В южнорусских говорах отмечены дифтонги [и͡о], [и͡а], [и͡у], выступающие на месте <о>, <а>, <у> после мягких согласных. В известных ранее дифтонгах открываются новые особенности [19], [23, с. 20—33, 38—40].

Дифтонги характерны для русских говоров, имеющих и другие архаические черты. Можно, следовательно, предположить, что такие же гласные неоднородного тембра были свойственны и древнерусскому языку: ср. [30, с. 10, 114, 169, 322—323, 343; 15, с. 114, 194—195, 200]. (Другую точку зрения см. [24, с. 42—43, 175—176].) Типичными реализациями гласных фонем древнерусского языка были, по-видимому, следующие: <ѣ> — [и͡е], <ѡ> — [у͡о], <е> — [е͡и], <о> — [о͡у]. Гласные фонемы <ѣ, ѡ> и <е, о> воплощались в звуках неоднородного тембра, отличающихся направлением его изменения: у [и͡е], [у͡о] происходило понижение подъема, у [е͡и], [о͡у] — повышение.

Анализируя гласные говора Катромы Харовского р-на Вологодской обл., Р.Ф. Пауфошима обнаружила следующую закономерность. В соответствии с этимологическим *о* под нисходящим ударением в говоре произносятся и [о͡у], и открытое [ǫ], в соответствии же с этимологическим ъ — почти исключительно [ǫ]. "Эти наблюдения, — пишет Р.Ф. Пауфошима, — позволяют предположить, что в современных вологодских говорах, обследованных нами, сохраняется след древнего различия **о* под нисходящим ударением и **ъ*" [23, с. 35—36]. На основании этих наблюдений можно, следовательно, предположить, что типичным воплощением <ъ> в сильной позиции был [ǫ].

Типичным воплощением гласных фонем <а>, <у>, <о> после мягких согласных также были звуки неоднородного тембра типа [и͡а], [и͡у], [и͡о]. В говорах, где не сформировалась категория твердости—мягкости согласных, им соответствовали <ӓ>, <ӱ>, <ӧ>, воплощенные в [е͡а], [и͡у], [е͡о].

О существовании в прошлом подобных дифтонгов в русском языке и в других славянских языках может свидетельствовать графи-

ческое оформление соответствовавших йотированных букв кириллицы ѩ, ѧ, ѭ, ѫ, употреблявшихся и после согласных. Первая часть этих диграфов обозначала <и>, воплощавшуюся в звуке [и]. Ср. также букву ѩ, существовавшую в русской графике в XVIII в. в соответствии с <о> после мягких согласных.

По-видимому, <е> (обычно выступавшая после твердых согласных) после мягких согласных тоже воплощалась в звуке типа [ие̂]. Так, А.А. Шахматов пишет, что в новгородских грамотах XIII—XIV вв. буквы ѣ и *е* строго различаются, но ѣ и ѥ смешиваются. По мнению А.А. Шахматова, это свидетельствует о том, что на месте ѣ произносился дифтонг [ие̂] [28, с. 136—137, 149]. Но это же свидетельствует о том, что и в соответствии с ѥ произносился дифтонг [ие̂].

Исторический период развития русского языка характеризуется процессом монофтонгизации указанных дифтонгов, еще не завершившимся в ряде говоров до сих пор. В этих говорах дифтонги выступают лишь в сильных фразовых позициях — в начале фразы, в ее коммуникативном центре, при эмфазе. В слабых фразовых позициях произносятся монофтонги и дифтонгоиды. Реализация рассмотренных гласных в архаических южнорусских говорах может быть представлена так:

Фонема	Сильная позиция во фразе	Слабая позиция во фразе	Фонема	Сильная позиция во фразе	Слабая позиция во фразе
<ѿ>	[у̂о]	[ǫ], [ᵘо], [о]	<'а>	[и̂а]	[ᴵа]
<о>	[о̂у], [ǫ]	[ǫ], [ᵘо], [о]	<'о>	[и̂о]	[ᴵо]
<ѣ>	[ие̂]	[ę], [ᴵе], [е]	<'у>	[и̂у]	[ᴵу]
<е>	[е̂и], [ę]	[ę], [ᴵе], [е]			

"... Слабые фразовые позиции, — пишет Р.Ф. Пауфошима, — создают условия для нейтрализации <ѿ> — <о> и <ѣ> — <е>. Можно представить, что именно таким был путь отхода от древней системы, различающей семь гласных фонем в большинстве говоров русского языка, включая те, которые легли в основу современного литературного языка" [23, с. 33]. В речи одних и тех же представителей архаического слоя говоров в одних и тех же словах наряду с дифтонгами могут произноситься и монофтонги: [о] в соответствии с [у̂о] и [о̂у], [е] в соответствии с [ие̂] и [е̂и]. В речи молодежи дифтонгов может уже не быть вовсе. Так происходит переход от семифонемной системы вокализма к пятифонемной.

Дифтонги [и̂а], [и̂у], [и̂о], [и̂е] выступали в одной и той же позиции после мягких согласных. Монофтонгизация этих дифтонгов имела различные следствия у разных фонем. Изменение [иа]>[ᴵа], [и̂у]>[ᴵу], [и̂о]>[ᴵо] не приводило к фонологическим изменениям. Соотношение вариаций фонем <а>, <у>, <о> после твердых и мягких согласных оставалось прежним, хотя сами эти вариации фонетически сблизились. Так, раньше фонема <а> воплощалась под ударением в звуке [а] после твердого согласного и в звуке [и̂а] после мягкого согласного: [па́]*дать* — [п'и̂а́]*тый*. Затем после мягкого со-

гласного [иа͡] изменилось в [ᴵᵘа͡] ([а]): [п'ᴵᵘа͡]*тый* ([п'а́]*тый*). Но при этом ни в фонологической системе, ни в фонемном составе слов, содержащих <'а>, ничего не менялось. Точно так же на одном этапе фонема <у> воплощалась под ударением в звуке [у] после твердых согласных и в звуке [и͡у] после мягких согласных (*ок*[ну́] — *ко*[н'и͡у]), а фонема <о> соответственно звуках [о] и [и͡о] ([ло́]*шадь* — [л'и͡о]*н*). На следующем этапе в этих же позициях фонема <у> стала воплощаться в звуках [у] — [ᴵᵘу] ([у]), а фонема <о> в звуках [о] — [ᴵᵘо] ([о]): *ко*[н'ᴵᵘу] (*ко*[н'у]), [л'ᴵᵘо]*н* ([л'о]*н*). Но эти фонетические изменения не вызвали изменений в фонологической системе: количество фонем, состав их дифференциальных признаков оставались теми же.

Перед дифтонгом [и͡е], воплощающим <ѣ>, произносились парные мягкие согласные, а перед [е͡и] и сменившим его [е], по-видимому, произносились парные твердые согласные.

Об этом, в частности, говорят данные некоторых говоров. Так, среди южнорусских говоров встречаются такие, в которых перед [е] из этимологических *е, ь* произносятся парные твердые согласные: *ат́ец, дэр́евн'а* и пр. Такое произношение отмечено, по словам Н.Н. Дурново, "в немногих говорах ... в южных уездах Рязанской и Тульской губ. и в Калужской губ." [16, с. 163]. Однако примеры этого явления, приводимые наблюдателями, обычно единичны или немногочисленны и не дают возможности судить о степени его распространенности в говоре; см.: [4, с. 842, 1275—1276, 1297], [13], [14, с. 41], [22]. Рассмотрена эта черта и в описаниях среднерусских говоров, сделанных Д.В. Бубрихом [3, с. 332—334], А.А. Шахматовым [29, с. 213], А.Н. Гвоздевым [10, с. 53—54], С.С. Высотским [7, с. 45—49]. Отмечена эта особенность и в ряде неопубликованных ответов на Программу ДАРЯ [12, карта 65] и в работах, подготовленных в связи с составлением ДАРЯ [21, с. 200; 25, с. 125; 11, с. 106].

Подобное явление было обнаружено мной и Ю.Г. Сохацкой в говоре д. Липовка Пичаевского р-на Тамбовской обл. в 1964 г. В этом говоре семифонемный состав гласных с фонемами <ѣ> и <ѡ>, находящимися на ступени их утраты.

Перед этимологическим *ѣ* произносятся парные мягкие согласные, а на месте *ѣ* следующие гласные звуки. Перед твердым и мягким согласным и на конце слова иногда отмечается дифтонг [и͡е]: *б'и͡елый, н'и͡ет, н'ив'и͡есть, в л'и͡ес, п'ир'э̯с'и͡ек, уд'и͡ельиш; б'и͡ел'ън'к'и, ф с'и͡ен'и, ф с'и͡ем'и, г д'и͡еф'к'и, услад'и͡еит'; к таб'и͡е, фс'и͡е*. Иногда отмечается [ᴵᵘе] и [э̯]: *б'ᴵᵘéль, л'ᴵᵘétьм, св'э̯тль, в ъкт'абр'э́*. Но гораздо чаще в соответствии с *ѣ* отмечен [е]: *д'éль, л'étьм, н'ив'éсть, ис пл'éнь, хл'ёбъф нар'éзъл'и, м'éръ, д'ет, м'éсть, за хл'ёбъм, л'étьс', б'éлыи, м'ех, п'éнь, н'éту, н'ив'éскь, ур'ех, д'ёдшкъ, з'д'éльльс', п'ат'ис-т'énка, сапр'éль, ъвдав'éль, в'ал'éль, таб'é, саб'é, в ньйабр'é, ф с'ал'é, в ун'аз'д'é, б'ад'é, нь рук'é, н'ъ пъталк'é, а дьбн'ак'é в м'ашк'é, в вад'é пь з'амл'é, в з'арн'é*. Несколько более закрытый звук, как и в литературном языке, произносится обычно между мягкими согласными: *н'ид'ел'у, ф т'ёс'т'ь, пас'ёй, на р'éч'к'ь, кал'ёйут, м'éх'и, ат н'ив'ёс'т'ь, мълад'ёйа, пъумн'ёйь*. Отмечен в этой позиции и [и]: *д'úт'и, д'ив'ер', б'úл'ън'к'ь*.

ИНСТИТУТ РУССКОГО ЯЗЫКА им. В.В. ВИНОГРАДОВА
БИБЛИОТЕКА ИН-ТА РУССКОГО ЯЗЫКА

Перед этимологическим *е* (из *е*, *ь*) в речи самых пожилых жителей деревни обычно произносятся твердые парные согласные, производящие впечатление полумягких из-за отсутствия веляризации. Эта их особенность и отражена в наших записях 1964 г.

В соответствии с *е*, *ь* изредка отмечается дифтонг [е͡и]: *ат'е͡ицъ, з'е͡имл'у, д'е͡ис'ит', дв'е͡ир'и, прайд'е͡ит'.* Но чаще всего здесь произносится [е]: перед твердым согласным: *т'ёмнай, да тр'ех рас, пан'ёвъ, св'ёкър, т'ёмнъ, з'ил'ёна, н'ъдал'ёкъ, л'ет (лёд), кат'ёнак, атламл'ёнай, ръз'д'ил'ёны, ч'ижыл'ёньй, ф с'ир'ётк'ъ, сатк'ём, н'ё быль, в'ёрстк'им'и, м'ёрзлъ, б'ёрдъ, абд'ёрнут';* на конце слова: *у м'ин'é, у т'иб'é;* перед отвердевшими согласными: *ат'ёц, кан'ёц, адёшкъ, ад'ёшк'и, ст'ёшкъ, затрёш, нъклад'ёш, фп'ихн'ёш, ис'п'ик'ёш, заст'ёжьч'к'и, м'ёжу, ст'ёжьч'к'ъ, з'ёмл'у, п'ётл'и, св'ёрху, в'ерх, навёрх, ч'итвёрх, сп'ёрвъ, п'ёрвъва, с'ерп, в'ёрбна;* перед мягкими согласными: *въз'н'исён'йъ, Хр'истóс васкрéс'ъ, уйд'ёт', в'ид'ёт', прайд'ёт', сатр'ёт', вазм'ёт', атайд'ёт', не йд'ёт', д'ен', в'ес', наст'ёл'ут', с'ем', д'ёс'ит', д'ес'т', ф с'ёр'ду (середу), к п'ёч'и, тр'ёт'ай, т'ип'ёр', кап'ёйк'и, кап'ёик, кап'ёᵘк, л'уд'ёй, д'ит'ёй, льшыд'ёй, зъклад'ёй, къпан'ёй.*

В новых заимствованных из литературного языка словах, имеющих в литературном языке под ударением [е] перед твердым согласным, произносится [е], перед которым предшествующие согласные непалатализованы: *м'ётры, към'ит'ёт, карс'ётк'и, лаф'ёт.*

Отмечен такой же согласный и перед [е] в словах, где в других говорах выступает <ѣ>: *кл'ётьч'к'им'и, н'ид'ёл'ъ, в'ин'ёшн'ик.*

Несмягченный согласный обычно бывает перед ударенным [е]. Но отмечено также несколько случаев произношения таких согласных в безударном слоге: *д'ив'ер', йёс'ен', въскр'ис'ён'йь.* Отмечен такой согласный и перед ударенным [и]: *пт'ицъ, платк'и́, ан'и́, см'ал'и́, мат'и́ф.*

Несмягченные согласные перед [е] (и [и]) отмечены только в речи самых пожилых жителей деревни. Но и у них перед исконными *е*, *ь* довольно часто можно встретить мягкие согласные: *св'ёкль, дал'ёкъ, с'ёстры, ав'ёс, изв'ёскъ, с'в'ёкър, кл'ен, пан'ёвы, ф с'ир'ёткъх, пр'ив'ёл, нъп'ир'ёт, р'иб'ёнкъ, р'иб'ёньк, жър'иб'ёньк, д'ит'ёньч'ък, м'ид'в'ид'ёньк, дубл'ёнай, пад'ём, ис'п'ик'ём, зъм'ит'ём; у т'иб'é, с'иб'é, у л'ис'é; с'т'ёшьч'к'ей, сажм'ёш, натк'ёш, п'ър'ажу'ёш, сп'ёрвъ, п'ёрвьй, зам'ёрс, з'ёрньшкъ, раз'д'ёршку; т'ип'ёр'а, д'ен', с'ем', з'ил'ён'ьн'к'и, пл'ит'ён', м'ёл'н'ицъф, д'ив'ёр'йи, р'ёл'и, с'л'ёу'и, бан'ёй, с'ин'ёй, умр'ёт', т'ик'ёт', б'иу'ёт', с'в'ит'ёт', пад'ёт', б'ир'ёт', ахлыс'н'ёт', л'н'ет', жыв'ёт'.*

Говор д. Липовки позволяет реконструировать прежнее состояние интересующего нас звена фонетической системы этого говора и проследить пути его изменения.

По-видимому, древнее различение <ѣ> и <е> проявлялось в характере гласных звуков: [и͡е] в соответствии с <ѣ>, [е͡и] в соответствии с <е>, а также в характере предшествующего согласного, парного по твердости—мягкости: мягкого перед <ѣ>, твердого перед <е>.

Дальнейшее развитие гласных, воплощающих <ѣ> и <е>, связано с монофтонгизацией дифтонгов. Вначале утрачивается дифтонг [е͡и]. На этом этапе <ѣ> обычно воплощается в дифтонге [и͡е], <е> — в [е]. Затем происходит и монофтонгизация [и͡е], в результате чего различия между гласными, воплощающими <ѣ> и <е>, утрачиваются: эти гласные совпадают в одном звуке, передаваемом обычно при транскрипции диалектного (и литературного) произношения как [е]. Происхождение этого [е] на новом этапе отражается лишь в характере предшествующего согласного: перед [е] из <ѣ> произносится парный мягкий согласный, перед [е] из <е> — парный твердый. Затем, возможно, под воздействием литературного языка и это различие утрачивается.

Следует, однако, учитывать, что после твердого и после мягкого согласного произносится не один и тот же гласный звук: после мягкого согласного в начале гласного наблюдается *и*-образный переходный элемент. Поэтому более точная транскрипция такого гласного — [^{и}е͡] [1, с. 100; 20, с. 71—72]. Разница между [е] и [^{и}е͡] позиционно обусловлена, оба эти звука воплощают одну и ту же фонему <е>.

Говор Липовки замечателен тем, что он подтверждает высказанную Л.Л. Васильевым гипотезу о различении этимологических *е* и *ѣ* в говоре Москвы XVII—XVIII вв. Рассматривая московские памятники этой эпохи и труды В.К. Тредьяковского и А.П. Сумарокова, Л.Л. Васильев убедительно доказал, что язык Москвы характеризовался тем, что перед *е* в нем произносился твердый согласный, а перед *ѣ* — мягкий [5, с. 195, 202, 209, 214]. Эта гипотеза была затем еще раз подтверждена В.В. Виноградовым [6, с. 276—279], а затем Б.А. Успенским, обнаружившим ту же разницу в согласных перед гласным ударного слога, восходящим к *ѣ* и к *е*, не только в письменных источниках, но в современном литургическом чтении старообрядцев [26, с. 29—36, 54—58; 27, с. 37—39].

О характере гласных звуков, произносящихся на месте *е* и *ѣ*, Л.Л. Васильев писал: "... Не следует упускать из виду, что ... Тредьяковский посредством *ѣ* передавал французское *ie* (например, *новоманѣрныя..., пѣса=пьеса...*), которое отличается от *е* не только тем, что передает гласный звук, имеющий перед собою смягченный согласный, но и своим дифтонгическим характером, и это последнее обстоятельство невольно вызывает вопрос о дифтонгическом характере и московской буквы *ѣ* XVIII века, на который, впрочем, дать положительный ответ не имеется других данных" [5, с. 206].

Дополнительные данные в пользу дифтонгичности *ѣ* в языке Москвы XVII—XVIII вв. были обнаружены В.В. Виноградовым [6, с. 281 и сл.] и Б.А. Успенским [26, с. 34, 58]. В результате этих исследований теперь можно определенно считать, что в языке Москвы XVII — первой половины XVIII в. звуки на месте *е* и *ѣ* различались под ударением, причем различие это выражалось и в том, что перед ними выступали разные по твердости—мягкости парные согласные, и в том, что сами гласные звуки были различны: в соответствии с *е* выступал [е], в соответствии с *ѣ* — [и͡е].

Л.Л. Васильев считал, что между звуками, произносившимися

на месте *е* и *ѣ* в языке Москвы XVII — первой половины XVIII в., существовала такая же "тонкая фонетическая разница", как между гласными звуками, произносящимися на месте букв *ы* и *и*, *а* и *я*, *у* и *ю* после согласных. Эта разница, по мнению Л.Л. Васильева, доступна лишь "наблюдению ограниченного круга лингвистов", а "для всей массы говорящих русским языком и пишущих на нем" гласные эти тождественны [5, с. 195]. Иначе говоря, так же как мы объединяем звуки [ы] и [и] в одну фонему <и>, звуки [а] и [^{и}а͡] в <а>, [у] и [^{и}у͡] в <у>, мы должны и звуки, произносившиеся на месте *е* и *ѣ* в языке Москвы XVII — первой половины XVIII в., считать представителями одной фонемы. На необходимость подобного вывода из замечаний Л.Л. Васильева указал М.В. Панов при рассмотрении этого вопроса в своем докладе на Виноградовских чтениях в МГУ в 1979 г.

Для русских говоров, знающих систему, сходную с системой языка Москвы XVII — первой половины XVIII в., этот вывод, однако, был бы неправилен.

Такая система обнаруживается, в частности, и в говорах ряда деревень Хвастовичского р-на Калужской обл., из которых Бояновичи, Пиневичи, Нехочи, Хвастовичи представлены большим количеством магнитофонных записей, хранящихся в лаборатории экспериментальной фонетики Института русского языка АН СССР, произведенных С.С. Высотским в 1956 г., Р.Ф. Касаткиной в 1987 г. и Р.Ф. Касаткиной, Е.В. Щигель, Ю.И. Павловым и мною в 1988 г.

В этих говорах фонемы <а, о, у> в сильных фразовых позициях воплощаются после твердых согласных в звуках [а, о, у], а после мягких — в дифтонгах [и͡а, и͡о, и͡у]. При этом не имеет значения, парный или непарный согласный выступает перед этими звуками. После непарных твердых согласных в этом говоре фонемы реализуются в звуках [а, о, у] так же, как и после парных твердых: [па]*р*, *пи*[*ро́*]*г*, *к сто*[*лу́*] и [*жа́*]*рко*, *ме*[шо́]*к*, *к от*[*цу́*]. После непарных мягких согласных фонемы <а, о, у> реализуются так же, как и после парных мягких: *ко*[н'и͡а] и *клю*[ч'и͡а], [л'и͡о]*н* и *по*[ч'и͡о]*м*, *ко*[л'и͡у] и *по*[j и͡у].

После парных по твердости ≠ мягкости согласных здесь, как и в говоре Липовки, существует зависимость и между звуками, выступающими на месте *ѣ* и *е*: в соответствии с *ѣ* произносится [и͡е], а также [ę], [е] ([^{и}е͡]) после мягких согласных, в соответствии с *е* — [е͡и], [ę] и чаще [е] после твердых согласных: *д'и͡елат'*, *л'и͡ес*, *с'и͡ев*, *д'и͡ет*, *к саб'и͡е*, *нь стал'и͡е*, *фс'и͡е*; *паткл'ęт*, *хл'ęп*, *д'ęда*, *нь саб'ę*; *б'élый*, *д'élый*, *в'ек*, *ф ч'уун'é* — *пе͡йч'*, *у м'ине͡й*, *ве͡йч'иръм*, *в'изе͡йш*; *нémцьф*, *пълатéнць*, *здęс'*, *прайдęт'*; *панéвь*, *авéс*, *мéрзл'и*, *задéржывъй*, *у с'ибé*, *мъладéц*, *степ*, *сем*, *л'ипéшкь*, *у пéч'ку*, *дéв'ът'*, *рéл'и*, *дней*, *лъшадéй*, *пр'ин'исéш*, *жнеш*, *умрéт'*, *идéт'*, *дажывéм*, *падéм* и т.п.

Эту зависимость гласных звуков от качества предшествующих согласных, парных по твердости—мягкости, можно определить как дополнительное распределение. А это одно из необходимых условий для того, чтобы считать эти звуки относящимися к одной фонеме. Однако условия этого недостаточно. С точки зрения Московской фонологической школы, необходимо также, чтобы эти позиционно

обусловленные звуки чередовались в одних и тех же морфемах. Но этого в архаической системе говоров Хвастовичского р-на нет[1].

Решающим для фонологической интерпретации звуков, выступающих здесь на месте исконных *ѣ* и *е*, является позиция после согласных, непарных по твердости—мягкости. Именно эта позиция позволяет говорить о противопоставлении в городах <ѣ> и <е>. В этой позиции сохраняется различение звуков, связанных с разными морфемами: *на но*[жы̂е] — [жэ́]*нский, в ду*[шы̂е] — *ду*[шэ́]*вный, в шала*[шы̂е] — *шала*[шэ́]*й*, [цэ̨́]*лый* — [цэ̨́]*рква, на пле*[ч'и̂е] — [ч'э́]*стный*, [йи̂е]*ли* (глагол) — [и̯э̨́]*ли* (сущ.), [йи̂е]*сть* 'кушать', [и̯э̨́]*сть* 'имеется'. Такое же различение <ѣ> и <е> после непарных по твердости—мягкости согласных отмечается и в других говорах [9, с. 52].

Утрата противопоставления <ѣ> и <е> после непарных по твердости—мягкости согласных происходила в результате монофтонгизации дифтонгов [и̂е] и [ы̂е]. Это изменение привело к тому, что на месте дифтонгов стал произноситься звук типа [е], совпавший с реализацией фонемы <е>. Совпадение <ѣ> и <е> началось с безударного положения (см.: [5]), где условия для проявления дифтонга были неблагоприятны в силу краткости безударных слогов по сравнению с ударными.

Таким образом, утрата <ѣ> как особой фонемы в русском языке была следствием общего процесса монофтонгизации дифтонгов. Сохраняться могла эта фонема в тех говорах, где ее развитие привело к монофтонгу [э̨], противопоставленному аллофону <е> — [е].

ЛИТЕРАТУРА

1. *Аванесов Р.И.* Фонетика современного русского литературного языка. М., 1956.
2. *Брок О.* Описание одного говора из юго-западной части Тотемского уезда // Сб. ОРЯС. 1907. Т. 83, N 4.
3. *Бубрих Д.В.* Фонетические особенности говора с. Пустошей (Ягодинск. вол. Судогодск. уезда Владимирск. губ.) // Изв. ОРЯС. 1913. Т. 18, кн. 4.
4. *Будде Е.Ф.* О некоторых народных говорах в Тульской и Калужской губерниях // Там же. 1898. Т. 3, кн. 3.
5. *Васильев Л.Л.* Несколько данных для определения звукового качества буквы *ѣ* сравнительно с буквой *е* в памятниках XVII в. употребляющих эти буквы в слоге под ударением по-древнему, при замене в слоге без ударения буквы *ѣ* буквою *е* // Там же. 1910. Т. 15, кн. 4.
6. *Виноградов В.В.* Исследования в области фонетики севернорусского наречия: Очерки из истории звука *ѣ* в севернорусском наречии // Там же. 1919. Т. 24, кн. 2.
7. *Высотский С.С.* О говоре д. Лека // Материалы и исследования по русской диалектологии. М.; Л., 1949. Т. 2.
8. *Высотский С.С.* Работы Е.Ф. Будде о рязанских говорах в свете новых данных // Бюл. диалектол. сектора Ин-та рус. яз. АН СССР. 1949. Вып. 6.
9. *Высотский С.С.* Определение состава гласных фонем в связи с качеством звуков в севернорусских говорах: (по материалам эксперим.-фонет. исслед.) // Очерки по фонетике севернорусских говоров. М., 1967.

[1] У старшей части населения отмечаются также случаи произношения мягких согласных перед [е], выступающем на месте исконного *е*: *к'ис'ёл', ат'ёц, в'ёр'ес* и т.п. У молодежи таких примеров гораздо больше. Появление таких мягких согласных на месте исконных твердых, безусловно, позднее явление и вызвано все усиливающимся влиянием литературного языка и соседних говоров.

10. *Гвоздев А.Н.* Заметка о говоре с. Тихонова б. Ягодинской волости Судогодского уезда Владимирской губ. // Бюл. диалектол. сектора Ин-та рус. яз. АН СССР. 1948. Вып. 2.
11. *Гецова О.Г.* О произношении ударенного *о* разного происхождения в говоре с. Катагощи Захаровского района Рязанской области // Материалы и исследования по русской диалектологии. Нов. серия. М., 1959. Т. 1.
12. Диалектологический атлас русского языка: Центр Европейской части СССР. М., 1986. Вып. 1: Фонетика.
13. *Дурново Н.Н.* Диалектологическая карта Калужской губернии // Сб. ОРЯС. 1903. Т. 76, N 1.
14. *Дурново Н.Н.* Отчет по разработке материалов по южновеликорусскому наречию для диалектологической карты русского языка // Отчет о деятельности Отделения русского языка и словесности имп. Акад. наук за 1906 г. СПб., 1906. (Сб. ОРЯС, т. 82).
15. *Дурново Н.Н.* Очерк истории русского языка. М.; Л., 1924.
16. *Дурново Н.Н.* Введение в историю русского языка. [2-е изд.] М., 1969.
17. *Касаткин Л.Л.* Гласные одного вологодского говора, не знающего противопоставления согласных по твердости—мягкости // Исследования по русской диалектологии. М., 1973.
18. *Касаткин Л.Л.* Русский диалектный консонантизм как источник истории русского языка. М., 1984.
19. *Kasatkin L.L., Paufoshima R.F.* The use of the segmenting apparatus in the analysis of the vocalism of Russian dialects // Symposium: Processing of dialectological data (Tallinn, Nov. 23—25, 1981): Summaries. Tallinn, 1981.
20. *Матусевич М.И.* Современный русский язык: Фонетика. М., 1976.
21. *Мораховская О.Н.* Говор деревни Уляхино Курловского района Владимирской области // Тр. Ин-та языкознания АН СССР. 1957. Т. 7.
22. *Никольский А.* Народные говоры Жиздринского уезда Калужской губернии. Варшава. 1903.
23. *Паufошима Р.Ф.* Фонетика слова и фразы в севернорусских говорах. М., 1983.
24. *Селищев А.М.* Избранные труды. М., 1968.
25. *Строганова Т.Г.* К изучению говоров междуречья Оки—Клязьмы // Тр. Ин-та языкознания АН СССР.1957. Т. 7.
26. *Успенский Б.А.* Архаическая система церковнославянского произношения: (Из истории литургического произношения в России). М., 1968.
27. *Успенский Б.А.* Первая русская грамматика на родном языке: Доломоносов. период. отеч. русистики. М., 1975.
28. *Шахматов А.А.* Исследование о языке Новгородских грамот XIII и XIV веков // Исследования по русскому языку. СПб., 1885. Т. 1.
29. *Шахматов А.А.* Описание Лекинского говора Егорьевского уезда Рязанской губернии // Изв. ОРЯС. 1913. Т. 18, кн. 4.
30. *Шахматов А.А.* Очерк древнейшего периода истории русского языка: (Энциклопедия слав. филологии). Пг., 1915. Вып. 11.1.

М.Н. ПРЕОБРАЖЕНСКАЯ

ОБ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ИЗОГЛОССЫ ДИАЛЕКТНОГО ПРОИЗНОШЕНИЯ СОВРЕМЕННЫХ РЕФЛЕКСОВ *ę (ja, 'a) В ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКАХ

В настоящее время восточнославянское языкознание располагает диалектологическими атласами всех трех — белорусского, русского и украинского — языков [5, 6, 7].

Это позволяет рассматривать данные восточнославянских диалектов, представленные в национальных атласах, в более широком, восточнославянском масштабе. При этом открываются новые перспективы в разрешении таких проблем, как выяснение конкретных путей развития системы каждого восточнославянского языка и уточнение представлений о системе восточнославянского языка-основы, т.е. того языка, на котором говорили в Древней Руси.

В частности, данные лингвистических карт белорусского, русского и украинского языков по разделу фонетики представляют новый материал для разрешения вопроса о диалектном произношении современных рефлексов *ę (ja, 'a). Известно, что в современных литературных языках и в большинстве диалектов белорусского, русского и украинского языков в соответствии этим трем этимологическим гласным произносят *'a*. Объект рассмотрения в данной статье — диалектное для всех трех языков произношение другого соответствующего гласного (будем обобщенно называть его не-*'a*, конкретизируя в необходимых случаях реальные звукотипы, зафиксированные в говорах). В статье ставится задача: используя методы лингвистической географии, аргументировать положение о том, что в диалектном для каждого языка произношении не-*'a* мы имеем дело не с поздними инновациями — после общей для всех трех языков стадии *'a* (<*ę, *ja, *'a), а с особыми рефлексами этих гласных, восходящими непосредственно к восточнославянскому языку-основе.

На территории современных восточнославянских языков по данным карт атласов можно выделить три ареала говоров, в которых отмечено сравнительно регулярное произношение не-*'a*: Вологодский (на территории окающих русских говоров); Рязанская Мещера (на территории акающих русских говоров); Полесье (на смежной территории юго-запада Белоруссии и северо-запада Украины)[1]. Уровень изученности произношения не-*'a* в говорах всех трех языков позволяет представить результаты исследований в обобщенном виде.

Звукотипы не-*'a* выступают в говорах изучаемых ареалов как элементы закономерных фонетических чередований. Эти чередования происходят в результате действия двух основных факторов, влияющих на модификации гласных фонем в современных восточносла-

[1] Вопрос о произношении не-*'a* в говорах юго-запада Белоруссии не получил отражения на специальной карте ДАБМ; см.[6].

Таблица

Ареал	Под ударением		В 1-м предударном слоге		В остальных слогах	
	t'at	t'at'	t'at	t'at'	t'at	t'at'
Вологодский		+		+		
Рязанская Мещера		+				
Полесье			+	+	+	+

вянских языках: 1) место слога по отношению к ударению в слове и 2) качество соседних согласных — их твердость (t) или мягкость (t') [2]. Тип реализации произношения не-*'а*, т.е. закономерности рассматриваемых фонетических чередований, зависит от того, какой из двух названных факторов выступает в качестве основы при определении фонетических позиций, мена которых ведет к чередованию *'а*//не-*'а*. Представим эти позиции в таблице и покажем с ее помощью типы реализации произношения не-*'а* для каждого из трех ареалов.

Из табл. видно, что для говоров каждого ареала характерен особый тип реализации изучаемого явления. Рассмотрим действие обоих факторов.

1. Контекст согласных. Обратим внимание на то, что произношение не-*'а* во всех ареалах реализуется только после мягких согласных, т.е. позиция после мягкого согласного является обязательным условием для всех типов рассматриваемых чередований[2]. Вторая (правая) сторона контекста согласных существенна для двух типов реализации — в говорах ареалов Вологодского и Рязанской Мещеры: здесь мена позиции t'at//t'at' — основа чередований *'а*//не-*'а*. Для говоров ареала Полесья твердость или мягкость последующего согласного для изучаемого чередования не существенна.

2. Положение слога по отношению к ударению. Этот фактор оказывается определяющим основание чередований современных рефлексов *ę (ja, 'а) в говорах ареала Полесья и ограничивает распространенность чередования только на позицию под ударением для говоров ареала Рязанской Мещеры.

Таким образом, различие в типах реализации произношения не-*'а* в русских и в белорусских и украинских говорах можно свести к различию в основаниях фонетических чередований *а*//не-*'а*: для русских говоров это мена качества (твердости//мягкости) последующих согласных, для юго-западных белорусских и украинских — мена положения слога по отношению к ударению (ударный слог противопоставляется любому безударному).

[2] Заметим, что для слов с современной фонемой *а* невозможно подобрать однокоренные словоформы с меной для *а* позиций "после твердого//после мягкого согласного" (ta//t'a), что говорит об этимологическом различии слов, имеющих в своем составе слоги ta и t'a (исключения могут представлять лишь случаи с *а* после отвердевших согласных, например, после *р* в белорусском и украинском языках).

Первоначально в исследованиях рассматриваемого явления установилась традиция квалифицировать его в каждом из восточнославянских языков как поздние инновации, возникшие независимо друг от друга к XIV—XV вв., отдельно в русских говорах и отдельно в говорах на территории Белоруссии и Украины. Для русских говоров произношение не-*'а* трактовалось как диалектное явление ударенного слога; в трудах МДК оно включалось в состав примет северновеликорусского наречия. Своеобразной неожиданностью явилось обнаружение "изменения а>е" в акающих говорах на территории Рязанской Мещеры. Наличие его в говорах этого ареала сначала объяснялось как результат влияния северновеликорусских говоров [18], но территориальная разобщенность ареалов все же заставила отказаться от этого объяснения [4, вступительная статья]. И позже это явление рассматривалось как специфичное для русских диалектов, т.е. без привлечения данных о произношении не-*'а* в других восточнославянских языках [14].

Из множества разновидностей произношения не-*'а* в современных украинских диалектах мы привлекли только те, в которых "перегласовка *а>е*" выступает в форме закономерного фонетического чередования, на основе мены положения слога по отношению к ударению. Этот тип реализации произношения не-*'а* характеризует в основном ареал Полесья. Отметим, что в говорах этого ареала в позиции наибольшего различения для гласных фонем — под ударением перед твердой согласной — наряду со звукотипом *'а* могут выступать звукотипы, *е, еа, іа ...*, т.е. чередование гласных в соответствии **ę* при последовательной фиксации первого компонента чередования в сильной позиции может иметь вид *'е//'а, 'ае//'а* и др. [9—13, 16].

Попытаемся истолковать различия типов реализации произношения не-*'а* на фоне имеющихся в атласах данных о фонетических системах тех говоров, в которых отмечено регулярное произношение не-*'а*. Естественно, что каждый из трех ареалов включен в более крупные лингвогеографические подразделения (зона, наречие и язык в целом). Языковые закономерности, выделяющие и характеризующие эти более крупные единицы, как бы накладываются на системы более мелких диалектных подразделений, в том числе и на системы говоров рассматриваемых ареалов — и определяют характер реализации этих систем. Так, реализация чередования гласных *'а//*не-*'а* в двух положениях по отношению к ударению (Вологодский ареал) или только под ударением (Рязанская Мещера) обусловлена основным различием современных систем окающего и акающего вокализма. В свою очередь, характер чередования гласных *'а//*не-*'а* в Полесье вполне согласуется с общим принципом противопоставления ударного слога остальным безударным в украинском языке [9]. Различия закономерностей реализации рассматриваемого явления по трем восточнославянским языкам не может служить основанием для утверждения о его позднем обособленном происхождении в каждом языке, так как эти различия связаны с теми более общими процессами изменения фонетической системы восточнославянского языка-основы, которые имели место при образовании систем акающего и окающего

вокализма в русском языке и основных принципов функционирования системы вокализма в украинском языке.

В масштабе территориального распространения одного языка при синхронном анализе его диалектных черт для обеспечения сопоставимости исследуемых фактов принято использовать понятие "соответственное явление". В масштабе территории близкородственных восточнославянских языков также возможно использование этого понятия, но в этом случае соответствие сопоставляемых современных фактов устанавливается и интерпретируется в диахроническом аспекте [3]. Известно положение о том, что синхронная пространственная проекция территориального распределения диалектных особенностей языка может служить материалом для интерпретаций исторического порядка. Как показывают карты национальных атласов, фонетические системы говоров каждого из трех ареалов, наряду с произношением не-*'а*, характеризует еще и некий постоянный, совпадающий по своему составу набор других, по преимуществу архаичных черт языка. Распространение этих черт может быть, а может и не быть ограничено пределами рассматриваемых ареалов. Они могут и не быть диалектизмами относительно литературных норм каждого из трех языков. Однако существенно именно то, что на территориях каждого из трех ареалов отмечен один и тот же архаичный комплекс соответственных явлений. Назовем основные черты, входящие в этот комплекс: регулярное фонетическое чередование рефлексов **ę* (ja,`a) (*'а*//не-*'а*); регулярное фонетическое чередование рефлексов **ě*; отсутствие чередования рефлексов **е, ь* (непереход *е*>*'о*); произношение немягких согласных перед гласными *е, и*; произношение в определенных позициях *l* "среднего", произношение *ў* или w в соответствии *в*; неразличение аффрикат *ц* и *ч* ("мягкое цоканье"); сохранение атематического спряжения глаголов; наличие односложных окончаний в твор. падеже мн. числа (*рукам, ногам*) и др.

Повторяемость этих черт может свидетельствовать о неслучайности их сосуществования, о наличии между ними таких связей, которые позволяют предполагать, что эти черты — общие элементы архаической системы определенного типа. Если некоторые из них, по-видимому, могут характеризоваться принадлежностью к этому архаическому комплексу (спряжение атематических глаголов, односложные окончания существительных в твор. падеже мн. ч.), то комплекс фонетических черт можно интерпретировать как элементы некой исходной для восточнославянских языков архаической системы. Особенность такой системы — наличие трех степеней смягчения согласных, что определяло слабую противопоставленность согласных по категории твердости—мягкости и тип связи между согласным и гласным в пределах слога. Возможный характер связи последних мог быть близок к тому состоянию, о котором писал Р.И. Аванесов для периода до падения редуцированных: "невозможность в эту эпоху изолировать согласную и последующую гласную, благодаря чему для этой эпохи констатируется не односторонняя зависимость, а взаимозависимость согласных и гласных в слоге"[1].

В такой системе, по-видимому, согласные в слоге с рефлексом *ę и *ě должны были быть мягкими, а с рефлексом *е и *и — полумягкими. В данном случае существенно отметить, что чередование 'а//не-'а в рассматриваемых ареалах постоянно сопровождается чередованием на аналогичной основе е//и, восходящим к *ě, что можно связать общим свойством этих рефлексов — выступать в слоге после мягкого согласного. Отсутствие этого условия для рефлексов *е, которое выступало в слоге после полумягкого согласного, может объяснить отмеченное в говорах трех ареалов отсутствие чередования 'о//'е.

Таким образом, анализ повторяющегося комплекса диалектных черт, по нашему мнению, позволяет выдвинуть предположение о том, что рассматриваемые закономерные фонетические чередования 'а//не-'а в говорах на территории трех ареалов происходят из общего восточнославянского рефлекса не-'а (<*ę), т.е. не являются поздними инновациями для каждого восточнославянского языка.

Гипотеза о вхождении в одну архаическую систему черт языка, составляющих такой комплекс, и о их структурной взаимной обусловленности имеет разрешающую силу и уже используется исследователями при изучении ряда существенных проблем истории фонетического строя восточнославянских языков (см. разработку вопросов о происхождении *l* "среднего" [8] и о вторичном смягчении согласных [19]).

ЛИТЕРАТУРА

1. *Аванесов Р.И.* Из истории русского вокализма: Звуки *i и *y // Вестн. МГУ. 1947. N 1.
2. *Аванесов Р.И.* Очерки русской диалектологии. М., 1949. Ч. 1.
3. *Аванесов Р.И., Бернштейн С.Б.* Лингвистическая география и структура языка. М., 1958.
4. Атлас русских народных говоров центральных областей к востоку от Москвы. М., 1957.
5. Атлас української мовы. Київ, 1984. Т. 1.
6. Дыялекталагічны атлас беларускай мовы. Мінск, 1963.
7. Диалектологический атлас русского языка: Центр Европейской части СССР. М., 1986. Вып. 1: Фонетика.
8. *Бромлей С.В.* О происхождении *l* "среднего" в русских говорах // Русские диалекты: Лингвогеогр. аспект. М., 1987.
9. *Жилко Ф.Т.* Нариси з діалектології української мови. Київ, 1966.
10. *Залесский А.Н.* Вокализм юго-западных говоров украинского языка: Дис. ... канд. филол. наук. Киев, 1969.
11. *Залеський А.М.* Континуанти праслов'анських ę та 'а (після м'яких приголосних) у говорах української мови // Мовознавство. 1970. N 3.
12. *Kuraszkiewicz W.* Rozwój 'a na tle dyftongów i palatalizacii w dawnych gwarach ruskich Podlasia i Chelmszczyzny // Studia z filol. pol. i slow. 1958. N 3.
13. *Назарова Т.В.* Некоторые особенности вокализма украинских правобережно-полесских говоров // Полесье. М., 1968.
14. Образование севернорусского наречия и среднерусских говоров: Вологод. группа. М., 1970.
15. *Преображенская М.Н.* Чередование а//е в русских говорах: (Механизм и системные отношения): Дис. ... канд. филол. наук. М., 1973.
16. *Преображенская М.Н.* Об одной диалектной черте говоров Белоруссии // Проблемы истории и диалектологии славянских языков. М., 1971. С. 212—217.

17. *Преображенская М.Н.* Русское диалектное явление в восточнославянском аспекте // Очерки по истории и диалектологии восточнославянских языков. М., 1980. С. 152—174.
18. *Строганова Т.Г.* К изучению говоров междуречья Оки—Клязьмы // Тр. Ин-та языкознания АН СССР. 1957. Т. 7.
19. *Треблер С.М.* К вопросу о вторичном смягчении согласных: (Опыт. ист. интерпретации лингвист. карт) // Русские диалекты: Лингвогеогр. аспект. М., 1987.

С.В. КНЯЗЕВ

О СВЯЗИ ОСОБЕННОСТЕЙ АРТИКУЛЯЦИОННОЙ БАЗЫ ГОВОРА С ХАРАКТЕРОМ ПРОТИВОПОСТАВЛЕНИЯ ГЛУХИХ И ЗВОНКИХ, ТВЕРДЫХ И МЯГКИХ СОГЛАСНЫХ

Бинарный фонологический признак (дифференциальный признак — ДП) на фонетическом уровне представляет собой сложную систему взаимосвязанных контрастов [2; 6]. Так, противопоставление глухих/звонких согласных, отличающихся только одним ДП, опирается при восприятии на целый ряд фонетических параметров: 1) наличие/отсутствие голоса (длительность интервала между началом колебаний голосовых связок и взрывом согласного); 2) отсутствие/наличие придыхания (характер и длительность послевзрывной фазы согласного); 3) меньшая/бóльшая длительность (смычки) согласного; 4) бóльшая/меньшая длительность предшествующего гласного; 5) меньшая/бóльшая интенсивность (взрыва) согласного; 6) слабое/сильное примыкание согласного к предшествующему гласному (длительность и характер интервала между пиком интенсивности гласного и началом согласного); первыми названы признаки, характеризующие звонкие согласные. Если основным в данном языке при восприятии указанных пар звуков оказывается 1-й параметр, то согласные в его фонологической системе противопоставляются по ДП глухость/звонкость, если какой-либо другой (другие) — по ДП напряженность/ненапряженность. В германских языках о наличии корреляции напряженности свидетельствует тот факт, что при восприятии рассматриваемых согласных у носителей этих языков существует следующая иерархия фонетических контрастов (в порядке убывания важности): а) придыхательность, б) отношение длительности предшествующего гласного к сумме длительностей главного и (смычки) согласного, в) характер примыкания, г) голос [14, с. 342; ср.: 13]. Решение о категориальной принадлежности звука принимается либо с учетом всех параметров (если они контрастируют), либо трех, двух или одного (в зависимости от позиции), если другие совпадают [14].

В русском литературном языке (РЛЯ) ведущим является фонетический параметр наличия/отсутствия голоса. Полученные нами данные свидетельствуют о том, что согласный в начале слова надежно опознается носителями РЛЯ как звонкий (в парах типа "тот" —"дот"), если длительность интервала между началом работы голосовых связок

Таблица 1

	Средняя длительность гласного			Средняя длительность смычки согласного		
	перед звонким	*перед глухим*	%	звонкого	глухого	%
РЛЯ						
голос	110	94	(86)	94	114	(121)
шепот	91	81	(89)	72	98	(136)
ВЯ						
голос	70	65	(93)	93	109	(117)
шепот	62	56	(90)	68	95	(135)

и взрывом составляет не менее 150% длительности послевзрывной фазы данного согласного. Абсолютная длительность послевзрывной фазы и характер шума в отрезке между взрывом и началом гласного несущественны, если длительность эта не превышает 25 мс. для губного и 35 мс. для зубного согласного (в противном случае может происходить смешение по месту образования). Таким образом, основной с точки зрения носителей германских языков контраст оказывается для носителей РЛЯ несущественным при восприятии глухих/звонких согласных; контрасты по длительности и характеру примыкания в данном положении невозможны. Тот же эффект наблюдается и в интервокальной позиции.

Нами было также предпринято экспериментально-фонетическое исследование восприятия противопоставления глухих/звонких взрывных с опорой на фонетический параметр длительности в РЛЯ и сходном с ним в этом отношении венгерском языке (ВЯ). В табл. 1 дается длительность в мс. и в процентах во 2-й позиции по отношению к первой. Для этого пары слов, различающиеся только глухостью/звонкостью интервокальных согласных, были прочитаны носителями РЛЯ и ВЯ нормальным голосом и шепотом. Очевидно, что при шепоте, когда (основной) контраст по голосу отсутствует, контраст по дополнительному признаку, на основании которого осуществляется различение согласных, должен быть бóльшим, чем в обычной речи. Из табл. 1 видно, что при переходе на шепот значительно увеличивается контраст по длительности смычки согласного (на 15% в РЛЯ и на 18% в ВЯ), контраст же по длительности предшествующего гласного остается практически неизменным (увеличивается на 3% в ВЯ и уменьшается на 3% в РЛЯ). Более того, надежное распознавание данных пар согласных осуществляется лишь в случае, если длительность смычки "глухого" превосходит длительность смычки "звонкого" не менее, чем на 30%, в противном случае согласные практически не различаются вне зависимости от длительности предшествующего гласного, характера и длительности послевзрывной фазы согласного. Это, по-видимому, означает, что основным при восприятии глухих/звонких согласных

является фонетический параметр наличия/отсутствия голоса, дополнительным — параметр длительности (смычки) согласного, а четыре других параметра (по крайней мере, в РЛЯ) нерелевантны, следовательно согласные противопоставлены по ДП глухость/звонкость.

Нами во время экспедиций 1987/88 гг. в Верхнетоемский[1] (далее В/тоем.) и Плесецкий[2] (далее Плес.) р-ны Архангельской обл. были обследованы говоры со следующими особенностями консонантизма: 1) наличие палатальных переднеязычных на месте палатализованных РЛЯ: *шт"ú, опт"óсана. лáпт"и, т"éсто, с"елó, óс"ен'* (В/тоем.), *т"é, т"ет"óр, мат", ид"óт, од"úн, оп·э́т", з"имá, кас"éта, с"т"éны, ц"ép'коф'* (Плес.); 2) палатальные заднеязычные (только в Плес.): *х"úм'ик·ы, рак"éты, нак"úнула;* 3) произношение непалатализованных (твердых или полумягких) губных перед гласными переднего ряда и на конце слова: *м·э́сто, м·э́с'иш, зап·ы̄ш̄ы́т* (В/тоем.); *п·э́с"н"и, в·э́т", воз"м·ы́, соб·эр·э́мсэ, в·эк, наголоw·э́, вóс"ем, гр'еп* (="гребь") (Плес.); 4) твердые переднеязычные взрывные характеризуются пониженным собственным тоном по сравнению с соответствующими согласными РЛЯ; 5) прогрессивное ассимилятивное смягчение заднеязычных в позиции после палатального: *вáн"к·а, бáн"к·а, вн"áн"к·ах* (В/тоем.), *насковорóдоц"к·ах, д"áт"к·а, тáн"к'а, д"ен"г·á, мáл"ен"к'а, м'ёл"ен"к·ой* (Плес.); 6) имплозивное произношение взрывных на конце слова: *п'а̠т̠"* (В/тоем.), *л"е̠т̠, оп'á̠т̠", шка̠п̠* (Плес.); 7) наличие придыхательных и долгих глухих взрывных, долгих глухих фрикативных на месте кратких РЛЯ: *к'от', п'^лот', м·э́сто, тóйно* (В/тоем.), *сýсло, пáска, кр·э́с"т"ик, вы̄ш̄ла, роб'áта, э́того, н"етy, с'в'окрóфка, п"úл"и, п"ивá, вот'* (Плес.); 8) оглушение в позиции после глухого взрывного (обычно придыхательного) сонорных и *в*, в том числе и на стыках слов: *т'р'и, п'^лот', к'^рун'á, п"jáныи, наб'úт'фу, т'фóрок, вóт'jа, т'ут'^рýсло* (В/тоем.), *т'ф'ордо̂, п'^лук, к'^д"ет", к'^ры'л"и, п"jут̂, т'фóро̂к, к'^нам, к'^н"иг'и, тфар', п'ис"áт'^рубл"ёц* (Плес.); 9) ôзвончение глухих и оглушение звонких в интервокальной позиции и в позиции после сонорного перед гласным: *д'ёвон'г'и, дьгца* (="дак я") (В/тоем.), *скор'óхон"го, пáжош* (="пашешь"), *под"ер'ёв'ен"г'и, руговод"úт, шóботом, подóм, аботóм, куб'ат, н"ел"с"á, мушык'ú, мнóко, блокáта* (Плес.); 10) ассимиляция *j* предшествующему согласному и зубного взрывного предшествующему фрикативному зубному: *плáт̄"а, с"т"ихотвор'ён̄"а* (В/тоем.), *кóс̄"а, з̄"ес", кр'ёс̄"ик'и, нóц̄"у, старáн̄"о, ф'едóс̄"а, уз̄"ёц"к·а, уд"еч'кá* (="у дьячка") (Плес.); 11) спорадическое отсутствие оглушения звонких согласных на конце слова и перед глухим: *рож, вклуп, д"ёвка, навс"егдá* (Плес.[3])[4].

Это (п. 6—11) свидетельствует о том, что согласные в описываемых говорах противопоставляются по признаку напряженности/не-

---

[1] д. Вадюга и Великая

[2] с. Церковное (Подволочье)

[3] Соответствующие примеры для В/тоем. см.: [8, с. 33].

[4] Плесецкому говору в области консонантизма свойственна еще одна — довольно редко встречающаяся — особенность: произношение *β, β'* (*м* в позиции перед *н*) на месте *в, в'* РЛЯ и *п, п'* на месте *ф, ф'* (*βóорон, βóлосы, βрóжу, β'еснá, β'ес", д"ёпк'и, птарáсово, оп'иц"ёра, мн"ис, мнавóс*).

напряженности [15; 11]. Кроме того, для определения характера противопоставления согласных большое значение имеют, на наш взгляд, и те особенности консонантной системы, которые перечислены в п. 1—5 и связаны с корреляцией твердости/мягкости. Судя по этим данным, переднеязычные в Плес. и В/тоем. говорах характеризуются не дорсальной, свойственной литературному произношению, а апикальной артикуляцией. Апикальная же артикуляция препятствует палатализации согласных вследствие физиологического несовпадения артикуляторных актов, характеризующих, с одной стороны, апикальный способ образования, с другой — акт палатализации согласного. В силу указанных причин степень смягчения апикальных взрывных меньше, чем дорсальных, и они производят на слух впечатление полумягких или даже твердых[5] [9, с. 61, 69]. В связи с этим — вследствие стремления системы к максимальной степени контрастности членов фонологической оппозиции — развивается палатальная артикуляция переднеязычных согласных, и согласные оказываются противопоставленными не по признаку палатализованности, а по локальному ряду. Губные согласные (фонологически твердые[6]) противопоставляются в такой системе переднеязычным твердым, среднеязычным палатальным (*j, т", д", н", с", з", л", ц", к", г", х"*) и заднеязычным твердым. Следы именно такого противопоставления и обнаруживаются в рассматриваемых говорах (а также, видимо, и в некоторых других севернорусских говорах с противопоставлением согласных по ДП напряженность/ненапряженность).

Механизм апикальной артикуляции характеризуется и значительным напряжением действующего органа, а тот факт, что "частотность палатальных взрывных в ряде случаев не уступает частотности соответствующих палатализованных согласных ... в литературном языке, по-видимому, свидетельствует о напряженности как о признаке артикуляционной базы" [9, с. 62—64]. Можно, следовательно, полагать, что апикальный характер артикуляции согласных связан с наличием корреляции напряженности[7], а более тесная (чем в РЛЯ) степень примыкания звуков друг к другу в потоке речи [12, с. 27] способствует развитию явлений прогрессивной ассимиляции[8], что также характерно для систем с противопоставлением согласных по ДП напряженность/ненапряженность [11, 15].

Нами в этой связи было высказано предположение о взаимообусловленности особенностей артикуляционной базы и характера противопоставлений глухих/звонких, твердых/мягких согласных [5], а также о том, что именно наличие в системе, с одной стороны, палатальных согласных, а с другой — корреляции напряженности и, следовательно, явлений прогрессивной ассимиляции могло послужить

---

[5] Ср.: *н'ыс, т'эпло́, вдзрэ́вн'е, сэ́рц"о, д"ер'ев'ён, кот'о́л, иды́, н'эл"з"а́, ун'ово́, с'э́рц"о, ум'ен'а́, т'эп'ёр'* (Плес.).

[6] Полумягкие — в позиции перед гласным переднего ряда.

[7] Недорсальные артикуляции характерны и для большинства германских языков [1; 3; 10].

[8] Ср. еще: *хо́лодо́, наодо́м м'э́с"э, сола́ты, дугои́ ра́с, ода́* (одна) (Плес.).

причиной прогрессивного ассимилятивного смягчения заднеязычных согласных в русских говорах. В пользу этой гипотезы свидетельствуют, на наш взгляд, и отмеченные примеры прогрессивной ассимиляции по мягкости типа *пал"т"о́, нац"н"у́* и др.

Итак, по-видимому, еще в недавнем прошлом анализируемые говоры характеризовались наличием корреляций по напряженности и локальному ряду. В настоящее время мы являемся свидетелями смены этих противопоставлений корреляциями по глухости/звонкости и твердости/мягкости [5], причем в первую очередь устраняются те особенности консонантной системы говора, которые наиболее ярко контрастируют с явлениями, характерными для систем с противопоставлениями по голосу и по палатализации; произношение звонких согласных в позиции конца слова и перед глухим согласным, наличие твердых губных на конце слова и нек. др. [ср.: 8]. Описанные нами особенности произношения согласных сохраняются лишь в речи отдельных представителей старшего поколения.

Одной из наиболее устойчивых в этом отношении черт говора является распределение в слове длительностей звуков. Мы отмечали, что глухие фрикативные согласные в позиции перед согласным производят на слух впечатление долгих. Наше исследование показало, что и в сочетаниях звонких согласных длительность второго всегда меньше длительности первого (в среднем она составляет около 60% длительности первого). В РЛЯ картина обратная: второй согласный почти всегда более долгий, чем первый (приблизительно в 1,4 раза). Кроме того, в рассматриваемых говорах взрывные согласные в позиции после согласного подвергаются спирантизации (это особенно отчетливо видно на осциллограммах подобных сочетаний): *вы́зβу, насвáд'βу, кагубма, этодубт;* взрыв у них в данном положении нередко отсутствует. Этот факт еще раз подтверждает предположение о том, что позиция после согласного перед гласным в данных говорах является слабой по напряженности [11, с. 100—101], здесь нейтрализация указанного противопоставления осуществляется в слабом (немаркированном) члене оппозиции. Нами было также высказано предположение о том, что и позиция после гласного перед согласным не может считаться сильной по напряженности, так как в этом случае возможен только напряженный согласный. В связи с этим было предпринято исследование длительности согласных в зависимости от фонетической позиции в РЛЯ и говорах со следами противопоставления согласных по напряженности/ненапряженности. Результаты его приведены в табл. 2 (указывается средняя длительность в мс. и в процентах длительности глухого от длительности звонкого). Нами не приводятся данные о различиях по длительности послевзрывной фазы в позиции перед согласным, так как в этом положении согласные часто произносятся без взрыва, а наличие/отсутствие придыхания здесь нерелевантно [14]. Данная таблица не является полной (подробнее см.: [4]), но и из нее видно, что в позиции перед согласным различия глухих/звонких по длительности в говоре несущественны: они могут служить средством противопоставления лишь в том случае, если один звук длительнее другого не

Таблица 2

	...cfсг...		...cfссг...		...cfссг...	
	звонкий	глухой (%)	звонкий	глухой (%)	звонкий	глухой
РЛЯ						
сонорные			51		68	
фрикативные	97	162 (167)	86	155 (180)	97	
взрывные	57+14=71	85+29=114	56	68 (121)	68	
(смычка+п/в фаза=		(149+207=				
общая длительность		161)				
Говор						
сонорные	72		86			82
фрикативные	46	136 (296)	96	121 (126)	53	
взрывные	53+8=61	70+32=102	79	74 (94)	48	
		(132+400=				
		167)				

менее, чем на 30% (в русском языке). Наши данные еще раз подтверждают тот факт, что первый согласный в сочетании —ГССГ— в говоре всегда более долгий, чем второй, а в РЛЯ — менее. При этом в обеих системах наиболее ярко противопоставление глухих/звонких осуществляется в позиции —ГСГ— (положение в начале слова в данном случае не рассматривается), что свидетельствует о том, что именно она является сильной по глухости/звонкости (в РЛЯ) и по напряженности/ненапряженности (в говоре). Обращает на себя внимание и тот факт, что фрикативные согласные в говоре в сильной позиции значительно ярче противопоставлены по длительности, чем соответствующие согласные в РЛЯ (где они практически не отличаются в этом отношении от взрывных), что, по-видимому, является свидетельством того, что параметр длительности является в говоре не дополнительным (как в РЛЯ), а основным, по крайней мере для фрикативных согласных. Контраст же по общей длительности при противопоставлении глухих/звонких взрывных в говоре имеет почти те же значения, что и соответствующий параметр в РЛЯ; при этом, однако, в говоре согласные в большей степени контрастируют по характеру послевзрывной фазы, а в РЛЯ — по длительности смычки. Изложенные факты свидетельствуют, на наш взгляд, о том, что, если в РЛЯ в сильной позиции основным контрастом при противопоставлении глухих/звонких согласных является контраст по наличию/отсутствию голоса, а дополнительным — по длительности (смычки) согласного, то в рассматриваемых говорах контраст по интенсивности (который проявляется в большей длительности фрикативных согласных, большей интенсивности взрыва и длительности послевзрывной фазы взрывных) следует считать основным. Об этом же можно судить и на том основании, что именно в позиции —ГСГ— (сильной для противопоставления согласных) в говоре регулярно наблюдается мена глухих/звонких (как взрывных, так и фрикативных) типа *накла́дывал'и-нака́тывал'и,*

ку́п'ат-ру́б'ат. В подобных случаях данные пары звуков противопоставляются при помощи следующих параметров: а) бо́льшая (5:1) длительность послевзрывной фазы у напряженных *т*, *п'*; б) меньшая (70%) длительность гласного перед ними, в) иной характер примыкания к предшествующему гласному: перед *д*, *б'* происходит плавное падение интенсивности гласного, который почти незаметно переходит в смычку согласного; перед *т*, *п'* интенсивность гласного уменьшается очень резко, колебания утрачивают периодичность, наблюдается "шепотный гласный". С этим же связан и характер движения основного тона в данных парах (в идентичной позиции — конца синтагмы): перед *д*, *б'* на ударном гласном наблюдается понижение тона, которое продолжается на заударном; перед *т*, *п'* тон на ударном гласном ровный или с незначительным подъемом в конце, а падение на заударном начинается с высоты, большей, чем высота тона на ударном гласном, и является более резким, чем в 1-м случае; это свидетельствует о том, что максимум интенсивности приходится на напряженный согласный, который в отличие от ненапряженного всегда составляет один слог с предшествующим гласным[9] [ср.: 11].

Таким образом, данные о том, что глухие/звонкие согласные в анализируемых говорах могут противопоставляться с опорой на все шесть указанных параметров (при этом контраст по наличию/отсутствию голоса не является основным) еще раз подтверждают предположение о наличии в этих говорах (в недавнем прошлом) корреляции напряженности, что в свою очередь связано с наличием противопоставления по локальному ряду и некоторыми особенностями артикуляционной базы. Данная связь является, на наш взгляд, аргументом и против мнения о том, что описанные особенности консонантной системы ряда севернорусских говоров являются результатом воздействия соседних финно-угорских языков [7][10].

ЛИТЕРАТУРА

1. *Арсеньева М.Г., Балашова С.П., Берков В.П., Соловьева Л.Н.* Введение в германскую филологию. М., 1980.
2. *Бондарко Л.В., Зиндер Л.Р.* О некоторых признаках русских согласных фонем // ВЯ. 1966. N 1. С. 10—14.
3. *Жаров Б.С.* Датское произношение. М., 1969.
4. *Князев С.В.* Некоторые результаты экспериментально-фонетического исследования реализации противопоставления глухих/звонких согласных // Бюл. фонет. фонда рус. яз. 1989. N 2. С. 40—55.
5. *Князев С.В.* Об эволюции консонантной системы одного архангельского говора // Историческое развитие языков и методы его изучения: Тез. межвузов. конф, Свердловск, 25—27 окт. 1988 г. Свердловск, 1988. С. 161—162.
6. *Кодзасов С.В.* Об универсальном наборе фонетических признаков // Экспериментальные исследования в психолингвистике. М., 1982. С. 94—108.

[9] Более подробно обо всем, что связано с результатами экспериментов, см.: [4].

[10] Следует в связи с этим заметить также, что по характеру противопоставления глухих/звонких согласных севернорусские говоры больше напоминают германские языки, чем финно-угорские, где ведущим для всех согласных является контраст по длительности (смычки) согласного.

7. *Колесов В.В.* Северновеликорусские чередования согласных, парных по глухости/звонкости // Вестн. ЛГУ. Сер. истории, яз. и лит. 1963, N 2, вып. 2.
8. *Кузнецов П.С.* О говорах Верхней Пинеги и Верхней Тоймы // Материалы и исследования по русской диалектологии: В 3 т. М., 1949. Т. 1. С. 5—44.
9. *Кузнецова А.М.* Некоторые вопросы фонетической характеристики явления твердости/мягкости согласных в русских говорах // Экспериментально-фонетическое изучение русских говоров. М., 1969. С. 35—137.
10. *Норк О.А., Адамова Н.Ф.* Фонетика современного немецкого языка: Норматив. курс. М., 1976.
11. *Паufошима Р.Ф.* О связи характера примыкания и звукового эддипсиса с особенностями фонологической системы (на материале говоров русского языка) // Русские диалекты: Лингвогеогр. аспект. М., 1987. С. 97—104.
12. *Паufошима Р.Ф.* Перестройка системы предударного вокализма в одном вологодском говоре // Физические основы современных фонетических процессов в русских говорах. М., 1978. С. 18—66.
13. *Раевский М.В.* К вопросу о типологии консонантных систем современных германских языков // Структурно-типологическое описание современных германских языков. М., 1966. С. 277—289.
14. *Kohler K.* Dimensions in the perception of fortis and lenis plosives // Phonetica. 1979. Vol. 36. P. 332—343.
15. *Kasatkin L.L., Kasatkina R.F.* The correlation of the tense-lax consonants in some Russian dialects and in Slavic languages // Proceedings XI ICPhS: The Eleventh Intern. congr. of phonetic sci., Aug. 1—7, 1987. Tallinn, 1987. Vol. 5.

О.М. КОЗИНА

ГУБНЫЕ СПИРАНТЫ В СЕМЕЙСКИХ ГОВОРАХ

Предками современных носителей семейских говоров были старообрядцы-раскольники из центральных, северных и южных губерний России [2]. В течение ста лет они спасались от никоновских реформ в Ветке и Стародубье, принадлежавших в ту пору Польше, а ныне относящихся к Гомельской и Брянской областям. В середине XVIII в. раскольнические группы, консолидировавшиеся в Ветке и Стародубье, были высланы на Алтай, в северные области Казахстана и в Забайкалье.

Лингвистическую значимость и практическую сложность представляет определение материнской основы семейских говоров. Сложность заключается в том, что эти говоры в течение века находились в окружении белорусских говоров, в дальнейшем в Забайкалье — говоров старожилов-сибиряков, некоторые из них и в окружении говоров бурятского языка. Нельзя также не принимать во внимание взаимовлияние говоров переселенцев.

Первое подробное описание семейских говоров было сделано в 1920 г. А.М. Селищевым [11]. А.М. Селищев считал эти говоры южнорусскими в их основе. Примечательно, что он выделял при этом говор старообрядческой д. Десятниково как особый, "удалившийся от прочей семейщины" по ряду фонетических и морфологических особенностей: 1) предударное иканье распространяется за счет яканья; мягкое цоканье (*дац'ка, ц'ао, луц'ц'и, поц'та*); употребление взрывного *г*; шепелявенье в произношении мягких *с, з;* стяжение

гласных в окончаниях глаголов (*бегат, знат*); 2) твердое *т* в окончаниях форм 3 л. ед. ч. наст. вр.; омонимия дат. и твор. п. (рукам, нагам).

Те же "несемейские" черты обнаружены нами в говоре с. Новодесятникова, которое было образовано в 1814 г. путем переселения трех старообрядческих семей из с. Десятникова [12, с. 23]. (Село Новодесятниково Бур. АССР, Кяхтинский р-н, пограничная с Монголией зона.) Относительная изолированность и удаленность от других населенных пунктов дает основания предполагать, что частная диалектная система с. Новодесятникова испытала минимальное влияние инодиалектной и иноязычной среды.

Для восстановления материнской основы и тенденции развития вторичных говоров следует учитывать целый комплекс признаков, отражающих прежде всего их фонетическую и морфологическую систему [1]. (Лексические черты менее показательны, так как лексика более всего подвержена изменению). Вместе с тем целесообразно сначала проанализировать отдельные вариативные звенья системы вторичного говора, сопоставив характер вариативности этих звеньев с их вариативностью в говорах старого заселения.

Нам представляется допустимым начать изучение фонетической системы с одного из звеньев консонантизма — губных спирантов *в—ф*. Оно может оказаться в определенной степени диагностирующим, поскольку диалектные реализации спирантов на территории исконной колонизации имеют достаточно четкую локализацию. (ДАРЯ вып. 1, карты 56, 57, 58, 59).

Статья написана на материале четырех ЧДС (с. Новодесятниково, с. Никольское, с. Шаралдай и с. Новый Заган), собранном автором в 1986—1987 гг. (8 часов магнитофонных записей, а также рукописные тексты живой диалектной речи двадцати информантов—женщин 70—80 лет, неграмотных, местных, никуда не выезжавших).

Губные спиранты в русских говорах с разной степенью детализации рассматривались неоднократно в трудах [4], [8], [9]. В работах В.Г. Орловой [10], а позднее А.К. Васильевой [5], [6] этот комплекс согласных фонем стал объектом специального изучения. В результате стали общепризнанными положения о том, что в истории русского языка издавна действовала тенденция к замене губно-губной (г.-г.) артикуляции звуков, представляющих фонему <в>, артикуляцией губно-зубной (г.-з.), вследствие чего г.-г. звук стал характеризовать лишь отдельные диалектные зоны. В работах А.К. Васильевой дана объективная картина функционирования губных спирантов в говорах территории исконного заселения. Отметив общую закономерность в процессе изменения г.-г. *в* в г.-з. для северного и юго-западного ареалов, автор выявляет отличительные черты, связывая своеобразный характер реализации спирантов в говорах этих территорий с судьбой редуцированных. Так, в говорах северного ареала процесс изменения г.-г. [w] в г.-з. [в] совпал "с процессом утраты редуцированных, начавшимся к тому времени, когда фонема <в> уже приобрела возможность, во всяком случае в позиции перед гласными, выступать в виде губно-зубного [в]" [5, с. 91]. В соответствии с чем в говорах

северной территории имеют место следующие особенности: 1) меньшая степень г.-г. артикуляции в позиции конца слова; 2) меньшая сонорность г.-г., большая близость его к [w], а не к [ў]; 3) большая частотность г.-г. звуков перед глухими согласными в позиции середины слова; 4) большая выраженность утраты [w] в интервокальном положении.

Проанализируем по методу А.К. Васильевой реализацию фонемы <в> в говорах семейских сел. Предварительный анализ показал, что по данной черте консонантизма говоры с. Никольское, с. Шаралдай, с. Новый Заган полностью совпадают и в связи с этим материал по трем ЧДС дан в совокупности и обозначен ЧДС-3 (три). Соответственно материал по говору с. Новодесятникова — ЧДС—Н. Рассмотрим его.

В позиции перед гласными в начале слова. ЧДС—Н: *Ва́ня, вале́к, ва́та, во́ды, во́лосы, ве́кша, ве́сточка, ви́дно, ви́лы, вя́зка, вы́резки, вы́лечили* и др.; *wо́жжи, wо́лк, wо́ск;* ЧДС—3: *ва́за, Ва́ля, Варва́ра, во́семь, во́ши* (вши), *две́ри, ветера́н, Ви́ктор, ви́шня, ви́нт, вы́шка, вы́растила, ве́тошь, ве́дра* и др.; *у́бйлок, уо́жжи,* wольный, *wы́думал, wысо́кий.*

В интервокальном положении: ЧДС—Н: *остава́лась, старове́р, сково́ро́дник, вере́вочка, погово́рка, кошева́, не́вод* и др.; *подко́wа, лоwу́шка.* При этом отмечаются случаи утраты г.-г. звука: *коро́ушек, доо́льно, дереу́шек, про́олока.* ЧДС—3: *забыва́ть, бра́вый, браве́тка, повёсила, привезу́т, пра́вильно, укочева́ли, челове́к, трава́, ста́венька, дава́ли, проводи́ли, коро́ва, завали́лась, холще́вые, живе́т* и др.; делоwо́й, приwо́лье и др.

После согласного перед гласным. ЧДС—Н: *зва́ть, расцвела́, пе́рвая, две́, квашня́, хва́тит, своя́, ухва́т, подва́л, моли́тва, ботва́* и др. ЧДС—3: *хво́рость* (хворь), *ботви́нья, госуда́рство, зва́ть, сви́ли, свекру́ха, ры́твина, брю́ква, двайть* (пашню), *хвали́ть, дво́р, захвачу́.*

Приведенные примеры обнаруживают зависимость качества губного согласного [w] от качества соседних гласных: [w] чаще рядом с лабиализованными *о, у*, что объясняется, очевидно, частичным совпадением артикуляции этих звуков. В говорах семейских, как и в говорах исконной территории г.-г. артикуляция заменяется на г.-з. скорее у фонемы <в'> чем у <в>: в говорах не отмечено г.-г. артикуляции мягкой фонемы <в'>.

В середине слова перед согласными: а) перед сонорными ЧДС—Н: *головны́е, церко́вную, ро́вная, верхо́вная, сабра́сый* и др.; *давно́, бревно́* и др. ЧДС—3: *правосла́вные, коври́га, дере́вни, управля́ющий, мура́вленные, часо́вник, наста́вник* и др.; б) перед звонкими ЧДС—Н: *а́вгуст* (август), *пра́вда, сыновья́, зимовье́.* ЧДС—3: *пра́вда//пра́ўда;* в) перед глухими ЧДС—Н: *ла́ўка, командиро́ўка, загото́ўка, ере́ўка, переда́ўка, лито́ўка, брако́ўс'к'ий, жидоўс'к'ий, морко́ф'к'и, беспопо́ўцы//беспопо́фцы, уста́ўщик//уста́фщик, перепла́ўщик* и др. ЧДС — 3: *десятидне́ўка, лесозагото́ўка, де́ўка//де́фка, аўто́бус, кана́ўка //кана́фка, зало́фка, во́ус'и, отцо́ф'с'к'ий, ма́коф'к'и, беспопо́ўцы//беспопо́фцы, оста́фшись* и др.

Позиция конца слова. ЧДС—3: *дро́w нада, коро́ф нет, морко́w, крow//кроф* и др.; *быко́w, с куето́w, с крето́w, бревно́w* (бревен),

мужико́w, мешко́w,сибиряко́ф, тепляко́ф, пра́внукоф, киломе́троф, ко́неф (коней) и др. В приведенных примерах наблюдается вариативность г.-г. и г.-з. звуков, сходная с характером реализации фонемы<в> в позиции оглушения в середине слова. Нужно заметить, что в говорах юго-западного ареала "обе эти позиции составляют практически одну" [6, с. 91]. ЧДС—Н: *кабано́w* ко́рмим, *клопо́w развела, коро́ф* много, *осетро́ф поймали, михайлоф буру́н* (теленок), *перерыф* и др. По частоте употребления г.-г. звуков позиция конца слова в ЧДС—Н соотносится с позицией перед гласными, что в целом характерно для говоров северной территории [6, с. 87].

В начале слова перед согласными не в предлоге: а) перед сонорными ЧДС—Н: *уну́к//мну́к//ву́к, уме́сте, вла́сть, вре́мя, вра́л, вра́ч, вла́жный.* ЧДС—3: *унизу́, унутри́, уме́сте, уре́зал* (врезал), *уну́к, уну́чка//ву́чка, унуче́нок //вуче́нок;* б) перед звонкими ЧДС—Н: *узя́л//взя́л, вдова́, вда́ль, вдру́г.* ЧДС—3: *узя́л, узяра́вливает* (выздоравливает), *взамуж, взгляну́ть.* в) перед глухими ЧДС—Н: *усю́* (всю), *уся́кий, фку́сный, фсего́, фпере́д, фчера́* и др. ЧДС—3: *упива́ют, уся́кий, упере́д, фторо́й, фсю́ду* и др.

В положении начала слова, как известно, судьба фонемы <в> перед согласными была особой. В этой позиции звук сильно вокализовался, в результате чего изменился в слоговой гласный [у]. Этот звук отмечается в начале слова не только перед сонорными, но спорадически и перед шумными, в том числе глухими (*упере́д, уку́сный*), хотя более употребительны в этих позициях г.-з. звуки: [в] — перед сонорными и звонкими, [ф] — перед глухими. Звук [у] в части случаев утрачивает связь с фонемой <в>. Так, в современном состоянии семейских говоров всех четырех сел на месте предлога *в* отмечается [у] слоговое.

Перед словами, начинающимися с гласного: *у гра́де* (в огороде), *у избе́//в избе́, у а́рмию, у а́тласах, у э́том, у одне́м//в однем* и др.

Перед словами, начинающимися с согласного: а) перед сонорными: *в лиса́х, у моря́х, у лагу́н, у ле́ндах, у но́вым, у ме́сяц* и др.; б) перед звонкими шумными: *у ду́диках, у бок, у го́роде, у до́м, у бо́чке, у ба́ню, у запе́чкой, у Загане, у де́нь, у груди́, у войну́, у газе́те* и др.; в) перед глухими шумными: *у сту́лу, у стекля́нные, у теле́гу, у кокошниках, у песо́к, у стряпню́, у сту́пку, у Харья́ску, у тра́кторном, ф ссы́лку, ф сре́днем, ф сере́дку, ф це́рковь, ф колхо́зе, ф штана́х, ф Куготы, ф Ширанда́и* и др.

В изучаемых говорах отражено варьирование [ў] неслогового и[у] слогового, например: *унук читал у газете; трава ў граде; она ў дудиках уся* и т.п. Наряду с диалектным произношением в речи одного информанта наблюдается и литературная норма в употреблении предлогов-приставок.

В некоторых лексемах гласный *ы* в приставке *вы* в безударной позиции подвергается лабилизации под влиянием предшествующего согласного, в результате чего *вы* изменяется в [у] ([вы]>[ву]>[у]): *понаупи́сывали, ука́шивали, ука́пывал.* Приставка *уво* на место *у* отмечена в слове *увоше́л* в ЧДС—3, что связано с особенностями реализации губной <в> в начале слова перед согласными.

Таблица

Позиция	ЧДС—Н				ЧДС—З			
	ў	w	в	ф	ў	w	в	ф
Перед гласными в начале слова	—	1,3	98,7	—	0,01	0,09	99	—
В интервокальном положении	—	28	72	—	—	20	80	—
В середине слова перед неглухими	—	—	100	—	—	—	100	—
Перед глухими	60	—	—	40	85	—	—	15
В конце слова	—	40	—	60	—	63	—	37
Не в предлоге перед согласными (неглухими)	26	—	74	—	76	—	34	—
Не в предлоге перед согласными (глухими)	31	—	—	69	65	—	—	35
В предлоге перед согласными (неглухими)	75	—	25	—	91	—	9	—
В предлоге перед согласными (глухими)	67	—	—	33	89	—	—	11

В рассматриваемых говорах наблюдается протетический [в]. Принимая во внимание тот факт, что примеры: *вострый, воспа, вобжа, вольха, восы* могут быть лексикализованными и не свидетельствовать о наличии живого фонетического явления в говоре, отмечаем протетический [в] во всех четырех ЧДС: а) перед ударными гласными: *вýлица, вóсенью, вýмер, вýгол, вýши, вýповод, вýженький, вótруби, вóвцы, вóзеро, вóпухоль* и др.; б) перед безударными гласными: *Вархúп, Вустúнья, винтарú* (янтари), *вутюгú* и др. Наблюдается такжé вставка [в] между гласными перед [у]: *правýлки, повýжинаем, самовýчка.*

В таблице отражено число примеров по говорам со звуками г.-з. и г.-г. артикуляции (в %).

Сопоставление анализируемого звена консонантной системы показало, что путь освоения семейскими говорами г.-з. артикуляции представляет саморазвитие системы и совпадает с основными процессами замены г.-г. звуков на г.-з. в говорах на территории раннего заселения: 1) наиболее продвинутым является процесс вытеснения г.-г. звуков в позциии перед гласными; 2) затем перед сонорными согласными и звонкими шумными; 3) в позиции перед глухими согласными (ЧДС—3) и на конце слова звуки г.-г. характера удерживаются дольше, чем в остальных позициях.

Все же, несмотря на сходный характер реализации фонемы <в> в исследуемых ЧДС, в говоре с. Новодесятникова г.-г. артикуляция в позиции конца слова фиксируется в меньшей степени по сравнению с положением в середине слова перед глухими согласными. Отмечается утрата г.-г. [w] в интервокальном положении; во всех позициях г.-г. звуки представлены в явно подчиненном виде по отношению к звукам г.-з. образования. Такая реализация фонемы <в> в основном характерна для говоров северного ареала. Соответственно, по позиции звуков на месте *в* перед глухими и перед звонкими согласными ЧДС—3 соотносится с типом говоров юго-западного ареала, занимающего северно-западную периферию.

Как известно, говоры, которые имели г.-з. [в], а после падения редуцированных развили [ф] в позиции перед глухими согласными и на конце слова, усваивали и фонемы <ф>—<ф'> в заимствованных словах. Говоры с г.-г. звуками не могли усвоить звука [ф] и заменяли его на [х], [хв], [хф], и [п].

В семейеких говорах трех сел, исключая с. Новодесятниково, выделяется пласт иноязычной лексики, где глухой спирант подвергся заменам. Так, перед гласными в соответствии с [ф] твердым встретились замены <ф> в следующих лексемах: *хвами́лия, хо́рменные, Епихва́н, Силихво́нтин, шихвоне́р, хва́ртук, сарахва́н, дали штра́ху* (штрафу), *кухва́йка.* На месте твердого [ф] выступает сочетание *хв* или звук [х]. Перед гласными — в соответствии с [ф'] мягким — *Ехи́мович, Хведо́т, Хве́дя, ка́нхвинный, Хвила́товы, Хви́рс, Хехра́ль* (февраль), *хи́рма* (ферма), *шохве́р.* В этом положении субститутами <ф> являются [хв'], [х']. Перед согласными — а) перед сонорными — женское имя "Ефросинья" в речи диалектоносителей бытует в трех фонетических вариантах — *Праси́нья/ / Апраси́нья/ / Хахраси́нья; Ага́хья, хро́нт, хронтови́к, хронтово́й, ва́хли*; б) перед глухими шумными в слове *ко́хта* (кофта).

Твердые замены <ф> на [х], [хв] встречаются перед гласными *а, о, у* как перед ударными — *хо́рма, хва́ртук* и др.; так и безударными гласными — *штра́ху, хвами́лия.* Мягкие замены <ф> на [хв'], [х'] могут выступать перед ударенными и неударенными гласными *и, е, о.* Таким образом, оба варианта замены (как твердый, так и мягкий) как бы индифферентны к качеству следующего за ним гласного в говоре трех семейских сел. По мнению С.В. Бромлей, "такая ситуация определяется тем, что мы застаем эти говоры в процессе перестройки отношений в передаче иноязычного [ф], начинавшейся в достаточно позднее время, когда <х> уже развила позиционную мягкость. В тот момент истории консонантной системы южнорусские диалекты, сохранившие билабиальное w получили ... два универсальных способа замены *ф*: замену посредством *х* — в твердом и мягком вариантах — и посредством сочетания *хв* — также в двух вариантах" [3, с. 86]. Это согласуется с периферийным положением систем *в-ф* по отношению к основному ареалу их замен.

В говоре с. Новодесятникова замена иноязычной *ф* представлена нерегулярно и непоследовательно, характерно в этом отношении замечание одного из информантов, женщины 80-ти лет, носительницы диалекта: "Мы сарахван ни гаварим. Куналейские гаварят "Хвартук", "Хведя", мы ни гаварим". Отмечена литературная норма в произношении семейских этого села личных имен *Филимон, Фекла, Федора, Фитинья, Марфа, Ефрем, Сафрон* и лексем *сарафан, фирма* (*ферма*), *шофер* и др.

Сопоставление четырех ЧДС с точки зрения замен <ф> показало, что семейские говоры можно разделить на две группы: 1) ЧДС—3 — в фонетической системе которой твердые и мягкие замены <ф> (по качеству иноязычного *ф* этот говор соотносится с системой IV юго-западной диалектной зоны [7, с. 105]); 2)ЧДС—Н — в которой нет замен *ф*, как и в говорах северной территории.

По исследованному звену фонетической системы [в] —[ф] семейских говоров, предварительно можно сказать, что, по-видимому, материнская основа говора с. Новодесятникова севернорусская, а говора сел Никольского, Шаралдая, Нового Загана — южнорусская. Напомним о консерватизме старообрядцев в прошлом, их бытовой и, следовательно, языковой замкнутости, все это дает основание говорить о независимом развитии семейских говоров. В то же время не следует забывать, что проанализирован только один фрагмент системы и сходные результаты в говорах позднего заселения и в говорах исконной территории могли получиться вследствие одинаковых тенденций спонтанного развития.

В связи с этим наши выводы имеют эвристический характер: анализ другого диалектного материала подтвердит или заставит пересмотреть принятую точку зрения. Для окончательных решений относительно материнской основы исследуемых говоров необходимо проанализировать (также в сопоставлении с говорами исконнной территории) и другие звенья семейских говоров.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Блинова О.И.* К методике определения диалектных основ вторичного говора // Говоры территорий позднего заселения. Томск, 1977.
2. *Болонев Ф.Ф.* Семейские. Улан-Удэ, 1985.
3. *Бромлей С.В.* К истории формирования признака "твердость—мягкость" и заднеязычных фрикативных фонем в русском языке // Русские говоры. М., 1975.
4. *Будде Е.Ф.* К истории великорусских говоров. Казань, 1986.
5. *Васильева А.К.* О закономерностях возникновения в русских говорах юго-западной зоны спирантной пары [в] — [ф] // Диалектологические исследования по русскому языку. М., 1977.
6. *Васильева А.К.* Специфика позиционного поведения губных спирантов в говорах севернорусского наречия // Диалектология и лингвогеография русского языка. М., 1987.
7. *Васильева А.К.* Фонемы <ф>, <ф'> и их замены в русских говорах // Русские говоры. М., 1975.
8. *Дурново Н.Н.* Диалектические разыскания в области великорусских говоров. М., 1917. — Ч. 1, вып. 1.
9. *Дурново Н.Н.* Очерк истории русского языка. М., Л., 1924.
10. *Орлова В.Г.* Губные спиранты в русском языке. М., Л., 1950.
11. *Селищев А.М.* Забайкальские старообрядцы: Семейские. Иркутск, 1920.
12. *Шмулевич М.М.* История заселения Западного Забайкалья XVII — середины XIX в. Новосибирск, 1985.

Р.Ф. КАСАТКИНА

О ФОНЕТИЧЕСКОЙ ПРИРОДЕ СЛОВЕСНОГО УДАРЕНИЯ В СЕВЕРНОРУССКИХ ГОВОРАХ

Степень включенности фонетического слова в рамки просодии фразы может быть различной в разных фонетических системах. Т.М. Николаева отмечает, что "... можно говорить о языках, в которых слова нанизываются, как бусины, на линию фразовой интонации, мало при этом модифицируясь. Напротив, в других языках слова как бы растворяются во фразово-интонационных единицах, подчиняясь им. Из славянских языков ближе всего к последней ситуации именно русский язык" [10, с. 261]. Следует внести поправку в это утверждение — сюда не относятся севернорусские говоры, где ситуация именно такая, которая описана в начале процитированного отрывка.

Севернорусским говорам свойствен особый характер рельефа мелодического контура фразы, а именно его расчлененность, что приводит к интонационной самостоятельности каждого фонетического слова в составе фразы. Прослушивание магнитофонных записей говоров из Вологодской, Архангельской, Кировской, Костромской областей показало, что тенденция к пословному оформлению мелодического контура фразы в этих говорах очень сильна. Эта тенденция усиливается в ритмизованных участках текста. Наиболее отчетливо проявляется она в текстах заговоров, заклинаний, пословиц и других фольклорных жанров. Вместе с тем в этих же говорах можно обнаружить участки текста, где преобладает посинтагменное, а не пословное оформление интонационного контура.

Наши наблюдения показывают, что пословное оформление интонационного контура в севернорусских говорах может достигаться по меньшей мере, двумя способами: с помощью акцентного усиления первого слога (независимо от того, падает ли на него ударение) в многосложных словах и с помощью тонального подъема на ударном гласном каждого фонетического слова. Эти два способа пословного оформления интонационного контура в севернорусских говорах представлены на рис. 1 и 2.

При акцентном усилении первого слога возникает слуховой эффект дополнительного ударения. В создании этого эффекта участвуют все три акустических параметра: тон (*f*), интенсивность (*i*) и длительность (*t*). Такой способ интонационного выделения каждого слова придает особый колорит севернорусской речи; литературному варианту русского языка этот способ сочетания словесной и фразовой просодии чужд. При тональном выделении непервого ударного слога в этих же говорах в качестве сопутствующего параметра, участвующего в создании эффекта ударения, выступает длительность; интенсивность не играет решающей роли, участвуя по преимуществу в оформлении динамического контура фразы [см.: 11, с. 8—14]. Этот способ просодической организации севернорусской фразы может быть со-

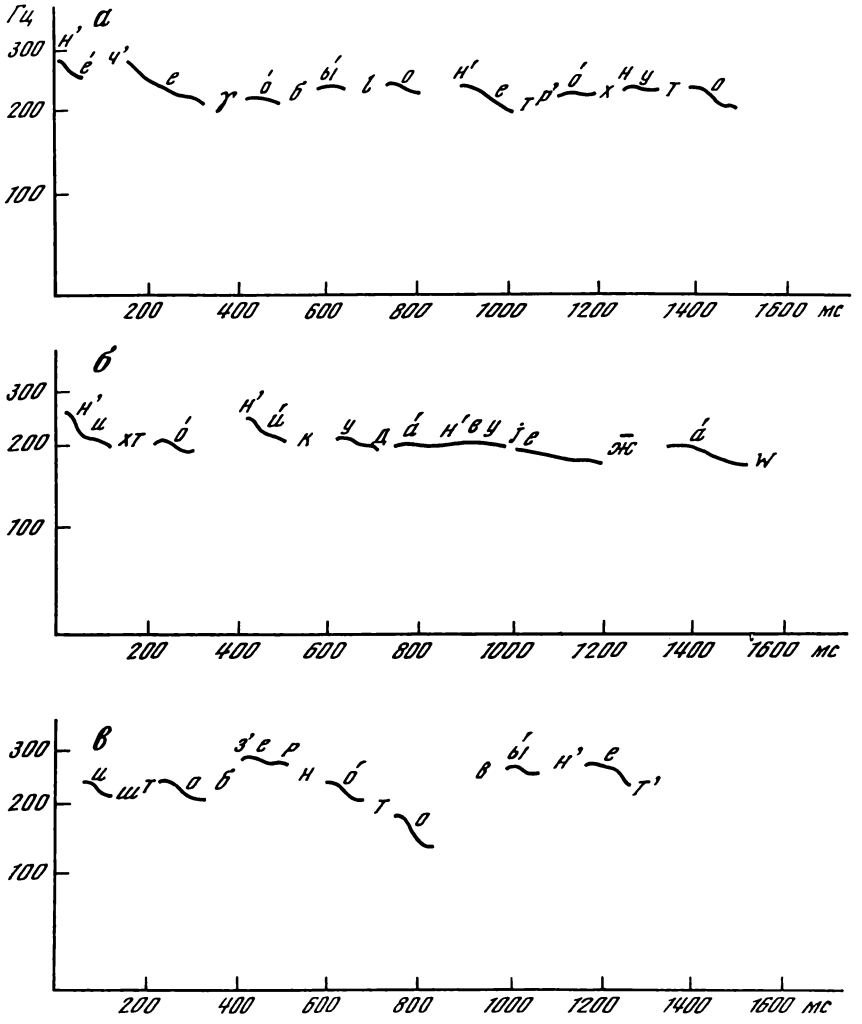

Рис. 1. Графики изменения основного тона во фразах
а — **ничего было не трёхнуто;** *б* — **никто никуда не уезжал;** *в* — **и чтоб зерно-то вынеть (д. Злобиха Харовского р-на Вологодской обл.)**

поставлен с тем, что известно в этом отношении для русского литературного языка. Несмотря на большой интерес к проблеме соотношения словесного ударения и фразовой интонации в русском языке вопрос этот все еще находится в стадии изучения.

Из работы О.Ф. Кривновой [7] следует, что словесные ударения в интонационном контуре фразы маркируются тональными толчками. Н.Д. Светозарова на основе проведенного ею эксперимента по определению места ударения аудиторами в словах, вырезанных из

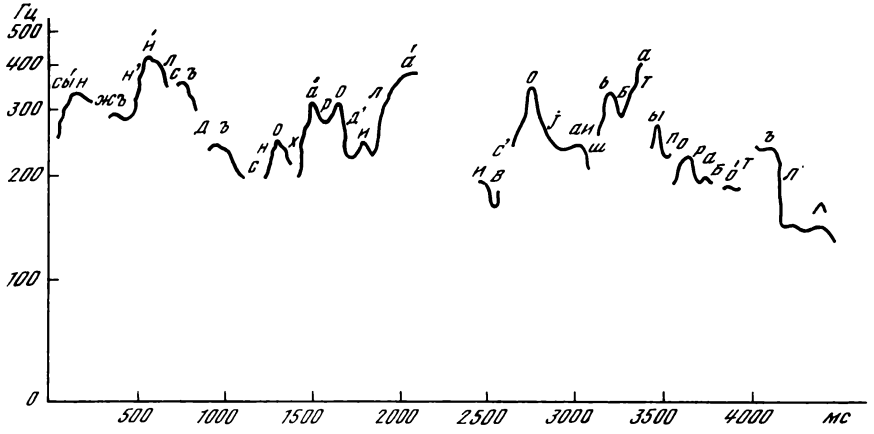

Рис. 2. График изменения основного тона во фразе: "Сын женился, до сноха родила, и все, я ишь бат и поработала" (д. Белощелье Лешуконского р-на Архангельской обл.)

разных участков фразы, показала, что в слабых фразовых позициях, т.е. не в начальной и не в конечной позиции, место ударения может не распознаваться слушателями [13, с. 125—126]. Материал ослышек, связанных с неправильным восприятием места ударения в русской речи, собранный нами [см.: 2], согласуется с этим наблюдением. Все сказанное подтверждает тезис о подавлении словесной просодии просодией фразы в литературном варианте русского языка. В севернорусских же говорах отмеченное тональное выделение ударных гласных предстает как более отчетливое по сравнению со слабыми тональными толчками в литературном языке, которые описывает О.Ф. Кривнова.

В севернорусских говорах фонетическое слово может быть интонационно выделено не только указанными параметрами: нередко обособление слова из потока речи достигается также и паузацией. Если в описанных случаях вопрос о выделении фонетического слова в отдельную синтагму остается дискуссионным (альтернативное решение может быть таким: несколько интонационных центров в одной синтагме), то в последнем случае вопрос решается однозначно — фонетическое слово, выделяемое интонацией и паузацией, составляет отдельную синтагму.

Полагаем, что краткость синтагмы можно включить в число признаков, свойственных архаическим фонетическим системам. Наши данные подкрепляются результатами, полученными В.С. Маркеловым [9]. Автор исследования проследил на материале одного среднерусского окающего говора закономерность изменения длины синтагмы: если архаическому слою говора свойственны короткие синтагмы (1—2 слова), то передовой слой говора характеризуется большей протяженностью синтагм.

Признак большей просодической самостоятельности слова в севернорусских говорах сравнительно со средне- и южнорусскими гово-

рами оказывается ключевым для многих явлений, характеризующих статус фонетического слова в этих диалектных системах. С этим связаны такие стороны фонетической системы, как характер ударения, ритмико-динамической структуры слова, выраженность пограничных сигналов, характер межслоговых взаимодействий гласных. Эти вопросы мы и рассмотрим.

1. Комплекс фонетических явлений, объединяемых термином "ударение", характеризуется сложностью, поэтому исследования, связанные с ударением, могут вестись в различных направлениях. Данное исследование касается только тех физических параметров речевого сигнала, связанных с акцентной выделенностью, которые могут быть выявлены при анализе материала спонтанной речи. Такой подход к изучению ударения предполагает концентрацию внимания на функционировании словесного ударения во фразе, т.е. соотношения словесных акцентов и фразовой просодии. Исследование же реализации словесного ударения в изолированной словоформе является лишь частным случаем проявления общей закономерности. Такой подход к исследованию словесного ударения в русском языке наметился в последнее время в работах Н.Д. Светозаровой [13], Т.М. Николаевой [10, 14], Л.Г. Зубковой [5] и других авторов.

Основным "строительным материалом" для формирования ударного слога, для выделения его на фоне других слогов, являются три акустических параметра — тон (*f*), интенсивность (*i*) и длительность (*t*). Т.М. Николаева считает возможным строить типологическую классификацию языков в зависимости от того, какой из этих трех параметров является предпочтительным в просодической системе того или иного конкретного языка: "... мы можем говорить о *f*-ориентированных, *i*-ориентированных и *t*-ориентированных языках" [14, с. 71]. Поэтому поиски лишь одного из этих параметров в качестве основы для фонетической сущности ударения представляются мало эффективными. В работе, посвященной фразовой интонации славянских языков, Т.М. Николаева исследовала проявление словесных акцентов в рамках просодии фразы. Исследовались акустические параметры (тон, длительность, интенсивность), выделяющие ударный гласный слова в позициях: 1) начала фразы, 2) середины фразы, 3) в нисходящем конце фразы, 4) в восходящем конце фразы.

Для русского литературного языка были получены следующие результаты: 1) в начале фразы — *f, fti, t, ti, ft;* 2) в середине фразы — *fti, t, ft, o*; 3) в нисходящем конце — *fti, fī*; 4) в восходящем конце — *fti, fī* [10, с. 95].

Как видно из приведенных данных, тон является обязательным параметром в формировании словесного ударения в позиции конца фразы. Эта позиция совпадает с позицией изолированного слова. Следовательно, в изолированном произношении слова в русском языке тоновая характеристика является релевантной для выделения ударного гласного [см.: 2].

Этот вывод был "выстрадан" многолетними исследованиями характера русского ударения: долгое время тоновые характеристики не включались в комплекс параметров, формирующих ударение

[напр., 3]. Загадка этого удивительного невнимания к важному просодическому признаку, объясняется, возможно, тем обстоятельством, что тоновые различия воспринимаются человеком несравненно хуже, чем остальные фонетические различия [6].

Как показало наше исследование [11], степень центрированности интонационного контура в севернорусских говорах несравненно меньшая, чем в литературном языке, среднерусских и южнорусских говорах. Это качество проявляется в высказываниях, отражающих разные коммуникативные типы[1].

В оформлении словесного ударения в севернорусских говорах ведущая роль принадлежит тону. В терминах Т.М. Николаевой, севернорусские говоры следует отнести к *f*-ориентированным языковым системам. Два других параметра — длительность и интенсивность — отодвигаются на второй план. Длительность слабо участвует в выделении ударного слога, поскольку это говоры без редукции, ударный слог слабо контрастирует с базударными в темпоральном отношении. Интенсивность же выполняет ведущую роль в оформлении фразы, синтагмы, отдельного изолированного слова, маркируя начало безотносительно к месту ударения.

Поэтому для выбора акустических параметров, создающих эффект ударения, в севернорусских говорах существенна не столько позиция слова во фразе, сколько позиция ударного слога в составе словоформы: структуры СЃСГ(СГ...), СГСЃ(СГ...), СГСГСЃ... характеризуются разными способами оформления словесного ударения. Начало слова в этих говорах преимущественно маркировано повышением тона, поэтому в словах структуры СЃСГ(СГ...) ударный слог выделяется тоном. В фонетических словах моделей СГСЃ(СГ...) и СГСГСЃ роль тона в формировании словесного ударения менее значительна.

С этим связано наличие в севернорусской спонтанной речи ряда необычных просодических явлений. С одной стороны, обращает на себя внимание обилие слов, имеющих не одно словесное ударение, а два и более. Подробно это явление описано в работе [11]. Не исключено, что выделенность разных слогов в слове, отмеченном не одним словесным ударением, достигается разными акустическими средствами, а слуховое восприятие отмечает "выделенность вообще".

С другой стороны, в архаических севернорусских говорах в звуковом потоке наличествуют знаменательные слова, вообще не имеющие ударения. Явления такого рода можно классифицировать следующим образом.

В интонационной системе севернорусских говоров имеют место синтагмы, произносимые на ровном тоне, который может быть реализован в разных регистрах. В таких участках речевой цепи

---

[1] В русском литературном языке, согласно наблюдениям Л.Г. Зубковой, степень центрированности интонационного контура зависит от коммуникативного типа высказывания: "В повествовательном предложении без логического ударения каждое полнозначное слово, кроме последнего, характеризуется повышением частоты основного тона на ударном слоге. В повествовательных предложениях с логическим ударением, а также в общем и специальном вопросах мелодические пики на ударных слогах сглаживаются, исключая слово, находящееся в интонационном центре" [5, с. 103].

акцентная выделенность слов вообще отсутствует, все слоги такого звукового фрагмента как бы равновесны, и это лишний раз подтверждает правильность нашего наблюдения о тоновом, по преимуществу, характере севернорусского ударения. Здесь как бы равно безударны, либо равно ударны все составляющие слоги[2].

В ряде случаев даже при отсутствии монотонного контура синтагмы бывает затруднительно определить место ударения, поскольку все составляющие слово слоги достаточно полновесны: каждый из них как бы несет на себе ударение. Ср. примеры: *и в·ùнó в·ед бы́lo//а уш мн·е н·è дò ц'áйу//хýтор быў мàл'úново.* Подобные примеры легко умножить. Очевидно, к этому явлению примыкает и другое: нередко одно и то же слово в говоре может в потоке речи получать ударение на разных слогах. На это обратил внимание П.С. Кузнецов при исследовании пинежских и верхне-тоемских говоров Архангельской обл.: "В отношении места ударения наблюдаются колебания в одних и тех же словах, когда такие колебания не влекут за собой смешения смысла. Колебания можно услышать в речи одного и того же лица" [8, с. 12].

2. Просодическая самостоятельность фонетического слова в рамках фразы в севернорусских говорах определяет и характер ритмико-динамической структуры слова.

Исследователи фонетики севернорусских говоров давно уже обращали внимание на факты сильного сокращения и даже редукции до нуля гласных 1-го предударного слога при полновесности гласных 2-го предударного слога в этих говорах. Такие примеры находим в работах [8; 1, с. 47]. В результате возникает волнообразный ритмический контур. Тенденция к усилению и удлинению нечетных слогов может проявляться в разной степени. Особенно сильно, по нашим наблюдениям, она выражена в говорах Архангельской обл. Ср. примеры, записанные нами летом 1983 г. в говорах Сурского сельсовета Пинежского р-на Архангельской обл.: *сарфáн, коргóт, пот'р'áла, хоршó, потхд'úт', карс'úн;* примеры, записанные в д. Смоленец Лешуконского р-на Архангельской обл.: *п'с'мó-то, хоршó, ус'цл'óма* (усть-цылёма), *говр'ýт, говр'ý* (август 1980 г., запись Л.Л. Касаткина).

Возникает вопрос, не находятся ли эти данные в противоречии с теми результатами, которые получил С.С. Высотский [4]. Согласно

---

[2] При отсутствии выделенности какого-либо слога в синтагме тоном, длительностью или интенсивностью, как это имеет место в рассматриваемом случае, определяющей для установления места ударения могла бы послужить тембровая характеристика гласного. Однако в севернорусских говорах безударные гласные практически не отличаются по тембру от гласных под ударением, поэтому в большинстве случаев этот критерий не может быть использован. Исключение составляют лишь фонемы среднего подъема в тех архаических говорах, где есть последовательное различение фонем *ω* и *о*, *е* и *ɛ*. Реализации этих фонем в безударных слогах отличаются от тех, которые выступают в слогах под ударением. На основании анализа сегментного состава монотонных в мелодическом отношении синтагм для этих говоров можно решить, являются ли входящие в них слоги ударными или безударными. Разумеется, это может быть выяснено только при условии, что в подобных синтагмах имеются гласные среднего подъема.

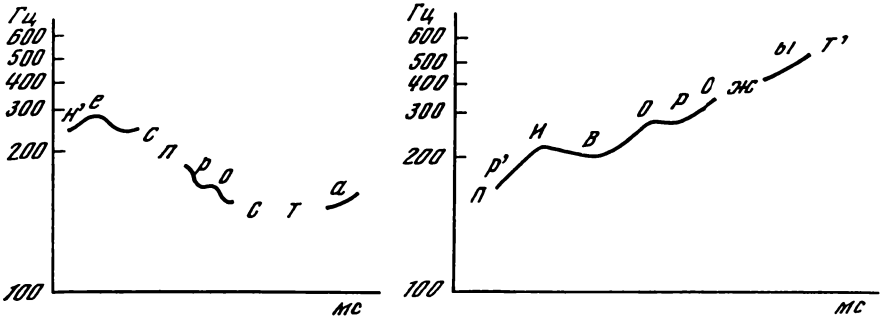

Рис. 3. График изменения основного тона в слове *неспроста* из фразы: "Захожу в деревню неспроста"

Рис. 4. График изменения основного тона в слове *приворожить* из фразы: "Надо мужика-то приворожить"

его данным, во всех обследованных русских говорах, в том числе и в севернорусских, отмечается двухступенчатая редукция безударных гласных [4, с. 34], т.е. более или менее явная реализация известной схемы Потебни. Полагаем, что это, безусловно, так при изолированном произношении слов. Во фразе же при условии усиления начального слога исходная ритмическая схема деформируется, и возникает волнообразный контур. Деформации не происходит при тональном выделении непервого ударного слога: в таких случаях гласный 2-го предударного слога реализуется как более краткий по сравнению с гласным 1-го предударного слога. На рис. 3 и 4 представлены эти две модели мелодического и ритмико-динамического оформления фонетического слова, зафиксированные в речи одного и того же информанта в одном и том же говоре (д. Полутиха Харовского р-на Вологодской обл.).

3. Маркировка начала слова просодическими параметрами служит отчетливым пограничным сигналом. Вполне возможно, что этим объясняется слабая выраженность пограничных сигналов средствами сегментной фонетики, характерная для севернорусских говоров [см.: 12].

4. Указанным свойством просодической системы св.-р. говоров может определяться и преобладающий характер межслоговых взаимодействий гласных. В этих говорах зафиксированы примеры, свидетельствующие о прогрессивной ассимиляции безударных гласных гласному начального слога: *умува́цуце, у продовцá, кулок'ú* (ассимиляция по лабиальности), *кулокá, укозáн'цо, по конв'ё, кружовá, назавýт, пол'ум'от, пропос т'úла, накармл'ý, откозáл'ис', нахад'úлас', н'е попода́цот, погода́ц, позноко́м'ице* (Слободской сельсовет Харовского р-на Вологодской обл.); *попода́ло, проподáла, попъ^{o}д'о́ш, потхвот'úла, покъ^{o}зáлас'е* (д. Куность Белозерского р-на Вологодской обл.); *попода́ш, накармл'ý, помон'ý,* (от "поманúть" — погодить), *мужукý-ту, дýмуцу, ис П'úр'им'ин'и* (Пúремень — название нас. п.), *ýс'п'ин'ига* (Усть—Пинега, здесь произошло выравнивание гласных по подъему),

остонóв'ат, окозáл'ис' (д. Койнас Лешуконского р-на Архангельской обл.). (С этой точки зрения совершенно не исследован материал, связанный с фактами ёканья в св.-р. говорах.) Представляется целесообразным связать эти случаи проявления прогрессивной вокальной гармонии с просодической выделенностью инициального гласного, однако это предположение нуждается в дополнительной проверке.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Альмухамедова З.М., Кульшарипова Р.Э.* Редукция гласных и просодия слова в окающих русских говорах. Казань, 1980.
2. *Богомазов Г.М., Пауфошима Р.Ф.* О влиянии структуры слова на восприятие русского ударения // Экспериментально-фонетический анализ речи. Л., 1984. Вып. 1.
3. *Бондарко Л.В., Вербицкая Л.А., Щербакова Л.П.* Об определении места ударения в слове // Изв. ОЛЯ АН СССР. 1973. Вып. 2.
4. *Высотский С.С.* О звуковой структуре слова в русских говорах // Исследования по русской диалектологии. М., 1973.
5. *Зубкова Л.Г.* Синтагматические отношения в фонетической системе русского языка // Современный русский язык: Теорет. курс: Фонетика. М., 1985.
6. *Кодзасов С.В.* О фонетической интроспекции // Экспериментальные методы в психолингвистике. М., 1987.
7. *Кривнова О.Ф.* Составляющая несущего тона в структуре мелодической кривой фразы // Исследования по структурной и прикладной лингвистике. М., 1975.
8. *Кузнецов П.С.* О говорах Верхней Пинеги и Верхней Тоймы // Материалы и исследования по русской диалектологии. М., Л., 1949. Т. 1.
9. *Маркелов В.С.* Ритмическая система одного Волжско-Свияжского говора: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 1987.
10. *Николаева Т.М.* Фразовая интонация славянских языков. М., 1977.
11. *Пауфошима Р.Ф.* Фонетика слова и фразы в севернорусских говорах. М., 1983.
12. *Пауфошима Р.Ф.* Некоторые особенности сандхи в севернорусских говорах // Русские народные говоры: Лингвогеогр. исслед. М., 1983.
13. *Светозарова Н.Д.* Интонационная система русского языка. Л., 1982.
14. *Nikolayeva T.M.* The prosodic parameters of word stress and their dependence on the place of stress in a word and on the characer of stress in a given language (fixed or not fixed) // Estonian papers in phonetics. Tallinn, 1978.

И.А. БУКРИНСКАЯ

ИМЕНИТЕЛЬНЫЙ ПАДЕЖ МНОЖЕСТВЕННОГО ЧИСЛА СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ ЖЕНСКОГО РОДА В РУССКИХ ГОВОРАХ И КАТЕГОРИЯ СОБИРАТЕЛЬНОСТИ

Категория собирательности, ее статус в языковой системе, соотношение с грамматической категорией числа, история собирательных существительных в русском языке практически всегда привлекали к себе пристальное внимание лингвистов. Особенно много работ, посвященных этой проблематике, появилось в 60—70 годы [1, 4, 9, 12], но до настоящего времени многие вопросы, касающиеся категории собирательности, остаются нерешенными. Одна из неоднократно обсуждавшихся проблем — соотношение множественности и собирательности. С этой точки зрения русские говоры

очень интересны, и в то же время, обследованы явно недостаточно. В данной статье я попытаюсь обобщить и проанализировать материалы русских говоров, касающиеся этой проблематики, взяв лишь один фрагмент в сложной системе взаимодействия множественности и собирательности — формы им. падежа мн. числа существительных жен. рода[1].

Статья основана, в первую очередь, на данных ДАРЯ по формам им. падежа мн. числа существительных[2], а также на специально собранных автором и сотрудниками ИРЯ материалах.

Формам им. падежа мн. числа существительных посвящен 80-й вопрос "Программы" [17], пункты а) мужской род...; б) женский род: *дере́вни* или *деревня́*; *ро́щи* или *роща́*; *я́блони* или *яблоня́*; *ло́шади* или *лощадя́*; *пло́щади* или *площадя́*; *две́ри* или *дверя́*; *пе́чи* или *печа́*; *ма́тери* или *матеря́*; *до́чери* или *дочеря́*; в) средний род... К сожалению, специального вопроса, посвященного собирательным существительным, в "Программе" нет, поэтому надо учитывать, что материал по ним, приводимый в ответах на 80-й вопрос, не является достаточно полным.

В русских говорах существительные жен. рода имеют два типа соотношения основ ед. и мн. числа [2]: 1) основа мн. числа равна основе ед. числа; 2) основа мн. числа осложнена суф.*-j-* (причем есть говоры, где этот суффикс присутствует только в форме им. падежа мн. числа и отсутствует в косвенных падежах). Всего в ответах приведено 60 существительных жен. рода, образующих основу мн. числа с суф. *-j-*. Для большинства русских говоров (и литературного языка) характерен первый тип соотношения основ. Во многих говорах присутствуют и 1 и 2-й типы соотношения основ, но второй тип ограничен отдельными словами или даже одной лексемой. Исключение составляют гдовские и онежские говоры (см. карту на вкл.), где второй тип соотношения основ у существительных жен. рода отмечается достаточно регулярно. Формы с суф. *-j-* шире всего представлены у существительных *мать, дочь — матерья́, дочерья́* (ДАРЯ. Вып. 2, карта 32), они распространены в Тульской, Курско-Орловской группах южнорусского наречия, а также в Гдовской группе среднеруских говоров и, видимо, связаны с продуктивностью образования форм мн. числа от терминов родства муж. рода с суф. *-j-* в этих же говорах (ср. *братья́, шурья́, сынья́, дядья́, сватья́* — ДАРЯ. Вып. 2, карта 29). В этих же говорах единично отмечаются формы *свекро́вья, свекро́вьи* (Ю. 202, 278, 398, 654)[3] с наоснов-

[1] Конечно, описание существительных жен. рода. в отрыве от существительных муж. рода является искусственным, но пришлось пойти на это, так как материалы ДАРЯ по муж. роду очень обширны и требуют дополнительной обработки и анализа. При разборе же конкретных ЧДС рассматривались существительные всех трех родов.

[2] См.: ДАРЯ. Вып. 2. Морфология карта 31 (и комментарий к ней). М., 1989, (авторы И.А. Букринская, Н.А. Липовская).

[3] Расшифровки номеров нас. пунктов находятся во вступительных статьях к региональным атласам (С.-Зап. — Северо-Западный том, С — Северный, Зап. — Западный, Вост. — Восточный, Ю. — Южный (о разделении территорий см.: ДАРЯ вып. 1, М., 1986), хранящимся в ИРЯ.

ным ударением (эта форма может быть образована от им. ед. *свекро́вья*).

В очень многих говорах единственным существительным жен. рода со вторым типом соотношения основ является слово *ло́шадь* — им. мн. *лощадья́* (см. карту), *ло́шадьи* (Ю. 745). Эта форма характерна для центральных и восточных говоров южнорусского наречия.

Гдовские говоры и небольшой ареал говоров вокруг Онежского озера выделяются обилием форм на *-ja* в им. падеже мн. числа от существительных жен. рода[4], в некоторых ответах по этим говорам приводится по 7—8 примеров (С.-Зап. 13, 19, 86, 89, 90, 95; см.: ДАРЯ. Вып. 2, карта 31 и комментарий к ней). Большинство форм с суф. *-j-* образовано от существительных I склонения (исторические *ā*-основы): *я́мья* (С.-Зап. 13, 19, 78—81, 90, 94, 95; С. 2, 3, 5, 66), *гря́дья* (С.-Зап. 79, 86, 87, 90), *ку́чья* (С.-Зап. 19, 89, 90; С. 5, 19), *ни́вья* (С.-Зап. 79, 90, 95; С. 13), *ды́рья* (С.-Зап. 17, 19, 78; С. 5, 12, 51, 70), *бере́зья* (С.-Зап. 19, 80, 95; С. 3, 68), *шу́бья* (С.-Зап. 86, 90; С. 2, 7, 13, 51), *ляди́нья* (С.-Зап. 89, 90; С. 3, 18), *я́блонья* (С.-Зап. 5, 7, 19, 80, 94 — но, возможно, от им. ед. *я́блонь*). Остальные существительные первого склонения в пределах этих ареалов встретились 1—2 раза: *бесе́дья* (С. 1), *гу́рья* (С. 70), *го́рья* (С.-Зап. 88), *жи́лья* (им. ед. *жи́ла* С.-Зап. 13, 232), *же́нщинья* (С.-Зап. 89, 95), *и́скорья* (С.-Зап. 81), *кана́вья* (С.-Зап. 14, 19), *корзи́нья* (С.-Зап. 5), *коро́вья* (С.-Зап. 13), *косы́нья* (С.-Зап. 90), *кры́жья* (от *кры́жа-кры́ша* С.-Зап. 90), *лу́жья* (С. 1), *ме́жья* (С.-Зап. 86), *но́рья* (С.-Зап. 95, 190), *оси́нья* (С. 3), *овчи́нья* (С.-Зап. 90), *пи́лья* (С. 66), *поло́сья* (С.-Зап. 95), *простыньа* (С.-Зап. 86), *пружи́нья* (С.-Зап. 19), *ра́нья* (С.-Зап.), *сосо́нья* (от им. ед. *сосна́* С. 3), *сте́нья* (С.-Зап. 16), *сту́пья* (С. 3), *трави́нья* (С.-Зап. 89), *я́годья* (С.-Зап. 86). Существительные III склонения (бывшие *i*-основы), отмеченные в пределах этих ареалов: *же́рдья,* (С.-Зап. 13, 87, 90; С. 12), *жердья́* (С.-Зап. 103, 211; С. 7), *ро́жья,* (С.-Зап. 14, 90), *ве́тья* (от им. ед. *веть* С.-Зап. 19), *пле́тья* (С.-Зап. 17), *сте́пья* (С.-Зап. 90), *не́телья* (С.-Зап. 95), *гармо́нья* (С.-Зап. 90), *ко́сья* (от им. ед. *кость* С. 1, 102), *косья́* (С. 2, 20), *ко́стья* (С. 3), *костья́* (С. 77), *ступе́нья* (С. 19), *е́лья* (С. 65, 68, 70). Вне описанных ареалов встретились формы: *ды́рья* (С. 634, 1407; Зап. 210, вып. 667, 874; Ю. 720, 728), *ды́рьи*[5] (Ю. 128, 718, 723, 724), *я́блонья* (Зап. 636; Вост. 718, 753), *же́рдья* (С. 208; Зап. 549, 574), *жердья́* (С. 201, 388, 468, 925; Зап. 118, 568, 590), *косья́* (С. 769), *костья́* (С. 201, 231), *воро́нья* (Зап. 380), *дверья́* (Вост. 614, 630; Ю. 791), *е́лья* (Зап. 74), *картовья́* (от им. ед. *карто́вь*

---

[4] Гдовские и онежские говоры имеют и другие общие черты [см.: 8, с. 118—119]).

[5] При ударении на основе иногда отмечаются формы с окончанием *-и*: *ды́рьи, ло́шадьи, пчёльи* и не только от сущ. жен. рода, но и: *пе́рьи, бара́ньи, матра́сьи* и др. В тех же говорах распространены формы типа *о́кны, сёлы.* Видимо, некоторым говорам свойственна тенденция акцентологического распределения окончаний *-а́*, и-*'и* (ы) (*-а* — ударное, -и — безударное): *дела́, слова́, окунья́, зятья́, лощадья́, волосья́,* но *о́кны, сёлы, бара́ньи, бра́тьи, тулу́пьи, пчёльи* [см.: 3].

Вост. 569), *ки́стья* (Вост. 689, 690), *коло́дья* (Вост. 237), *комнатья́* (Ю. 286, им. ед. — ?) *коровья́* (Ю. 605), *кру́чья* (Зап. 71), *огло́бья* (Зап. 69), *па́шеньи* (Ю. 616), *пле́тья* (Ю. 526), *площадья́* (Ю. 55, 228), *податья́* (Ю. 594), *поло́сья* (Вост. 509; Ю. 448), *пчёльи* (Вост. 847), *пяти́ньи* (Ю. 574), *саженья́* (Ю. 632), *скатертья́* (Вост. 264, 829), *ско́рбьи* (Ю. 99), *сту́пья* (Ю. 616), *цепья́* (Ю. 778).

В пределах гдовского и онежского ареалов формы на *-ja* имеют безударные окончания, на остальных территориях возможны формы с ударным и безударным окончанием, причем существительные III склонения чаще имеют ударные окончания, а существительные I склонения — безударные; в каждой же конкретной форме ударение, возможно, зависит от древней акцентной характеристики корня [7] и от современных акцентных противопоставлений парадигм ед. и мн. числа (*дыра́, дыры́... — ды́рья, ды́рьев...; жердь, же́рди... — жердья́, жердья́ми...*). Формы, приведенные в ДАРЯ, во многом совпадают с материалом С.П. Обнорского [13, с. 94—96], его примеры в основном относятся к онежским говорам. С.П. Обнорский пишет, что формы *ды́рья, же́рдья,* встречаются и в литературном языке, куда они попали из диалектов. Форма *ды́рья* приводится как литературная в грамматиках XIX в. и как просторечная в ССРЛЯ.

В гдовских и онежских говорах большинство форм на *-ja* образовано от неодушевленных существительных, многие из них имеют однокоренные собирательные существительные в древнерусском и старорусском языках: *бере́зие, ве́твие, же́рдие, и́скрие, е́лие, со́сние, коло́дие, ни́вие, го́рье, оси́ние, поло́сье, ко́стье* [9; 22; 24]. В этих же говорах, в первую очередь в гдовских (С.-Зап. 13, 19, 89, 90, 95), имеются многочисленные формы на *-ja* и *-о́вja* от существительных муж. и ср. рода. Приведем для примера материал из пункта С.-Зап. 19 — д. Монастырёк Сланцевского р-на Ленинградской обл.: *каме́нья, уго́лья, гво́здья, ва́лья, коло́сья, кну́тья, сты́рья, клу́бья, сара́евья, су́чья, пру́тья; братовья́, сыновья́, деверья́, зятевья́, мужья́, вну́чья, мужчи́нья; гли́стья; бере́зья, ды́рья, кана́вья, ки́лосья* (от им. ед. *ки́лоса* 'укладка снопов'), *ку́чья, ви́шенья, пружи́нья, я́блонья, я́мья; дочерья́, матерья́; гнездо́вья, гумновья́, кружёвья, кры́лья, одея́ловья, пальто́вья, пе́рья, пу́товья* (от им. ед. *пу́то* 'связывающая часть цепа'), *ру́жевья*[6]. Большинство из них тоже имеет соотносительные собирательные существительные в древнерусском и старорусском языке: *гво́здье, каме́нье, кну́тье, у́голье, су́чье, пру́тье, пе́рье* и др. [4, 9, 22].

По поводу происхождения форм на *-ja* существует ряд гипотез. Подробный обзор их дан в работе В.М. Маркова [11, с. 69—79]. Сам автор обосновывает предположение о том, что эти формы образовались морфологическим путем, как формы мн. числа от собирательных существительных на *-ье*: *перье* — им. мн. *перья,*

[6] В этих же говорах существительные мужского, женского и среднего рода, которые имеют в им. мн. формы на *-ja* образуют единую парадигму во мн. числе (показателен здесь род. падеж): *каме́нья, каме́ньев; су́чья, су́чьев; бревёнья, бревёньев; я́мья, я́мьев; коло́дья, коло́дьев; ку́чья, ку́чьев* и т.п. (С.-Зап. 89), или: *у́голья, у́глей; пру́тья, пру́тей; су́чья, су́чей; ку́чья, ку́чей; я́блонья, я́блоней* (С.-Зап. 19).

каменье — им. мн. *каменья* и т.д. Ранее подобное предположение высказывалось Г. Павским [15, с. 310—311] и вслед за ним А.А. Потебней [16, с. 43]. Однако в рамках этой гипотезы многие факты остаются необъясненными. Например, почему в пределах большого ареала распространения форм на *-ja* (почти всё южнорусское наречие, особенно продуктивны они в юго-восточных говорах), практически, исчезли сами собирательные формы типа *перье, каменье* (см.: ДАРЯ. Вып. 2, карты 26, 34). Возможно, что для некоторых говоров гипотеза Маркова правильно объясняет возникновение форм на *-ja*. Но представляется возможным и предположение о том, что для каких-то говоров формы на *-ja* были изначальным способом выражения собирательного значения и восходят к праславянскому уровню. Т.е. образования с древним (праславянским) суф. **ьj*, выражающим значение собирательности, могут оформляться окончанием ед. числа ср. рода *-е(-ё)* (*листьё*) или окончанием *-а* (*листья*), видимо, еще сохранявшим в праславянском исконную семантику собирательности, унаследованную из индоевропейского [см.: 5]. Однако решение этого вопроса требует тщательного анализа материала разных славянских языков и диалектов[7]. Неодушевленные существительные, от которых образуются формы им. падежа мн. числа на *-ja* (северо-западный ареал) можно разделить на тематические группы (некоторые из них совпадают с теми группами, которые выделяют исследователи древнерусского языка для собирательных сущ. на *-ье*) [см.: 1, 8, 10]: 1) названия деревьев, растений и их частей: *вя́зья, ду́бья, ку́стья, коре́нья, коло́сья, пе́нья, су́чья, ли́стья, пру́тья, пу́чья, гру́здья, бере́зья, я́блонья, ви́шенья, оси́нья, сосо́нья, е́лья, я́годья, трави́нья, ро́жья, ве́тья, пле́тья* ('ботва') *карто́вья, дере́вья;* 2) названия предметов, связанных со строительством и хозяйством: *ко́лья, столо́бья, стырья, остро́вья, сру́бья, каме́нья, гво́здья, сара́евья, же́рдья, сте́нья, крыжья, коло́дья, ступе́нья, две́рья, пи́лья, бревёнья;* 3) названия, обозначающие пространства или какие-либо изменения на поверхности земли, рельефа: *кря́жья* ('возвышенное место'), *сле́дья, ко́мья, бро́дья, го́рья, гря́дья, ку́чья, кру́чья, кана́вья, лядинья* (от *лядина* 'сырое место), *лу́жья, ме́жья, ни́вья, но́рья, сте́пья, площадья́, па́шеньи, поло́сья* (земли), *пятиньи, я́мья;* 4) названия частей тела (или каких-либо болезненных явлений на теле): *гла́зья, волосья́, зу́бья, пузырья* (от ожогов), *чи́рья; жи́лья* (от им. ед. *жи́ла*), *ко́стья́, ра́нья, крылья, пе́рья, брюховья;* 5) названия одежды и ее деталей: *кло́чья, лохмо́тья, лоскутья, косынья, шу́бья, овчи́нья, дырья, пальто́вья, кружо́вья;* 6) предметы домашнего обихода: *дива́новья, ве́ничья, ку́зовья, кну́тья, кнуто́вья, сту́ловья, корзи́нья, ги́рья, гармо́нья, простынья, посте́лья, скатертья́, сту́пья, огло́бья, одея́ловья;* 7) детали механизмов: *по́ршинья, ва́лья, пружи́нья, бере́дья* (от им. ед. *бёрдо*), *тряпи́ловья, пу́товья;* 8) термины родства и названия лиц: *братовья́, бра́тья́, сыновья́, затевья́, затья́, сватовья́, деверья́, дедовья́, мужья́, вну́чья,*

[7] Конечно, не все фиксируемые современными диалектами формы на *-ja* можно считать древними. Очень многие из них образовались позже, по аналогии, внутри тематических групп лексики, но сама модель могла быть достаточно старой.

мужи́чья, матерья́, дочерья́, же́нщинья; 9) названия живых существ: *бо́ровья, гли́стья, кумарья́, коро́вья, не́телья* (им. ед. *не́тель* 'нетелившаяся корова'). Семантика существительных этих тематических групп показывает, что сами реалии, стоящие за перечисленными названиями в некоторых диалектах во множестве мыслятся собирательно, и формы на *-ja* и выражают эту собирательную семантику[8]. Это особенно очевидно в тех говорах, где представлена вариативность форм им. п. мн. числа: *я́мья // я́мы, же́рдья // же́рди* (С.-Зап. 13), *гря́дья // гря́ды, су́чья // суко́вья // суки́* (С.-Зап. 90) и др. При подобном параллельном употреблении формы на *-ja* выражают, как правило, различные оттенки собирательного значения, например, значение так называемого тотального множества: *ко́стья́* — 'кости одного организма', *су́чья* — 'суки одного дерева', или значение усиленного, интенсивного множества, которое, как показала Ю.С. Азарх [1] было актуально для категории собирательности в древнерусский и старорусский периоды (см. также статью П.С. Кузнецова [10]). В разных конкретных говорах количество форм на *-ja* колеблется в зависимости от того, как носителями говора воспринимается данный предмет во множестве Где-то названия рельефа, одежды мыслятся собирательно, где-то нет. Например, для говоров северо-запада и севера не продуктивны формы на *-ja* от названий животных в отличие от южнорусских говоров.

Как упоминалось, в современных южнорусских говорах сравнительно широко распространена форма *лошадья́* (см. карту). Эта форма не отмечена у Даля, С.П. Обнорский приводит форму род. падежа *лощадьёв* в мосальских говорах и форму *лощадья́* в терских говорах. В тех же говорах, где распространена форма *лошадья́*, есть и довольно продуктивны формы на *-ja* от существительных муж. рода, обозначающих животных, птиц, насекомых. Например, в говоре д. Арнеево Серпуховского р-на Моск. обл.[9] (Тульская группа говоров южнорусского наречия) формы на *-ja* продуктивны только от названий живых существ: *зверья́, бара́нья, боровья́, голубья́, воронья́, лошадья́, оводья́, окунья́.* Причем некоторые из перечисленных слов имеют *-j-* лишь в форме им. падежа, но косвенные падежи образуются без него. Например: И. *голубья́ // го́луби,* но *голубья́* чаще; Р. *голубе́й,* Д. *голубя́м,* Т. *голубя́ми, П о. голуба́х;* И. *лошадья́,* Р. *лошаде́й, Д. лошадя́м...* У других существительных *-j-* присутствует во всей парадигме: И. *боровья́,* Р. *боровьёв,* Д. *боровья́м...;* И. *бара́ньи,* Р. *бара́ньев,* Д. *бара́ньям...;* И. *большие зверья́,* Р. *зверьёв...* П. *о зверья́х;* И. *воронья́,* Р. *много воронье́в,* Д. *воронья́м...* Формы *ло́шади, бара́ны, зве́ри* и т.д. известны носителям говора, но в живой речи не встречались. Формы с *-j-* в основе обозначают множество с оттенком собирательности. Соби-

---

[8] В современных говорах собирательная семантика обычно не ощущается у форм на *-ja*, образованных от терминов родства (*братья, деверья* и др.).

[9] Обследован в 1987 г. И.А. Букринской, О.Е. Кармаковой и сотрудниками Ин-та славяноведения и балканистики С.Л. Николаевым и Е.Э. Будовской.

рательное значение особенно свойственно формам им. падежа (*лошадья́, боровья́, воронья́, зверья́* и др.). Для обозначения расчлененного множества от соответствующих существительных в говоре могут использоваться формы типа *голубя́ты, вороня́та, зверя́та,* у которых в данном говоре нет значения 'невзрослости', а лишь маркированное значение расчлененного множества. Кроме названий животных, в данном говоре основу мн. числа с суф. *-j-* имеют еще термины родства: *братья́, зятья́, деверья́, шуруньй, матерья́, дочерья́,* а также как в литературном языке: *пру́тья, зу́бья* (у грабель, пилы), *ко́лья, коло́сья, пе́рья, кры́лья,* но *суки́, у́гли, ка́мни, листы́, во́лосы, деревá,* т.е. для других тематических групп образование форм мн. числа. с суф. *-j-* в данном говоре не продуктивно.

Представляется, что с идеей собирательности связаны и формы им. падежа мн. числа с окончанием *-á* типа *городá, лесá, волосá, зеленя́* и под.[10]. Кроме русского языка, формы на *-á* еще отмечаются в некоторых украинских говорах, например галицких [см.: 16, с. 44], восточнополесских [см.: 6 с. 79], в карпатских говорах (материалы экспедиции в д. Брод Иршавского р-на Закарпатской обл., предоставленные С.Л. Николаевым), в полесских и некоторых других говорах белорусского языка (ДАБМ карта 95 и комментарий к ней). О собирательном значении этих форм писали А.И. Соболевский [19], А.А. Потебня [16], из современных ученых — Г.Я. Симина [18]. У А.А. Потебни читаем: "Собирательное значение этих окончаний явственно там, где рядом с ними употреблены и правильные. Этим последним придается значение единичной множественности, т.е. множества предметов или лиц, рассматриваемых отдельно... первым — собирательной множественности, в коей теряется неделимость предметов. Так, *мехá* и *мéхи, образá* и *óбразы...*" [16, с. 44]. Формы с окончанием *-а* встречаются и вне восточнославянского ареала, например, в моравских говорах, они приведены в книге Ф. Бартоша "Моравская диалектология": "Plural kollektivní v *a.* Některá jména podstatná rodu mužského a ženského mají v nominative mn. příponu *a.* Plural tento, jejž Miklosich (III, 339) kollektivním nazývá, v nářečích moravských často se vyskytá...

1. jména obecná: úhora, báchora, chléva, chřada (letos sú veliké chřada), fúsa, droba, drobka, záleta (chodí na záleta), okružka, kříža, konca, chlévca (svinské chlévca) — síza (mi tečú z očí), sáňka. — zd'a, rža (letos sú pěkné rža), put'a (-put'ařі...), úvrat'a, čelust'a (u peci), zvisla, žna, rovňa, stráňa.;

2. jména pozemků: Kříba, Břestka, Újezda, Kúta, Dolečka, Valka, Podsedka, Grapa, Zadka, Příčka, Chmelinca, Střelca...;

3. jména místní: Bránka, Vrbátka, Kladka, Studýnka..." [20, с. 138]. Миклошич [21, с. 339] тоже приводит формы с окончанием *-а* из чешских говоров, называя их собирательными: "hustý lesa, bora, borka, vrchá...", примеры взяты им из книги: Zakladové dialektologie česko-slovenské. Sepsal A.V. Šembera. Ve Vídni, 1864.

[10] В данном случае не имеются в виду формы *рогá, бокá* и под., которые являются генетически формами двойственного числа.

В настоящее время накоплен достаточно большой материал по русским говорам, который показывает, что формы с окончанием *-á* действительно имеют собирательное значение (см. картотеки ДАРЯ, а также [3, 12, 18]. Собирательное значение понимается широко, как значение сплошного, непрерывного множества, понятного как масса, без внимания к единицам составляющим эту массу, а потому формы на *-á* часто имеют пренебрежительный оттенок, например: *офицерá, инженерá всякие, это пустякá*; или значение нерасчлененной массы: *фси духá выпил* и под. Определенной модификацией значения собирательности у форм на *-á* можно считать значение обширного, интенсивного, усиленного множества, множества протяженного в пространстве или во времени: *какие страстя́!, грязя́ были большие, кругом степя́, пролетели месяцá* и т.д. Эти значения особенно ярко ощутимы при наличии вариантов: *мои грехú // страшные грехá* (д. Шевелевка Волог. обл.), *были морóзы // сильные морозá, были óчереди // какие большие очередя́ стоят* (д. Поповка Тамб. обл.) и др. В литературном языке, где у многих существительных форма им. падежа мн. числа образуется сейчас только с окончанием *-á*, значение собирательности уже стерто и стало неактуальным. Но разговорные и просторечные (окказиональные) формы на *-á*, которые появляются достаточно часто, как правило, имеют это экспрессивно-собирательное значение: *все ведомостя́ раздала; холуя́ там разные; какие еще способá есть?; он скандальный, как все мужá; такие ядовитые клея́*; *куда все "футболá" делись?* (газета "Футбол—хоккей"); *все светá зажигайте!; ее зовут на профком протоколá там писать; со всех концов планеты необъятной в Одесский порт идут пароходá* — и подобные примеры записаны нами в основном от лиц, владеющих лит. нормой. Русский литературный язык в своей истории избавлялся от вариативных форм на *-á* и *-и(ы)*, или они разграничились стилистически и семантически. Для многих диалектов же различение собирательного множества (как сплошного, интерсивного, усилительного) и расчлененного множества является достаточно актуальным, потому в них так распространены вариативные формы на *-á* и *-и(ы)*.

В русских говорах формы на *-á* наиболее продуктивны в Восточной группе южнорусского наречия, достаточно широко они распространены в литературном языке, в говорах северного наречия и центральных областей, по мере движения на запад продуктивность их падает. Наименее продуктивны они в говорах Смоленской группы южнорусского наречия. В южнорусских и западных среднерусских говорах окончание *-á* в им. падеже мн. числа представлено и у существительных жен. рода, особенно распространены эти формы от исторических *i*-основ (см. карту). В большинстве говоров вне описанного юго-восточного ареала отмечаются лексикализованные формы на *-á* от существительных жен. рода. Наиболее широко распространена форма *лошадя́* (псковские, селигеро-торжковские и все говоры южнорусского наречия, кроме смоленских). Во многих говорах, например в псковских, она является единственной

формой на *-á* жен. рода. По наблюдениям Г.Ф. Одинцова [14, *с.* 172] к началу XX в. слово *лошадь* менее употребительно на Псковщине и соседних с нею территориях: "Первоначально оно бытует в Ростово-Суздальской земле, юго-западной окраиной которой... была Москва" (С. 152), его распространение на запад и северо-запад связано с усилением Москвы, "торговлей лошадьми и с ямской повинностью" (С. 153)[11]. Видимо, не имея длительной традиции бытования в говорах западных территорий, это слово легко принимает окончание *-á*. Судя по материалу отдельных говоров (например д. Дубровки Селижаровского р-на Калининской обл., обследованной С.Л. Николаевым), форма *лошадя́* имеет контекстуально собирательное значение. В говорах широко представлена вариативность форм *ло́шади // лошадя́*.

Примерно на той же территории распространена форма *деревня́* (см. карту), наиболее регулярно среди существительных I склонения отмечающаяся с окончанием *-á*. Первичным значением для слова *деревня* было значение 'земельное угодье, пашня' [см.: 24; 27], а от слов с такой семантикой формы на *-á* достаточно часты. Далее по распространенности (вне восточного ареала) следуют формы: *площадя́*[12], *вещá* (о наличии собирательного существительного с этим корнем [см.: 13 с. 61), *озимя́* (Вост.) (ср. лит. *зеленя́*), *церквя́, пустошá* (С.) *областя́* (С.), *месностя́* (С.), *помочá* (им. ед. *по́мочь* — Зап., С.) У всех этих форм есть значение или пространственной протяженности, или собирательности.

В говорах Восточной группы южнорусского наречия, как говорилось, формы им. падежа мн. числа на *-á* очень продуктивны от существительных муж. и жен. рода (III скл.) и не имеют лексических ограничений. Всего в ответах насчитывается около 80 сущ. жен. рода (бывших *i*-основ), отмеченных с окончанием *-á*. Приведем весь материал (в порядке убывания количества примеров): *лошадя́, площадя́, печá, дверя́, частя́, скатертя́, вещá, церквя́, податя́, шаля́, степя́, очередя́, кладя́* (им. ед. *кладь* 'укладка снопов'), *кровя́, плетя́, четвертя́, ночá, связя́, отрубя́, шерстя́, страстя́, грязя́, шинеля́, озимя́, жердя́, цепя́, пыля́, грудя́, горстя́, волостя́, властя́, дробя́, снастя́*; следующие формы встретились по 1—3 раза: *боля́, бровя́, вестя́, вытя́* (им. ед. *выть* 'кусок земли), *гатя́, граня́, еля́, залежá, изгородя́, кистя́, картовя́* (им. ед. *карто́вь*), *костя́, крепостя́, копаня́* (им. ед. *ко́пань* 'вскопанное место'), *меля́, новостя́, новя́, плоскостя́, поднизя́* (им. ед. *по́днизь* 'нижняя одежда') *полстя́* (им. ед. *полсть*) *почестя́, пестрядя́* (им. ед. *пе́стрядь*), *посконя́* (им. ед. *по́сконь* 'конопля'), *пристаня́, подпися́, печеня́, податя́* (им. ед. *по́дать*), *полостя́, плотя́, почестя́, резя́, речá, ржа, роспися́, росчистя́, смертя́, сластя́, скорбя́, скоростя́, соля́, трудностя́, топя́, челюстя́, цифиря́*. В этой же группе говоров

[11] Это слово не отмечено в словаре Фенне [28], оно фактически не представлено в значении свойственном русскому языку в белорусском и украинском языках.

[12] В Орловской обл. слово *пло́щадь* обозначает небольшое, поросшее кустами пространство.

формы на *-á* достаточно регулярно отмечаются даже у самого непродуктивного в этом плане типа — у существительных I склонения (бывшие *-ā*-основы), большинство этих форм имеет обобщенно-собирательное или усилительное значение. Круг существительных I склонения, которые отмечаются с окончанием *-á*, лексически ограничен. В разных говорах этого ареала повторяются одни и те же лексемы (*дыня́, шубá, ригá* и др.) при наличии большого числа примеров других существительных жен. рода (*а*-основ) с окончанием *-и*(*ы*), т.е., вероятно, в данных говорах сами реалии, стоящие за этими лексемами во множестве мыслятся собирательно, что и отражается формами на *-á*. В некоторых случаях отмечаются параллельные формы: *улицá были длинные // эти у́лицы; книгá там пишут // кни́ги лежат,* где формы на *-á* имеют обобщенно-собирательный оттенок значения. В материалах ДАРЯ встретились следующие существительные (приводятся по убыванию числа примеров): *яблоня́* (как правило, судя по контекстам, обозначает обширное множество), *рощá* (в самой семантике корня заложено собирательное значение), *жнивá* высокие; *дыня́* (обычно обозначает обширное множество), *ригá у всех, шубá* (ср. собирательное сев. рус. *шубьё*), *кожá* (ср. *кожьё*, отмечаются в одинаковых контекстах : *"кожьё скотские на складе"* Волог. обл.; *"кожá скотские ходил сдавал"* Деул. сл.); *свадьбá* (*свадьбá всегда осенью играли*); *мельницá* ('*ручная мельница*' — *мельницá у многих есть*); *чащá, буря́ сильные, тучá, кучá, грядá тянутся, тыщá, вишня́, песня́ играли.* Отмечены единично: *баня́, бахчá, воля́, гречá, грушá, дуля́, книгá, кофтá, крысá, крышá, ногá, рекá, рыбá, слезá льют рекой, сторонá, стая́, ступá, снохá, стенá, силá, тыквá, улицá, штукá.* Эти формы похожи на экспрессивные собирательные существительные жен. рода на *-á*, обозначающие необычную, интенсивную множественность: *мухá, гнидá, пыля́, ветрá, грибá* и др., они приведены в Деул. сл. [26] и описаны в статье Е.А. Некрасовой [12]. Эти собирательные существительные согласуются с определениями и сказуемыми по жен. роду, и редкие случаи употребления их в косвенных падежах также свидетельствуют об их принадлежности к ед. числу жен. рода. Перечисленные же формы являются собирательными формами мн. числа: сказуемые и определения стоят при них во мн. числе, в косвенных падежах они имеют парадигму мн. числа (*силá — не в силáх; дыня́ — дыне́й; рыгá — рыгóв, церквá — по церквáм; у девчонков свадьбá — на свадьбáх; баня́ часто были — бане́й* и т.д.).

Итак, диалектные формы им. падежа мн. числа типа *берéзья, кóстья́, лошадья́* и типа *лошадя́, площадя́, вещá, шубá, дыня́* в большинстве говоров имеют собирательное значение. Формы типа *шу́бья́, шубьё, шубá* имеют одну и ту же или очень близкую семантику и распределены территориально. Возможность образовывать собирательную форму мн. числа на *-ja* и *-á*, в первую очередь, связана с семантикой корня.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Азарх Ю.С.* К истории собирательных типа *братья, зверьё* в русском языке // ОЛА. Материалы и исследования. М., 1977.
2. *Бромлей С.В., Булатова Л.Н.* Очерки морфологии русских говоров. М., 1973.
3. *Букринская И.А.* О соотношении окончаний *-á* и *-и* (*-ы*) в им. падеже мн. числа существительных (на материале одного южнорусского говора // Диалектография русского языка. М., 1985.
4. *Дегтярев В.И.* Развитие лексико-грамматических классов собирательных и вещественных имен существительных в русском языке XI—XVII вв.: Дис. ... канд. филол. наук. Ростов н/Д, 1964.
5. *Десницкая А.В.* Категория собирательности и категория массы в истории грамматического строя албанского языка // Грамматический строй балканских языков. Л., 1976.
6. *Жилко Ф.Т.* Нарыси з дiалектологiї украiнськоi мови. Киiв, 1955.
7. *Зализняк А.А.* От праславянской акцентуации к русской. М., 1985.
8. *Захарова К.Ф., Орлова В.Г.* Диалектное членение русского языка. М., 1974.
9. *Еселевич И.Э.* Из истории категории собирательности в русском языке. Казань, 1979.
10. *Кузнецов П.С.* Очерк морфологической системы пильмасозерского говора // Материалы и исследования по русской диалектологии. М., 1949. Т. 2.
11. *Марков В.М.* Историческая грамматика русского языка: Именное склонение. М., 1974.
12. *Некрасова Е.А.* Существительные женского рода на *-а*, образованные от существительных женского и мужского рода с безударным и нулевым окончанием в говоре д. Деулино Рязанской области // Диалектологический сборник. Рига, 1968. (Учен. зап. Латв. ун-та; Т. 92).
13. *Обнорский С.П.* Именное склонение в современном русском языке. Л., 1931. Вып. 2.
14. *Одинцов Г.Ф.* Из истории гиппологической лексики в русском языке. М., 1980.
15. *Павский Г.* Филологические наблюдения над составом русского языка: Второе рассуждение об именах существительных. СПб., 1842.
16. *Потебня А.А.* Значение ударения в образовании именительного падежа множественного числа существительных мужского рода // Мовознавство. 1975. N°5.
17. Программа собирания сведений для составления диалектологического атласа русского языка. М.; Л., 1947.
18. *Симина Г.Я.* Очерки по морфологии пинежского говора. Л., 1970.
19. *Соболевский А.И.* Лекции по истории русского языка. М., 1907.
20. *Bartoš Fr.* Dialektologie moravska. Brno, D. 1.
21. *Miklosich Fr.* Vergleichende Grammatik der slavischen Sprachen. Wien, 1876. Bd. 3.
22. *Unbegaun B.* La langue russe au XVIe siècle. P., 1935.
23. *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1983. Т. 1—4 (Даль).
24. Словарь русского языка XI—XVII вв. М., 1975—1987. Вып. 1—12 (СлРЯ XI—XVII).
25. Словарь современного русского литературного языка. М.; Л., 1950—1967. Т. 1—17 (ССРЛЯ).
26. Словарь современного русского народного говора (д. Деулино Рязанского р-на Рязанской обл.) / Под ред. И.А. Оссовецкого. М., 1969.
27. *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. М., 1986. Т. 1—4 (Фасмер).
28. Tönnies Fenn's Low German manual of spoken Russian. Facsimile copy. Pskov, 1607. Vol. 1. Copenhagen, 1961.
29. Дыялекталагiчны атлас беларускай мовы. Мiнск, 1963.

Л.Н. БУЛАТОВА

ФОНЕТИЧЕСКИЕ И МОРФОЛОГИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ ВОЗНИКНОВЕНИЯ ОКОНЧАНИЯ *-о*[х] В РОДИТЕЛЬНОМ И *-а*[ф] В ПРЕДЛОЖНОМ ПАДЕЖАХ У СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ МНОЖЕСТВЕННОГО ЧИСЛА

Между формой род. падежа на *-о*[х] и предл. падежа на *-а*[ф] существует известная близость в лингвогеографическом и структурном отношении.

Окончания *-о*[х] и *-а*[ф] встречаются на различной территории, причем всюду их ареалы или соприкасаются, или пересекаются, или вписываются один в другой (см. карту на вкл.[1]). В ряде говоров наблюдается одновременно употребление окончаний *-о*[х] и *-а*[ф] как бы с обратной заменой согласных (обычно наряду с вариантами этих окончаний, которые свойственны литературному языку). Так, в Икшеве Курловского р-на Владимирской обл. (Вост. 315)[2] отмечены словоформы *пудóх, л'нох, грускóх, кълдунóх, м'ешкóх, байцóх, кърьндашóх комньтьх, лáнпьх* наряду с *пудóф, дамóф, годóф, л'есóф, грибóф, в'ершкóф, п'итухóф, мьжыкóф, л'ешшóф, дажжóф, р'еб'óнкьф, жер'еб'óнкоф, родúт'ел'еф, йáчьткаф, лошáткьф* (род. п.) и *нь сохáф, нь рукáф, в жын'ихáф, в д'ёфкьф, в бáн'ьф* наряду с *ф с'ен'áх, нь льшед'áх, ф плат'úáх, в годáх, въ вдовáх, в р'игьх, в ов'úньх, нь павóскьх, ф капкáн'йьх, нь полáт'ьх* (предл. п.).

В структурном отношении окончания *о*[х] и *-а*[ф] однородны в том смысле, что и то, и другое диалектное новообразование приводит к сближению в звуковом составе окончаний родительного и предложного падежей (общность конечного согласного) в парадигме существительных мн. числа: ср. *из домó*[х] и *в˘домá*[х] или *из домó*[ф] и *в домá*[ф][3]. При этом у существительных с безударными окончаниями формы родительного и предложного падежей полностью совпадают в тех говорах, где фонемы <о> и <а> не различаются в заударном конечном закрытом слоге. Ср., например, в материалах ДАРЯ: Вост., 618 *сас'éд'ьх* (род. п.) и *ф сас'éд'ьх* (предл. п.); 870 *фóрмьф* (род. п.) и *ф фóрмьф* (предл. п.); у С.С. Высотского: *у забóраф* и *на забóраф; от ызбьф* и *аб ызбьф* (9, с. 59).

Эти общие черты окончаний *-о*[х] и *-а*[ф] заставляют думать, что оба новообразования связаны с действиями одних и тех же причин. Такие общие объяснения генезиса обоих окончаний уже предлагались в некоторых работах [*6*; 15; 17][4]. При этом одни исследователи давали происхождению окончаний *-о*[х] и *-а*[ф] чисто

[1] При составлении этой карты использованы карты диалектологического атласа русского языка (11, карта 58; 12, карта 39).

[2] Автор пользуется тем административным делением, которое существовало во время сбора материала для диалектологического атласа русского языка.

[3] Окончание *-а*[ф] отмечается только в тех говорах, где есть окончание *-о*[ф] в исключительном употреблении или наряду с другими вариантами.

[4] Происхождение окончаний *-о*[х] и *-а*[ф], рассматриваемых отдельно, исследуется во многих трудах. Назовем лишь некоторые из них [1; 2; 9; 13; 14; 16; 18].

морфологическое истолкование, а другие видели его корни в различиях между диалектными системами губных спирантов.

Так, в статье об окающих говорах Курловского и Гусь-Хрустального р-ов я писала об окончаниях *-о*[х] и *-а*[ф] как о различных результатах взаимодействия родительного и предложного падежей, спровоцированного у существительных мн. числа общностью одноименных падежных форм прилагательных: *из рáзн-ых овúн-о*[ф] и *в рáзн-ых овин-а*[х] — *из разн-ых овúн-о*[ф] и *в рáзн-ых овин-а*[ф] или *из рáзн-ых овúн-о*[х] и *в рáзн-ых овúн-а*[х] [6].

К.Ф. Захарова также связывает возникновение окончаний *-ох* и *-аф* с двумя разновидностями единого процесса, но не морфологического, а фонетического. Она объясняет эти новообразования "взаимодействием говоров, различающихся по употреблению губных спирантов (системы [в] — [ф] и системы с [w] или [w] // [х]", не раскрывая однако механизма этого процесса [15, с. 341].

Как я постараюсь показать, и фонетическое, и морфологическое объяснение происхождения окончаний *-о*[х] и *-а*[ф] имеет под собой почву, но одно без другого не может полностью осветить этот вопрос[5],

Чисто морфологическая трактовка, удовлетворявшая меня, пока я рассматривала это явление в отдельно взятой группе говоров, оказывается недостаточной в свете данных диалектологического атласа русского языка. Она не объясняет, почему взаимодействие родительного и предложного падежей у существительных мн. числа, вызвавшее мену конечных согласных в их окончаниях, происходило на той территории, где сталкивались различные диалектные системы консонантизма (с губно-губным [w] и с чередованием [в]//[ф]. При этом, если окончание -<ов> известно на этой территории в различных фонетических вариантах: *-о*[ф], *-о*[w] и *-о*[ў], то у окончания *-а*[ф] таких вариантов в материалах диалектологического атласа русского языка не отмечено. Следовательно, взаимодействие происходило не вообще между окончанием предложного падежа и одним из окончаний родительного падежа, а между теми из этих окончаний, которые имеют в своем составе [х] и [ф]. Следует также учесть, что и в настоящее время на части территории, где сталкиваются системы с [w] и с чередованием [в]:[ф] сохраняются говоры, в которых отражена переходная стадия от первой системы ко второй. Это говоры с позиционным чередованием [в]//[х]: *гото*[в]*ы* — *гото*[х]; *посе*[в]*ы* — *посе*[х] [1, 2, 16]. Окончание *-о*[х] в этих говорах представляет собой не морфологический (т.е. необусловленный фонетической системой) диалектный вариант окончания -<ов>, а его фонетический вариант (в ряду других диалектных фонетических вариантов: (*-о*[w] и *-о* [ў]). Ср., например, *быкóх, годóх, пудóх, мужйóх, дн'ох, рыбалóвъх, йáльтках* и т.п. и *К'ийах* (Киев), *пакрóх, м'ихáйлых д'ен', рукáх ад'ин, был жых* (Вост., 584). Естественно предположить, что и окончание *-о*[х] в говорах, где [х]

[5] Синтез фонетического и морфологического подхода в объяснении происхождения *-аф* находим у Л.Л. Касаткина [13, с. 45—46].

не выступает в качестве позиционного варианта <в> (т.е. где это окончание имеет фонемный состав <ох> и следовательно выступает как морфологический диалектный вариант окончания — *ов*), генетически связано с фонетически обусловленным окончанием *-о*[х] (его фонемная формула <ов/х>), хотя такой путь возникновения окончания *-ох* может быть и не единственным. Все это аргументы в пользу фонетических факторов появления интересующих нас окончаний.

В то же время я не вижу оснований отказываться от мысли о взаимодействии форм родительного и предложного падежей как о факторе возникновения (или хотя бы сохранения или распространения) окончаний *-о*[х] и *-а*[ф][6]. Именно такая трактовка может, по-моему, лучше всего объяснить тот факт, что в среднерусских говорах, которым свойственно окончание *-аф* у существительных, большей частью отсутствуют соответствующие окончания у прилагательных, местоимений и числительных (типа *большиф, иф, трёф*)[7].

Ведь если у существительных мена окончания *-а*[х] на *-а*[ф] была вызвана влиянием родительного падежа на предложный, то такой замены у прилагательных, местоимений и числительных не должно было быть, а при фонетическом же процессе ее можно было бы ожидать, так как фонетическая позиция и в окончаниях существительных и в окончаниях остальных имен одна и та же: положение после гласного в конце словоформы.

И сами фонетические (а также морфологические) факторы, и их роль в генезисе окончаний *-о*[х] и *-а*[ф] в разных говорах могли быть неодинаковыми. Этим, вероятно, и объясняется различный характер ареалов этих окончаний на разных территориях их бытования. Сопоставим основные ареалы окончаний *-о*[х] и *-а*[ф] с целью извлечь из такого соспоставления возможную информацию о происхождении этих окончаний. Но предварительно остановимся подробнее на тех гипотезах, вероятность которых для каждой из групп говоров, знающих *-о*[х] и *-а*[ф], нужно проверить. Начнем с фонетических гипотез.

Окончание *-о*[х], как уже говорилось, имеет разный статус в говорах с позиционным чередованием [в] // [х] (*гото*[в]*ы* — (*гото*[х]) и с позиционным чередованием [в] // [ф] (*гото*[в]*ы* — *гото*[ф]). Отдельным окончанием на морфологическом уровне (морфологическим вариантом окончания -<ов>), происхождение которого здесь исследуется, это окончание является только в последнем случае.

---

[6] Реальность взаимодействия родительного и предложного падежей у существительных множественного числа подтверждается меной этих падежей в некоторых конструкциях, ср.: *при л'уд'ёй* (Зап., 373), *при пано́ў* (Зап., 541), при *уаспо́т* (Зап., 741), *аб сынав'йо́ф* (Зап., 427), *аб дроў* (Зап., 541), *у хахла́х* (Ю., 525, 536), *жыл'ётк'и у мужыка́х бы́л'и* (Ю., 545), *у бл'йжн'их врач'а́х* (Ю., 636).

[7] Пользуюсь случаем исправить ошибку, допущенную мной в одной из статей. Говоря о типичности такого соотношения, когда при окончании *-а*[ф] у существительных, в соответствующей форме прилагательных на конце [х], я не указала, что эта закономерность относится только к среднерусским, но не к севернорусским говорам [5, с. 109].

Происхождение окончания *-ох* связывается современными исследователями с переходом консонантной системы говоров от одного губно-губного спиранта (<w>) к паре губно-зубных спирантов (<в>—<ф>) и соответственным позиционным чередованием [в] // [ф]. Под влиянием спонтанного развития, как полагают одни (1), или в результате заимствований из соседних говоров, где уже сформировалась пара <в>—<ф>, по мнению других (2), в говорах с [w] развивается чередование звонкого и глухого, но до усвоения говором губно-зубной глухой артикуляции чередуются [в] // [х]. Таким образом, звук [х] в окончании *-ов* появляется фонетически. После овладения артикуляцией [ф] звук [х] как позиционный вариант <в> заменяется звуком [ф]. Но в морфах, где не было чередования с сильной позицией, звук [х] мог остаться (теперь уже как представитель задненебной фонемы). Так и произошло с окончанием *-ох*, поэтому *годо*[х], *быко*[х], *дело*[х], *вербо*[х] и т.п. распространены гораздо шире, чем *гото*[х], *посе*[х] и т.п. Но допускается и другое объяснение этого разрыва. Говоры, не знающие чередования [в]//[ф] и фонемы <ф>, могли приравнять окончание -о[ф] (с гиперфонемой <ф/в> к морфемам с <ф> и заимствовать его в таком же звуковом виде как *торф, тиф* и т.п., т.е. со звуком [х] (*тор*[х], *ти*[х], *столо*[х] и т.п.) [15, с. 41]. Такое объяснение — уже шаг к морфологической интерпретации явления, потому что если заимствуется фонемный состав одного аффикса, то для этого должны быть какие-то морфологические причины.

Для происхождения окончания *-а*[ф] наиболее убедительное фонетическое объяснение дал Л.Л. Касаткин. Он рассматривает окончание *-а*[ф] (так же, как *-и*[ф] и т.п.) как гиперизм, который возникает, когда в говоре, где заимствования с <ф> в конце словоформы усваивались первоначально со звуком [х] (*ти*[х], *тор*[х]), под влиянием литературного языка или других говоров начинают "исправлять" [х] на [ф]. При этом заменяют [х] на [ф] и в тех морфах, где исконно была фонема <х>: *тор*[х], *ти*[х], *в дом-а*[х] → *тор*[ф], *ти*[ф], *в дом-а*[ф] [13, с. 45—46].

Но гиперкоррекция может быть не только фонетической, а и грамматической, в частности морфологической. Замена *-а*[х] на *-а*[ф] может быть связана не только с изменением фонетической системы, но и с коррекцией определенных аффиксов. Говор, в котором окончание род. падежа имеет иной состав, чем в литературном языке (-<ох>), заменяя это окончание на литературный (или инодиалектный) вариант, распространяет такую же замену на другой аффикс (-<ах>), связанный с первым в его системе окончаний. Так, вместо *домо*[х] появляется домо[ф], а с этой заменой — и *в дома*[ф] вместо *в дома*[х][8]. Думаю, что в возникновении окончания *-а*[ф] играли роль в разных случаях и фонетическая и морфологическая гиперкоррекция. Последняя в определенных условиях могла

[8] Напомню классический пример морфологической гиперкоррекции. В говорах, где совпадают формы дательного и творительного падежей мн. числа (*к большим домам* и *за большим домам*) появляется двусложное окончание не только в творительном, но в качестве гиперизма и в дательном падеже: *к большими домами*.

играть роль и в появлении окончания -*о*[х]. Грамматическая гиперкоррекция может считаться одним из видов взаимодействия родительного и предложного падежей мн. числа.

Теперь попробуем определить вероятность этих гипотез по отношению к конкретным группам говоров, знающих окончания -*о*[х] и -*а*[ф].

На территории, вошедшей в ДАРЯ, можно выделить три основных массива окончаний -*а*[ф] и -*о*[х]: 1) Северный — его основная часть простирается от Белого озера до Бежецка (белозерско-бежецкие межзональные говоры и отчасти говоры ладого-тихвинской группы северного наречия); 2) Западный ареал — от Калинина и Кимр до Волоколамска (говоры калининской подгруппы владимирско-поволжской группы и примыкающие к ней акающие говоры отдела А восточных средне-русских говоров); 3) Восточный ареал прихотливо извивается по южной части Владимирской обл., примыкающим к ней районам Рязанской обл. и МордАССР, а отроги этого ареала спускаются и южнее (см. карту); этот массив расположен на территории отделов Б и В акающих восточных среднерусских говоров и южного края окающих среднерусских говоров владимирско-поволжской группы.

Сопоставим эти массивы по признакам: 1) соотношение ареалов -*о*[х] и -*а*[ф]; 2) соотношение одноименных окончаний существительных и прилагательных (для окончания -*а*[ф]); 3) близость к территории [w] и замен [ф], и [ф'].

Северный массив занят преимущественно ареалом -*а*[ф]. Ареалы окончаний с [ф] в предл. падеже мн. числа у существительных и окончания с [ф] в родительном и предложном падежах того же числа у прилагательных приблизительно совпадают, хотя ареал окончания -*а*[ф] несколько плотнее, чем ареал соответствующих форм прилагательных. Окончания с [ф] чаще встречаются наряду с теми вариантами, которые свойственны и литературному языку, но немало и таких нас. п., где отмечаются только окончания с [ф]. Южнее Бежецка ареалы этих окончаний начинают таять, причем прежде всего это касается прилагательных.

Окончание -*о*[х] в пределах северного массива представлено небольшими ареалами и отдельными пунктами. Они жмутся к северному ареалу [w] и [ў] и его отдельным островкам. В некоторых из них [х] на месте этимологического *в* отмечается не только в окончаниях род. падежа, но и в основах, однако только в форме род. падежа мн. числа с -*ф*: *голо́х, коро́х* и т.п. [8]. На всей территории северного массива известны [в] и [ф].

Общность судьбы у окончаний с этимологическим *х* у существительных и прилагательных, усвоенность <ф> при наличии следов старой системы губных спирантов дают основание считать, что формы типа *каки́ф* и *на столя́ф* возникли в результате фонетической гиперкоррекции, а небольшие размеры ареалов -*о*[х] и их привязка к разрушающимся ареалам [w] и [ў] при наличии [х] не только в окончаниях, а и в основах, заставляют предположить в них реликты системы с [в] // [х].

В то же время обширный ареал *-а*[ф] и регулярность этого окончания во многих говорах не очень характерны для гиперизма [13, с. 14]. Поэтому позволительно думать, что его распространение было поддержано тем, что такая система окончаний существительных и прилагательных отвечала одновременно и тенденции к эквивалентности окончаний одноименных форм существительных и прилагательных [5] и взаимодействию двух падежей существительных между собой.

Следует также заметить, что окончание *-о*[х], имея здесь фонетическое происхождение, в настоящее время морфологизовано даже в тех говорах, где отмечается *коро*[х], *голо*[х]. Создается видимость, что в этих говорах сохраняется чередование [в]: [х] (ср. голо[х] — *голо*[в]*á*). Но поскольку произношение [х] не отмечается в словоформах типа *готов, посев,* а только в форме род. падежа на ∅, (как и в окончании *-о*[х]), то и в словоформах *голо*[х], *коро*[х] следует видеть <х> как показатель род. падежа (явление сходное с наложением морфем, которое заслуживает особого рассмотрения).

Западный массив занят ареолом *-а*[ф], в который вписаны небольшие ареалы *-о*[х]. От северного массива западный отличается (помимо размера) меньшей последовательностью в употреблении диалектных окончаний. Например, окончание *-а*[ф] только в двух нас. п. отмечено без сосуществования с окончанием *-а*[х], почти полным отсутствием окончаний с [ф] у прилагательных и последовательно выдержанной системой [в]—[ф] не только в пределах этого массива, но и вблизи него. Думаю, что все эти признаки свидетельствуют о значении взаимодействия форм родительного и предложного падежей и морфологической гиперкоррекции у существительных мн. числа. Толчком к этому взаимодействию могли послужить те говоры, которые малыми островками соединяют северный и западный массивы. Особенно легко взаимодействие между указанными падежами может происходить у существительных с безударными окончаниями, так как в этих говорах <о> и <а> в заударном положении совпадают, что еще сближает звуковой состав обеих форм и облегчает их дальнейшее объединение. Не случайно поэтому значительное преобладание [ф] в безударных окончаниях по сравнению с ударными в некоторых ответах на программу, например: *в лапт'áх, нъ быкáх, в м'естáх, в м'ешкáх, нъ гвоз'д'áх, в гос'т'áх, нъ пъталкáх, нъ гувнáф, на л'áмкъф, нъ в'ир'óфкъф, в рáкъфкъф, в в'óдръф* и *в л'уд'ъф* (Зап., 226). Однако в большей части говоров такого различия не наблюдается, что отражает уже дальнейшее развитие процесса.

Восточный массив — единственный, где преобладает ареал *-о*[х], а окончание *-а*[ф] в виде меньшего ареала примыкает к нему с севера и в виде отдельных островков окружает его со всех сторон. Оба ареала в совокупности обвивают с востока и севера ареал губно-губного [w], [ў] рязанской мещеры. Что касается близкого к ареалу [w] ареала [х], [хв] в заимствованиях с [ф], то они еще теснее связаны с ареалом *-о*[х]. В этой части ареала *-о*[х] отмечается и [х] в чередовании с [в] в основах слов, причем в одних говорах только в форме род падежа (*голо*[х], *коро*[х], *дро*[х]), в

других — в разных категориях словоформ. Окончания с [ф] у прилагательных встречаются на территории восточного ареала *-а*[ф] значительно реже, чем на севере, но несколько чаще, чем на западе.

Соотношение окончаний с [ф] у существительных и у прилагательных в сочетании с расположением ареала *-а*[ф] по отношению к *-о*[х] свидетельствуют, как кажется, в пользу того, что окончание *-а*[ф] возникло как морфологический гиперизм в говорах с *-о*[х] и распространилось дальше, поддерживаемое взаимодействием форм родительного и предложного падежей. Что касается самого окончания *-о*[х], то на этой территории представлены различные стадии его отхода от той фонетической почвы, которая возникла в зоне соприкосновения говоров с двумя системами губных спирантов.

Таким образом, окончания *-о*[х] и *-а*[ф] принадлежат, по-моему, к числу тех явлений, когда определенная грамматическая тенденция проявляется в тех пределах и в том виде, которые определяются фонетическими условиями. Диалектологи аванесовской школы все чаще обращаются к этой проблеме [см.: 3—5, 7), что объясняется, как я думаю, следующими причинами. Во-первых, ДАРЯ предоставляет широкие возможности для сопоставления различных фонетических и морфологических явлений в лингвогеографическом аспекте. Во-вторых, московская фонологическая теория, идеями которой живут диалектологи аванесовской школы, обостряет интерес к соотношению фонетического и морфологического уровней языка.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Аванесов Р.И.* Очерки русской диалектологии. М.: Учпедгиз, 1949. С. 144.
2. *Бромлей С.В.* Морфологические следствия взаимодействия говоров на фонетическом уровне // Диалектологические исследования по русскому языку. М. Наука, 1977. С. 15—23.
3. *Бромлей С.В.* Противопоставленность I и II спряжения в русских говорах и в литературном языке // Исследования по русской диалектологии. М.: Наука, 1973. С. 155—175.
4. *Букринская И.А.* Форма именительного падежа множественного числа существительных среднего рода в русских говорах // Русские диалекты: Лингвогеогр. аспект. М.: Наука, 1987. С. 124—129.
5. *Булатова Л.Н.* Взаимоотношение окончаний одноименных форм существительных и прилагательных в русских говорах // Диалектология и лингвогеография русского языка. М.; Наука, 1981.
6. *Булатова Л.Н.* Об окающих говорах Курловского и Гусь-Хрустального районов Владимирской области // Бюл. диалектол. сектора Ин. рус. яз. АН СССР, 1949. Вып. 5. С. 76.
7. *Булатова Л.Н.* Различные гипотезы происхождения окончания -уй (бабуй, девкуй) в свете данных диалектологического атласа русского языка // ОЛА. Материалы и исследования, 1984. М.: Наука, 1988.
8. *Васильева А.К.* Специфика позиционного поведения губных спирантов в говорах северновеликорусского наречия // Диалектология и лингвогеография русского языка. М.: Наука, 1981. С. 87.
9. *Высотский С.С.* О говоре д. Лека // Материалы и исследования по русской диалектологии. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949. Т. 2.
10. Диалектологический атлас русских народных говоров центральных областей к востоку от Москвы. М., 1957. Вступительные статьи и комментарии.
11. ДАРЯ. М., 1986. Вып. 1.
12. ДАРЯ. М., 1989. Вып. 2.

13. *Касаткин Л.Л.* Разновидности фонетических гиперизмов в русских диалектах // Русские диалекты: Лингвогеогр. аспект. М.: Наука, 1977.
14. *Обнорский С.П.* Именное склонение в современном русском языке. Л., 1931. Вып. 2: Множественное число. С. 290—291, 371.
15. Образование севернорусского наречия и среднерусских говоров. М.: Наука, 1970.
16. *Орлова В.Г.* Губные спиранты в русском языке // Тр. ин-та рус. яз. 1950. Т. 2.
17. Русская диалектология/Под ред. Н.А. Мещерского. М., 1972. С. 57—58.
18. *Селищев А.М.* Диалектологический очерк Сибири. Иркутск, 1921. Вып. 1. С. 168.

А.В. ТЕР-АВАНЕСОВА

УДАРЕНИЕ ТЕМАТИЧЕСКИХ ГЛАГОЛОВ С КОРНЯМИ, ОКАНЧИВАЮЩИМИСЯ НА НЕШУМНЫЕ, В ГОВОРАХ ЗАОНЕЖЬЯ

Материал, рассматриваемый в данной работе, собран автором во время экспедиций 1986—1988 гг. в следующих нас. п. Медвежьегорского р-на КАССР (некоторых из них в настоящее время не существует, а их говоры записаны от их уроженцев, переселившихся в соседние села): Ка́жма, Ко́смозеро, Се́лецкое, Обо́д, Великая Губа́, Бережски́е, Ти́пиницы, Та́мбицы, Во́лкостров, Сенна́я Губа́, Ло́нгасы (юго-западный диалект), Па́дмозеро, Па́яницы, Фо́ймогуба, Па́лтега, Якорледи́на, Великая Нива, Ку́заранда, Вы́розеро (северо-восточный диалект). Янд. помечаются примеры, записанные от уроженки с. Я́ндомо̀зеро (юго-запад), бо́льшую часть жизни прожившей на территории северо-восточного диалекта и воспринявшей многие его черты.

Системы ударения тематических глаголов с корнями, оканчивающимися на нешумные, одинаковы во всех говорах Заонежья и, по-видимому, типичны для северо-западных говоров. Последнее становится очевидным при "снятии" в этих системах результатов переноса ударения с конечного слога фонетического слова на начальный. Формы с перенесенным ударением, так называемые "новые энклиномены", как правило, легко отграничиваются от форм с неперенесенным ударением, во-первых, поскольку по причине факультативности переноса ударения "новые энклиномены" варьируются с конечноударными формами, в среднем встречаясь несколько чаще последних, и, во-вторых, под перенесенным ударением на месте **о*, **ъ*, **е*, **ь* и **ě* в юго-западном диалекте и на месте **о*, **ě* и частично **е* в северо-восточном диалекте произносятся звуки более низкого подъема, чем на месте тех же гласных под неперенесенным ударением (подробнее об условиях образования "новых энклиноменов" в заонежских говорах см. в: Тер-Аванесова 1989). В приводимых ниже списках примеров "новые энклиномены" помечаются НЭ и приводятся после форм с неперенесенным ударением; последние имеют помету НПУ только в обобщающих таблицах.

Классификация тематических глаголов (глаголов с презентными основами на *-е-*, *-je-*, *-ne-*), в частности, глаголов с корнями, оканчивающимися на нешумные, т.е. на гласные, дифтонги и сонанты

(включая *ъ*) применительно к акцентной реконструкции разработана В.А. Дыбо (Дыбо СА, Дыбо 1982, Дыбо 1983, Дыбо 1984). Опираясь на эту классификацию, мы делим рассматриваемые глаголы на группы: 1) с корнями, оканчивающимися на плавные и носовые согласные без инфинитивной основы на *-а-;* 2) с корнями на гласные, *j* и *ъ* без инфинитивной основы на *-а-;* 3) с корнями на плавные и носовые согласные с инфинитивной основой на *-а-*, а также глаголы *звать, рвать;* 4) с корнями на *j* и *ъ* с инфинитивной основой на *-а-*. Глаголы первых трех групп подразделяются на подгруппы А и В в зависимости от слоговости корня в презенсе: подгруппа А— глаголы со слоговым корнем в презенсе, подгруппа В — глаголы с неслоговым корнем в презенсе. Поскольку для акцентуации глаголов группы 3А существенна слоговость корня в формах прош. времени, внутри этой группы выделяются подгруппы 3′А (глаголы со слоговым корнем в прош. времени) и 3″А (глаголы с неслоговым корнем в прош. времени). В группу 4 входят только глаголы со слоговым корнем; при этом акцентные различия в данной группе связаны с исходом корня: к подгруппе 4′ относятся глаголы с корнями, оканчивающимися на *v*, к подгруппе 4″ — глаголы с корнями на *j*. Наряду с тематическими глаголами, имеющими корни на нешумные, в рассмотрение включены глаголы с корнями, оканчивающимися на шумные согласные, инфинитивной основой на *-а-* и неслоговым корнем (*ткать, ждать, скать* и под., рассматриваемые в числе глаголов группы 3В), глагол *сосать*, отличающийся от приведенных слоговостью корня, глагол *быть* (формы прош. времени, в акцентном отношении ведущие себя как формы глаголов группы 2А), а также ряд аномальных с точки зрения оформления основы глаголов с неслоговым корнем в презенсе и/или в прош. времени: *гнать* (*гна́т', гон'у́, го́н'ит, гна́ла* и *гон'ила, спать* (*спа́т', спл'у́, сп'и́т, спа́ла*), *идти* (*итт'и́, иду́, ид'о́т, шла́*).

Обозначение акцентных кривых (а.к.) глаголов: α — неподвижное ударение на корне; β — ударение на окончании в одних словоформах парадигмы, ударение на слоге, следующем за корнем — в других (смежно-подвижное ударение); γ — ударение на окончании в одних словоформах парадигмы, ударение на начальном слоге в других (подвижное ударение; в полупарадигмах может быть представлено и только флексионное ударение). В заонежских говорах указанные акцентные кривые, если они включают конечноударные словоформы, могут варьироваться с акцентными кривыми, содержащими "новые энклиномены" на месте конечноударных словоформ. Фактически символами α, β и γ ниже обозначается ударение в полупарадигмах (презенса, прош. времени, страдательных причастий на *-n-, -t-*, инфинитива), что соответствует традиции синхронного акцентологического описания глагола (ср.: Зализняк 1985, §1.8, 1.10).

В работе устанавливается соотношение акцентуации указанных глаголов в заонежских говорах с их акцентуацией в праславянском (об отражении праславянских а.п. *a, b* и *c* в русском см. Зализняк 1981, §2). Мы ориентируемся на акцентологическую реконструкцию, предложенную В.А. Дыбо и А.А. Зализняком.

Таблица 1

		Подгруппа А			Подгруппа В	
		α	β	γ	β	β ~ γ
группа 1	НПУ	—	кол'ý	кл'енýс'	сожмý	сътрý
	НЭ	—	на́кол'у	пъ̀кл'енус'	ръ̀зажму	съ̀тру
	НПУ	—	ко̀л'ет	кл'ен'о́цца	со́мж'ет	п о̀ м р'е т ~ пъмр'о́т
	НЭ	—	—	—	—	— съ̀лтр'ет
группа 2	НПУ	мо́ju	—	пojý	—	сошjý
	НЭ	—	—	пъ̀ljу	—	съ̀шjу
	НПУ	мо́jет	—	пojо́т	—	с о̀ шjе т ~ същjо́т
	НЭ	—	—	пъ̀ljет	—	— ръ̀забjет
группа 3	НПУ	—	с'ерý	зовý	наврý	сьжгý
	НЭ	—	с'ъ̀ру	зъ̀лву	на́вру	съ̀лжгу
	НПУ	—	с'о́рут'	зов'о́т	ътóшл'ут'	с о̀ жр у т' ~ нарв'о́т
	НЭ	—	—	зъ̀лвут'	—	— съ̀лжг'ет
группа 4'	НПУ	н а к у́ j у	~	накujý		—
	НЭ	—		на́кujу		—
	НПУ	н а к у́ j е т	~	накujо́т		—
	НЭ	—		на́кujет		—
группа 4''	НПУ	во́jу	—	с'м'ejýс'		—
	НЭ	—	—	пъ̀лсм'ейус'		—
	НПУ	во́jет	—	с'м'ейо́цца		—

Примечание. В табл. 1 помещены примеры из юго-западного диалекта, вокализм которого наиболее благоприятен для различения перенесенного и неперенесенного ударений. Приставочные формы включаются в табл. только в тех случаях, когда специфика акцентного контура, а также различие перенесенного и неперенесенного ударений обнаруживается только в них.

Презенс. Система ударения в презенсе глаголов с корнями, оканчивающимися на нешумные, и глаголов с корнями на шумные согласные и неслоговой презентной основой представлена в табл. 1.

Вид акцентной кривой в табл. демонстрируется при помощи двух форм: 1 л. ед.ч. и любой другой формы презенса. В форме 2 л. мн.ч. глаголов а.п. γ у большинства информантов ударение падает на первый слог окончания (*б'ер'óт'е* и под.), однако в архаическом слое говоров встречаются примеры, свидетельствующие об ударности второго слога окончания; во всех этих примерах имеет место перенос ударения с конечного слога на начальный: *н'ǽ jæд'um'e, jéд'um'e, н'е ýкрад'ът'е* (Волк.), *с'м'ёjем'ес'* (Сел.) и под.

В презенсе глаголы со слоговым корнем (подгруппа А) первых трех групп имеют одну из трех акцентных кривых:

а.к.α: *нарóйу, нарóйут'* (Куз., Косм., В.Н.), *ръзрóйут'* (Сел.) 'бросать', *закрóйу, закрóлт* 3 ед. (Куз., В.Н., Косм., Сел.), *закрó·цца* 3 ед. (В.Н.); *пъмójус', помójет* (Куз., Янд., Косм., Сел.), *мójут'* (Тип.); *н'е с'м'ýйу* (Янд.), *н'е с'м'ёаш* (Тип., Косм.), *н'е с'мёлм* (Волк.); *пос' п'ёйут'* (Тип.); *съгр'ейу* (Тип.), *грёйес'с'ε* (Косм.), *гр'елцца 3 ед.* (*Сел.*); *н'е знáйу, н'е знáлш* (Каж., Косм., Тип., Куз.); *здр'ёйут'* (Волк.) (группа 2А);

а.к.β: *бър'у́с'* (Янд.), *пъбо́р'ецца* (Куз., Выр., Янд.), *збо́р'ет* 'сбить с ног' (Лонг.), НЭ: *бо́р'ус'*, *по́бэр'ус'* (Куз.); *у́къл'ус'* (Янд.), *дъко́л'æм* (Сел., Каж.), *нако́л'æт* 3 ед. (Куз., Янд., Каж.), НЭ: *на́къл'у* (Куз.), *пэ̀лкэл'у* (Каж.); *пър'у́* (Янд.), *напо́р'æт* 3 ед. (Куз., Янд.), *по́р'ут'* (Куз.), НЭ: *на́пър'у* (Куз.); *м'ел'у́* (Янд.), *нам'ёл'æт* 3 ед. (Куз., Янд., Як.) НЭ: *на́м'ел'у* (Куз.); *по́л'æм* (Сел.), *пръпо́л'æм* (Куз.); НЭ: *пръ́пъл'у* (Куз.); *прокл'ён'ет*, НЭ: *про́кл'ену* (Куз.)[1] (группа 1А);

с'т'ел'у́, *с'т'ёл'еш* (Сел.), *нас'т'ёл'ет* (Волк.); *нас'ёр'ет*, *нас'о́рут'* (Куз., В.Н., Каж., Волк., Косм.), *апс'ёруц·ц·а* (Каж.), НЭ: *с'о́ру*, *на́с'еру* (Куз.), *с'э̀лру* (Косм., Каж.), *с'ǽру* (Тип.); *эр'у́*, *лр'у́*, *наор'ет* 'пахать' (Куз.), встречается также с флексионным ударением: *ор'у́*, *ор'о́т* (Сел.), НЭ: *на́ор'у* (Куз.), *н'е за́арут'* (Волк.) (группа 3А);

а.к.γ: *кл'ену́с'*, *кл'ен'о́цца* (С.Г.), ср. а.к.β этого глагола в значении 'проклять' (группа 1А);

пойу́, *пойо́т* (Янд., Як.), *пэйёц'ц'а* (Куз.), НЭ: *пръ́пэйу*, *пръ́пэйет* (Куз.), *н'ё пэйут'* (Янд.); *жыв'о́т* (В.Н., Косм., Сел.), НЭ: *жы́ву* (Куз., В.Н., Косм.), *на́жывус'* (Тип.), *жы́вут'* (Сел., Тип., Каж.), *н'ǽ жывут'* (Каж.); *дэ̀плэву́* (Сел.), *плэв'о́т* (Косм., Куз., Выр.), *плъву́т'* (Волк.), *плыв'о́т* (В.Н.), НЭ: *дэ́плэву*, *пла́в'ет* (Куз.), *пла̀́в'ет* (Косм., Волк.), *за́пльв'е* 3 ед. (Тип.)[2]; *дайу́*, *дайу́т'* (всюду), НЭ: *о́ддайу*, *по́дайем* (Куз.), *здайут'* (В.Н.), *н'ǽ дайут'*, *э̀ддайут'* (Косм., Тип.); *гн'ийо́т* (Як., Косм., Лонг., С.Г., Куз.), НЭ: *зун'у́ju* (Куз., Янд.), *зун'у́jet* (Куз., Выр., Каж., Янд., Волк.), *зун'ёйут'* (Косм.), *за́ун'ujet* (Куз., Янд.); у данного глагола встречается также смежно-подвижное ударение: *заун'у́jet* (Янд.), *н'е ун'у́jet* (Волк., Лонг.) (группа 2А);

н'едоуб'еру́т' (Выр.), *б'еру́т'* (всюду), *проб'ер'ёс'с'ɛ* (Выр.), *съб'еру́цца* (Фойм.), НЭ: *со́б'еру*, *со́б'ер'ет* (Куз., Выр.), *со́б'ер'ът* (Куз., Выр.), *б'э̀лру*, *б'ɛ̀́ру*, *н'ǽ б'еру*, *б'ǽр'æт* (Каж., Косм., Сел.), *э̀лдб'ærут'* (Косм., Сел.), *б'ёр'еш* (В.Н.), *з'б'ǽрут'* (Тип.); *д'еру́т'* (В.Н.), *д'ер'о́т* (Выр.), *д'еру́ц'ц'æ* (Косм., Сел.), НЭ: *на́д'еру*, *на́д'ер'ет* (Куз., Тип.); *зъву́ зъв'о́т* (Тип., Косм.), НЭ: *по́зэву*, *по́зэв'от* (Куз.), *на́злв'ет* (Тип.), *зэ̀́вут'* (Каж.); *насъс'о́цца* (Куз.), НЭ: *по́сьсу*, *по́сэс'ет* (Куз.); НЭ: *на́лру*, *на́лр'ɛт* 'орать' (Куз.) (группа 3А).

Акцентуация презенса глаголов с корнями, оканчивающимися на нешумные, и слоговой презентной основой, как видно из примеров, в целом соответствует праславянской. Отклонения от праславянской акцентуации имеются только у глаголов *орать* 'пахать', *гнить* и *(про)клять* (праславянская а.п.*c*), у которых наряду с а.к.γ в заонежских говорах встречается а.к.β[3].

У глаголов с неслоговым корнем в презенсе варьируются смежно-подвижное (а.к.β) и флексионное (а.к.γ) ударение. Первое информанты оценивают как "деревенское", "заонежское", второе — как "городское", "культурное". Смежно-подвижное ударение: *сътру́* (Куз., Косм., Янд.), *ръзо́тр'ет* (Куз.), *ъбо́тр'ет* (Янд.), НЭ: *ро́затру* (Куз.), *рэ̀́затру*, *сэ̀́лтру* (Косм.); *у́мр'ет*, *по́мр'ет* (Куз., Сел.), *н'е у́мр'ет* (Сел.), *н'е у́мр'еш* (Тип.), НЭ: *по́мру*, *у́мру* (Куз.), *н'ǽ умру* (Сел.); *запру́* (Сел.), *за́пр'ет* (Куз., Тип., Сел.), НЭ: *за́пру* (там же); *съжну́* (Янд.), *со́жн'ет* (Янд., Косм.), *со́жнут'* (Тип.), НЭ: *на́жну* (Куз., Косм.); *ръзамну́*, *ръзо́мн'ет* (Янд.), *со́мн'ет*, *за́мнут'* (Куз.), *ръзо́мнут'* (Косм.),

НЭ: *сэ́мну* (Куз.), *рэ́лзамну* (Косм.); *пожму́* (Сел.), *пр'ижму́* (Волк.), *со́жм'ет, н'е́ жм'ет* (Тип., Тамб.), *рьзо́жм'ет*, НЭ: *ро́зажму* (Куз.); *пъйму́, с'н'ему́* (Янд., Сел.), *по́йм'ет* (Куз.), *во́з'м'ет* (Выр.), *во́з'мут', н'е́ ймут'* (Сел.), *со́ймут', за́ймут'* (Сел., Тип.), *рьзо́йм'ет* (Куз.), *ъто́ймут'* (Выр.), НЭ: *по́йму, во́з'му* (Куз., Янд.), *пэ́лйму* (Сел., Косм.), *вэ́лз'му* (Тип.); *нач'ну́* (Янд.), *на́ч'н'ет*, НЭ: *на́ч·ну* (Куз., Янд., Косм.) (группа IB);

пьбу́ (Янд.), *рьзо́бjет* (Куз., Янд., Косм.), *рьзо́бjеш* (Тип.), *у́бjет, у́бjес'с'ɛ* (Сел.), *у́бjут'* (Каж.), НЭ: *на́бju, ро́забju* (Куз., Янд., Падм.), *рэ́лзабju* (Косм.); *п'ер'æшjú* (Сел., Тип.), *сэ́шjет, пьдо́шjет* (Куз., Янд., Тип.), НЭ: *сэ́шju, по́дашju, за́шju* (Куз., Янд.); *завjú* (Тип.), *со́вjет* (Куз., Тип.), *рьзо́вjɛт* (Косм.), НЭ: *со́вju, п'ер'ев'ju* (Куз.); *нал'jú* (В.Н., Янд.), *рьзо́л'jɛт* (Куз., Косм.), *сэ́л'jет* (Куз.), *нал'jут'* (Янд.), *на́л'jеш* (Косм.), НЭ: *ро́зал'ju* (Куз.), *рэ́лзал'ju* (Косм.), *н'ǽ нал'ju* (Тип.); *напjúс'* (Янд.), *рьзо́пjeл* (Куз., Косм., Янд.), *про́пjецца* (Куз.), *за́пjут'* (Выр.), *н'е́ пjет* (Косм.), *по́пjɛш* (Сел.), *по́пjет'е* (Волк.), НЭ: *ро́запju* (Куз.), *рэ́лзапju* (Косм.), *пэ́лпju* (Сел.), *на́пjус'* (Янд.) (группа 2B);

со́жрут', НЭ: *со́жру* (Куз.); *на́вр'ет* (НЭ?), НЭ: *на́вру* (Косм., Куз., Фойм., Каж., Сел.); *ръзърву́* (Тип., Косм.), *рьзо́рв'ет, п'ер'е́рв'ет* (Куз.), *ато́рв'еццɛ* (Янд., Сел., Косм.), *со́рв'ец'ц'е* (Тип.); НЭ: *на́рву, ро́зарву, п'е́р'ерву* (Куз.); *по́шл'ут'* (Курич., Высотский; Сел.), *ъто́шл'ут'* (Косм.); *пьдо́жд'ет* (Куз., Выр., Косм.), НЭ: *по́дажду* (Куз.); *сьжгу́, рьзо́жг'ет* (Сел.), *за́жг'ет* (Косм.), НЭ: *сэ́лжгу* (Сел.); *на́ск'ет*, НЭ: *на́ску* (Куз.) 'сучить нить', 'раскатывать тесто'; *на́тк'ет* (Фойм.), *н'е́ тк'ет*, НЭ: *на́тку* (Тип.); *н'е́ с'п'ат* (Тип.), НЭ: *н'ǽ спл'у* (Сел.) (группа 3B).

Флексионное ударение (приводятся формы не 1 л. ед.ч.): *ъбътр'о́т* (Янд.), *пътру́т'* (Фойм.), НЭ: *ро́затр'ет* (Куз.), *сэ́лтр'ет* (Косм.); *пъмр'о́т* (Янд., Сел.); *сьжн'о́т* (Янд.); *рьзъмн'о́т* (Янд.), НЭ: *ро́замн'ет* (Куз.); *запр'о́ц'ц'а* (Волк.); *въз'му́т', пъйм'о́т, нач'н'о́т* (всюду), НЭ: *на́ч'н'ет* (Тип., Сел., Косм.), *пэ́лjм'еш* (Каж.) (группа IB);

пьбjúт' (Янд.), НЭ: *рэ́лзаб·jет* (Косм.); *сьшjо́т* (Янд.), *сьшjúт'* (Тип.); *завjо́т* (Янд., Косм.), НЭ: *п'ер'ев'jет* (Куз.), *ро́завjот* (Янд.,); *рьзл'jо́ш* (Янд.), *л'jо́цца* (В.Н.), НЭ: *ро́зал'jеш* (Куз., Янд.); *нап'jо́цца, рьзп'jу́т'* (Янд., Тип.), *пэп'jо́т*, НЭ: *рэ́лзап·jет* (Косм.) (группа 2B);

сьжр'о́т (Косм.), НЭ: *п'ер'ежрут'* (Куз.); *нарв'о́т* (Тип., Волк.), *пр'ирв'о́цца* 'порваться' (Куз.), НЭ: *п'ер'ерв'ет* (Куз.); *пэдлжд'о́т* (Косм.), НЭ: *по́дажд'ет* (В.Н.); *сьжг'о́т'æ, рьзжг'о́т* (Сел., Косм., Тип., Каж.), НЭ: *п'ер'ежгу́т'* (Куз.); *наск'о́т* (Куз., Тип.); *пътк'о́т* (Косм.); НЭ: *н'ǽ с'п'æт* (Сел.) (группа 3B).

Приведенный материал по акцентуации глаголов с неслоговой презентной основой показывает, что все они, за исключением *жать* (*жму*), *слать* и, по-видимому, *врать* встречается как со смежно-подвижным, так и с флексионным ударением. Указанные три глагола имеют только смежно-подвижное ударение, что соответствует неподвижной акцентной парадигме *слать* и *жать* в праславянском; глагол *врать* широко представлен с ударением, восходящим к праславянскому неподвижному, в современных русских говорах[4]. Таким образом, противопоставление смежно-подвижного и флексионного ударения в презенсе глаголов данных морфонологических типов в заонежских говорах генетически восходит к праславянскому акцентному состоя-

нию, хотя последнее сохраняется в заонежских говорах в сильно редуцированном виде.

Подобно рассмотренным глаголам с неслоговой основой презенса ведет себя глагол *идти*. Словоформы со смежно-подвижным ударением: *идý, úд'ет, ьтóйд'ет, пьдóйд'ет* (Куз., Тип., Сел.), *úд'ем, ьтóйдут'* (Сел.), *сóйд'ет, прóйд'ет* (Выр., Сел., Каж., Тип.), *п'ер'ёйд'ем* (Як.), *нáйд'еш* (Янд.), *н'é йд'еш* (Сел.), *н'é йд'ет'е* (Выр.), НЭ: *пр'úду* (Куз.), *úду, прэ̀йду, пэ̀йду, зáйду* (Каж., Тип.), *н'ǽ пьйду* (Сел.). Словоформы с флексионным ударением: *сьйд'óм* (Куз., Выр.), *пьйдý т', найдýц'ц'æ* (Сел.), *пэйд'óш, ид'óш* (Тип.), НЭ: *прэ̀йдут'* (Каж.).

Глаголы четвертой группы в заонежских говорах, по-видимому, переходили в неподвижный акцентный тип с колонным накоренным ударением (глаголы с корнями, оканчивающимися на *j*) или с накоренным ударением в презенсе, насуффиксальным — в формах, образованных от инфинитивной основы (глаголы с корнями, оканчивающимися на *υ*). Отклонения от этой закономерности в большей степени проявляются у глаголов с корнями на *j*, у которых неподвижный акцентный тип, по-видимому, устанавливается не одновременно с переходом в неподвижный акцентный тип глаголов с корнями на *υ*. Отклонения от неподвижного акцентного типа в данной группе глаголов могут быть связаны :: с влиянием литературного языка. В пользу предположения о первоначальном неподвижном акцентном типе у глаголов с корнями на *υ* в заонежских говорах говорит тот факт, что он встречается у некоторых информантов в чистом виде.

Глаголы с корнями на *υ*, а.к.α: *пл'ýjу, пл'ýjæт* (Каж., Тип., Косм.), *напл'ýjу, напл'ýjет* (В.Н., Косм.), *рэспл'ýjецца* (Каж.); *набл'ýjу, набл'ýjет* (Куз., В.Н., Косм., Волк.), *бл'ýjат* 3 ед. (Волк.); *насýjу, насýjæт* (Косм.), *н'е сýjет* (Каж.); *накýjу, накýjет* (Куз., Косм., Сел.), *кýjу, рьскýjет* (Тамб.); *пькл'ýjу, пькл'ýjет, закл'ýjут'* (Янд., Куз., Каж., Косм.), *рьск'ýjут'* (Волк.), *кл'ýjут'* (Янд., Каж.), *кл'ýjец'ц'а* (Косм.); *пожýjу, пожýjет* (Куз., Косм.); *наснýjу, наснýjет, сэснýjет* (Куз., В.Н., Янд., Косм., Волк.), *н'е снýjут'* (Тип.) 'натянуть нити основы в ткацком станке';

а.к.β: *наснujý, наснýjет* (Куз., Тип.); *накujý, накýjет* (В.Н.); *пожujý, пожýjет* (В.Н.);

а.к.γ: *пл'ujý, пл'ujýт'* (Янд.), *пл'ujóт* (Куз.); *бл'ujý, абл'ujýц'ц'ε* (Каж.); *сujý, сujóш*, НЭ: *нáсujет* (Куз., В.Н., Сел.); НЭ: *нáкujу, нáкujет* (Куз.); НЭ: *пóкл'ujу, пóкл'ujет* (Куз., Фойм.); *жujýт'* (Волк.), НЭ: *пóжujу, пóжujет* (Куз.).

Глаголы с корнями на *j*, а.к.α: *забл'ǽjут'* 'блеять' (Сел.), *ч'ýjу, ч'ýjæт, поч'ýjет* (Сел., Янд., Лонг.) 'слышать; чуять'; *в'ёйу, в'ёйут'* (зерно) (Косм., Куз.); *пос'úйу, пос'úг'ет* (Сел.); *májет, рьстáлт* (Волк.) 'таять'; *нójу, нójет* (Косм., Волк.), *занójет* (В.Н.); *вójет, вójут'* (Куз., В.Н., Лонг., Косм.), *завójут'* (Волк.).

Смеяться является единственным из зафиксированных в заонежских говорах глаголов данной группы с корнями, оканчивающихся на *j*, относившимся в праславянском к а.п.*c* (у остальных реконструируется а.п.*a*). У этого глагола встречается как неподвижное накоренное ударение, так и подвижное ударение (в презенсе — флекси-

онное); последнее может объясняться влиянием литературного языка (?). А.к.α: *с'м'ýjус'*, *нас'м'ýjус'* (Куз.), *с'м'ёjец'ц'æ* (Каж.), *с'м'ёйет'ес'* (возможно, НЭ) (Сел.); а.к.γ: *с'м'ейýс'* (Сел., С.Г.), *с'м'ujóс͡'а* (Лонг.), *с'м'ujóц'ц'а* (Волк.), *нас'м'ujóцца, с'м'ujóмс'ɛ* (Куз., Косм.), НЭ: *пóс'м'ejус'* (Куз.).

Прошедшее время. В прошедшем времени глаголы с корнями, оканчивающимися на нешумные, а также ряд глаголов с корнями на шумные согласные с неслоговым корнем в презенсе и инфинитивной основой на *-а-*, относятся к одному из типов ударения: 1) неподвижный акцентный тип, представленный двумя акцентными кривыми: а.к.α (неподвижное ударение на корне) у глаголов 1 и 2-й групп и а.к.β (неподвижное ударение на элементе *-а-*) у глаголов 3 и 4-й групп; "новые энклиномены" возможны в словоформах муж. рода без энклитик; 2) акцентный тип, который мы условно назовем подвижным. В заонежских говорах глаголы, относящиеся к этому типу, не имеют последовательной акцентуации: у них варьируется собственно подвижное ударение (а.к.γ) — на крайнем слева слоге словоформ без энклитик и, как правило, на корне (глаголы 1 и 2-й групп или на элементе *-а-* (глаголы 3-й группы) словоформ с энклитиками — и неподвижное: накоренное (а.к.α) или на показателе основы *-а-* (а.к.β). В редких случаях формы жен. рода глаголов, относящихся к данному акцентному типу, встречаются с флексионным ударением, по-видимому, заимствованным из литературного языка. "Новые энклиномены" возможны в формах муж. рода без энклитик при исходном насуффиксальном и накоренном ударении, а также в формах жен. рода без энклитик при исходном флексионном ударении.

Ударение форм прош. времени рассматриваемых глаголов представлено в табл. 2.

Неподвижный акцентный тип. А.к.α: *поборо́ł* (Выр.), *бърółса* (Куз., Янд.); *колóла* (Каж.), *уколóлас'* (Янд.), *колóл'и* (В.Н.), Н.Э: *нáколоł* (Куз.), *кóл͡ɔł* (Тип., Каж.); НЭ: *нáпърьł* (Куз.); *мьлóл'и* (Янд., Тип.), НЭ: *мэ́л͡ɔł* (Сел.); *полóла* (Тип.), *пьлóл'и* (Сел.) (группа 1А);

м'ála (Тип.), *м'ál'и* (Выр.), *ръз'м'æла* (Косм.), *ръз'м'ála*, НЭ: *рóз'м'eł* (Куз.) (группа 1В);

рыл'и (Куз., Тип.), *п'ер'æрыл'и* (Каж.); *ъткрыл'и, ъткрыла* (Сел., Тип.); *пъмыла* (Косм.), *смыла* (Янд., Сел., Тип.), *пъмыл'ис'* (Косм.); *пъбр'ил'и* (Тамб.); *пъс'п'ёл'и* (Тип., Волк.); *н'е с'м'ёла* (Тип.), НЭ: *н'æ с'м'eł* (Тип.); *задýла* ср. р., НЭ: *пóл͡дуł* (Лонг.); *сгр'ёла* (Тип., Каж.); *узнáла* (Янд.), НЭ: *н'æ знаł* (Сел., Тип., Каж.); *п'ёла* (Сел., Куз.); *прэп'ёла, прэп'ёл'и* (Куз.), НЭ: *прóп'ёł* (Куз.); *пьгн'úł*, (Янд.), *загн'úла* (Куз., Косм., Янд.), *зун'úла, зун'ёл'и* (С.Г.), *прэгн'úло* (Куз.), НЭ: *прóгн'uł* (Куз.) (группа 2А);

рэз'б'úł, ръз'б'úла, ръз'б'úли (Куз., Янд.), *уб'úл'и* (Янд., Тип., Косм.), НЭ: *пр'úб'uł* (Тип., Сел.), *úб'uł* (Сел.), *зáб'uł* (Куз.), *рэ́л͡з'б'uł* (Сел.); *пътшыла, пътшыл'и* (Сел.), *шыл'и, н'е шыл'и* (Тип., Сел.), НЭ: *пэ́л͡тшыł* (Сел.);

занójał (В.Н., Волк., Фойм.), *занójала* (Фойм.), *н'е нójала* ж.р. (Волк.) 'ныть'; *вójał* (В.Н.), *завójał* (Волк.), *завójал'и* (Волк.) 'выть'; *с'ёйал'и* (В.Н., Лонг.); *с'м'ёйал'ис'* (В.Н.); *зав'ёйał* (Волк.); ж.р. *залájала* (Фойм.);

ИРЯ
институт русского языка
им. В.В. Виноградова

Таблица 2

		Подгруппа А			Подгруппа В	
		α	β	γ ~ α(β)	α	γ ~ α(β)
группа 1	НПУ	побороˊть	—	проˊкл'еть	розм'аˊть	наˊч'еть/пом'оˊр
	НЭ	коˊлоть	—	—	роˊзм'еть	— / ?
	НПУ	колоˊла	—	проˊкл'ела	розм'аˊла	поˊн'ала/пон'аˊла
	НПУ	колоˊл'и	—	проˊкл'ел'и	розм'аˊл'и	поˊн'ел'и/подн'аˊл'и
группа 2	НПУ	проп'ёˊть	—	поˊдать/подаˊть	роз'биˊть	поˊп'ил'/поп'иˊть
	НЭ	н'аˊ знать	—	— / ?.	рˊзˊб'иˊть	— / ?
	НПУ	узнаˊла	—	поˊдала/подаˊла	ръзб'иˊла	поˊп'ила/поп'иˊла
	НПУ	прэпˊёл'и	—	доˊплыл'и/доплыˊл'и	уб'иˊл'и	поˊл'или/прол'иˊл'и
группа 3	НПУ	—	пососаˊть	оˊбрать/собраˊть	—	соˊжгать/сожгаˊть
	НЭ	—	наˊорать	—/ˊэлбрать	—	— / ?
	НПУ	—	наораˊла	соˊбрала/собраˊла	—	соˊжгала/сожгаˊла
	НПУ	—	наораˊл'и	наˊдрал'и/надраˊл'и	—	заˊжгал'и/зажгаˊл'и
группа 4	НПУ	зав'ёˊjать	пл'еваˊть	—	—	—
	НЭ	—	ˊэлпкл'еватˊ	—	—	—
	НПУ	завоˊjала	бл'еваˊла	—	—	—
	НПУ	сˊёjал'и	новаˊл'и	—	—	—

Примечание. Вопросительный знак означает отсутствие в нашем материале словоформы с данным акцентным контуром, в то время как устройство акцентной системы предполагает ее наличие. Возможно, выбор той или иной акцентовки словоформы прош. времени, относящейся к "подвижной" акцентной парадигме, обусловлен видовой семантикой приставки.

забл'ӕйӕл'и (Падм.) 'блеять' (группа 4″, глаголы с корнями, оканчивающимися на *j*).

А.к.β: *насъсаˊтся* (Куз.), *съсаˊла* (Тип.); *наораˊла* (Куз.), *п'ер'елраˊт* (Сел.), НЭ: *наˊорать* (Куз.) 'пахать'; *наораˊла,* НЭ: *наˊорать* (Куз.) 'орать, кричать' (группа 3′А, глаголы со слоговым корнем);

пл'еваˊть (Янд.); *лпкл'еваˊл'и* (Лонг.), 'кусать, жалить' (о змеях, осах), НЭ: *пˊкл'еватˊ* (Куз.), *ˊэлпкл'еватˊ* (Каж.); *соваˊт* (В.Н.), НЭ: *наˊсоватˊ* (Куз.); *пъткъваˊл'и* (Волк.), НЭ: *наˊковатˊ* (Куз.); *пожъваˊла* (Куз.); *бл'еваˊла, бл'еваˊл'и* (Каж., Тип.), НЭ: *наˊбл'еватˊ, бл'ˊэватˊ* (Куз.); *новаˊла, новаˊл'и* (Тип., Каж.) (группа 4′, глаголы с корнями, оканчивающимися на *υ*).

У глаголов подвижного акцентного типа ударение на крайнем слева слоге словоформы прош. времени большинство информантов оценивают как местное, а вариантное ударение на корне или на элементе *-а-* — как "культурное", "городское", хотя встречается и противоположная оценка.

В наших материалах среди глаголов подвижного акцентного типа только с ударением на крайнем слева слоге словоформы прош. времени зафиксировано несколько глаголов с корнями, оканчивающимися на плавные и носовые согласные без инфинитивной основы на *-а-* (группа 1А, 1В), а также, по-видимому, глагол *ткать* (группа 3В): *проˊкл'еть* (Куз., Косм.), *проˊкл'ела* (Куз., В.Н., Палт.) (группа 1А); *наˊч'еть, наˊч'ел'и* (Куз., Янд.), *наˊц'еть* (Тип., Косм.), *наˊч'ела* (Каж.,

www.ruslang.ru

Таблица 3

Группа	"Подвижное ударение"	"Неподвижное ударение"
1В	пóн'еť, пóн'ел'и (Куз., Янд., Косм.), óбн'еť, пóд'н'еť (Сел.), зáн'еť, зáн'ел'и, зáн'ела (Куз.), н'é вз'аť, н'é вз'ала (Волк., С.Г.), пóн'ала (Куз., Янд., В.Н., Косм., Сел.), рóзн'ела (Куз.), зáн'ала (Янд., С.Г.), пр'úн'æла, óтн'æла, пóдн'æла (Сел.), пóм'ер, пóм'ер'л'и (Тип., Сел., Куз., Выр., В.Н., Янд.), úм'ерл'и (Янд.), úм'ер (Косм., Сел.), пр'úм'ер'л'и (Сел.), пóм'ерла (Тип., Куз., Янд., Сел., Косм., Каж.), úм'ерла (Косм., Каж.)	вз'áла (Янд., Куз., Як.), вз'æла (Каж., Тип.), пъдн'ál'и (Фойм.), подн'áť (Куз.), пон'áла (К з.), пъдн'áла (Сел., Тип.) пон'óр (Тип.), пъм'ерла (Тип., Куз.
2А	пóдаť, пóдал'и (Куз.), н'é даť (Лонг.), óддаť, прóдаť, пóдаť (Палт.), прóдал'и (Каж., Тип.), пóдаť (Косм.), п'ér'едал'и, óддаť, óддал'и, óддала (Куз.), пóдала, óддала, рóздала, прóдала (Каж., Сел., Тип.), пóдала (Сел., С.Г., Куз.), прóдала (Косм.), п'ér'едала (Каж.).	продáť (Косм.), дáл'и (Тип.), дáла (Каж., Куз., В.Н., Тип.), продáла (Куз.), подáла (Косм.), оддáла, п'ер'едáла (Тип.)
	прóжыť, прóжыл'и (Куз., Сел., Тип., Палт.), пóжыť (В.Н., Тип.), пóжыл'и (С.Г.), п'ér'æжыл'и, дóжыл'и (Сел.), прóжыла (Каж., Куз., В.Н., Янд., Палт., Косм.), пóжыла (Сел., Косм., В.Н.), óжыла (В.Н., Фойм., Палт.), п'ér'ежыла (Каж., Сел., Тип.)	жы́л'и, жы́ла (Каж., Янд., В.Н.), прожы́ла (В.Н., Янд., Косм.), пожы́ла (В.Н.), п'ер'æжы́ла (Тип.)
	дóплыť, дóплыл'и (Куз.), пр'úплыť (Тип.), дóплыла (Каж., Тип., Куз.), пр'úплыла (Куз.), пóплыла (Косм., Сел.), пóплыл'и (Фойм.)	сплы́л'и (Выр.), доплы́л'и (Куз.), пъплы́л'и (Янд., Косм.), поплы́ла (Янд., Сел.), п'ер'æплы́ла (Куз.)
	прóбыл'и (Косм.), óдбыť (Тип.), дóбыла (*Сел.*), óдбыла (Тип., С.Г.), пóбыла (Волк.)	ъдбыť (Сел.), *бы́ла* (Каж., Тип.), забы́ла (В.Н., Косм.), пэбы́ла (С.Г.)

Куз., В.Н., Янд., Косм.); *зáн'ер, зáн'ер'л'и* (Куз.), *пр'úн'ер'л'и* (Сел.), *óтп'ер, зáп'ер·л'и* (Косм., Фойм.), *зáн'ерла* (Куз., Косм., Сел.) (группа 1В); *ткáла, ткáл'и* (Тип., Каж., В.Н.), *нáткала* (Тип.), *нáткал'и, н'é наткала* (Куз.) (группа 3В).

У остальных глаголов подвижного акцентного типа ударение на крайнем слева слоге словоформы прош. времени или ударение на последнем слоге основы (на корне или на элементе *-а-*) преобладает в зависимости от морфонологического класса глагола и слоговости корня. Ниже показаны три типа соотношения "подвижного" и "неподвижного" ударения в прош. вр. глаголов подвижного акцентного типа.

1. Ударение на крайнем слева слоге словоформы преобладает у глаголов праслав. а.п.*с* с корнями на плавные и носовые согласные без инфинитивной основы на *-а-* и у глаголов с корнями на *j* и *υ*, имеющих слоговой корень в презенсе, причем формы, восходящие к "старым" энклиноменам, у первых — исключительно, а у вторых — преимущественно встречаются с ударением на крайнем слева слоге (см. табл. 3). В табл. 3—5 бесприставочные формы условно помещены в графу "неподвижное ударение", тогда как в них фактически нейтрализуется противопоставление "подвижного" и "неподвижного" ударения.

Таблица 4

Группа	"Подвижное ударение"	"Неподвижное ударение"
3А	о́брать, о́брал'и 'убрать' (Тип., Сел.), на́брал'и (Выр.), у́брать (Куз.), за́брал'и (Сел., С.Г., Волк.) на́брала (Тип., Сел., Косм., С.Г., Каж.), со́брала (Куз.), ро́забрала, у́брала (Сел.)	събра́ть (Палт.), набра́ла (Тип., Косм.), събра́ла (Куз., С.Г.), пр'ибра́ла (Тип.), бра́л'и, събра́л'и, пъдабра́ть, обра́л'и (Куз.), НЭ: о́брать (Волк.)
	на́драть, на́драл'и (Куз., В.Н.), на́драла (Куз.)	дра́л'и (Выр., В.Н.), надра́л'и (Куз.), надра́ть, надра́л'и (С.Г.), дра́ла (Тип., Куз.), надра́ла (В.Н.)
	по́звать (Тип., Косм.) **на́звать** (Янд.), на́звал'и (Сел.), по́звала (Куз., С.Г.), на́звала (Сел.)	зва́л'и (Выр., Сел.), пъзва́ть (Сел., Палт.), зва́ла, (В.Н., Каж.), пъзва́ла (Куз., В.Н., С.Г.).
	по́слал'и (Сел.), по́даслала ж.р. (Косм.)	пъсла́л'и (Каж.), отосла́ла, посла́ла ж.р. (Сел.)
	по́гнала (Тип.), со́гнала (Сел.), у́гнал'и (С.Г.)	прогна́ла (Тип.)
3В	со́жгал'и, со́жгать (Тип., Сел.), со́жгала (Сел., Куз., Тип.), за́жгал'и (С.Г.)	жга́л'и (Тип., В.Н.), съжга́ть (Сел., Каж.), съжга́л'и, пъджга́ло (Каж.), съжга́ла (Сел., Тип.), зажуа́ла (Фойм.)
	по́дождать (НЭ?) (Куз.), по́дождала (Куз.).	подожда́ть, подожда́ла (Куз.), жда́ла (Тип.)
	со́жрать, со́жрал'и (Куз., Косм.), со́жрала (Куз., Янд.), по́жрала (Косм.)	жра́л'и (Тип.), съжра́л'и (Косм.), сожра́ла (Куз., Янд., Косм.), **пожра́ла (Косм.)**
	о́тръвать, ро́зървал'и (Тип.), п'е́р'ервать (Куз.), на́ргать (Сел.), со́рвать (Косм.), на́рвала (Косм., Каж., Тип.), ро́зървала, п'е́р'ервала (Куз.)	сърва́ть, НЭ: сълрвать (Сел., Косм.), рвала (Куз., Як., Тип., Каж.), **нарва́ла** (Тип., Каж.), п'ер'ерва́ла (Куз.), ръзърва́ла (В.Н.), сърва́ла (Косм.), дърва́ла (Тип.)
	по́спал'и (Сел.), по́спала (Косм.), про́спала (Фойм., Янд.)	спа́ла, спа́л'и (Тип.), поспа́л'и (Сел.), поспа́ла, проспа́ла (Косм., Сел.), н'е спа́ла (С.Г., Куз., Сел.)
	на́скала (Куз.)	наска́ла (В.Н.)
2В	до́п'ил'и (Каж., Тип.), по́п'ить, по́п'ил'и (Куз., Палт., Сел., Тип.) ро́с'п'ить (Куз.), о́тп'ить, про́п'ить (Палт.), ро́с'п'ила (Куз.), по́п'ила (Янд., Косм., Палт.), про́п'ить (Об.)	проп'и́л'и (Куз.), ръс'п'и́л'и (Выр.), поп'и́ть (Косм.), п'и́ла (Куз., Тип., Косм.), рос'п'и́ла (Куз.), поп'и́ла (Куз., В.Н., Янд., Косм.), н'е п'и́ла (С.Г.).
	ро́з'л'ить, ро́з'л'ил'и (Куз.), о́бл'ить (Сел.), про́л'ить, по́л'ил'и (Косм.), ро́з'л'ила по́л'ила, на́л'ила (Куз.), до́л'ила (Сел.), про́л'ила (В.Н., Сел., Косм.)	ръз'л'и́ть, ръз'л'и́л'и (Куз.), пъл'и́ть, прол'и́л'и (Косм.), ръз'л'и́ть (Янд.), ръз'л'и́ла (Янд., Куз.), пол'и́ла (В.Н., Косм., С.Г.), зал'и́ть (С.Г.), зал'и́ла (Куз.)

Таблица 5

Группа	"Подвижное ударение"	"Неподвижное ударение"
1В	до́т'ер (НЭ?) (Куз.), на́т'ер'л'и (Куз.), о́пт'ерла (Тип., Каж., Сел.)	т'ёр'л'и, т'о́рла (Куз.), ъпт'о́рла (Янд.), път'т'о́рла (Косм., В.Н.)
	на́жаѓ (НЭ?), на́жал'и, на́жала (Куз.) (жну) ро́жаѓ, пр'и́жаѓ (НЭ?) (Куз., Янд.), рожа́ла (Куз.) (жму)	жа́л'и, жа́ла, (Янд., Сел., Тип.), нажа́л'и (Куз.), нажа́ла (Тип., Янд.) (жну), ръжа́ѓ, ръжа́ла, ръжа́л'и (Янд., Куз.), пожа́ла, (Косм.), жа́ла (Сел.) (жму)
	на́м'аѓ (НЭ?), на́м'ала, на́м'ел'и (Куз.)	нам'а́ла (Куз.) (см. также формы этого глагола в списке а.п.α)
3А	на́срала (Куз.)	засра́ѓ, ъбъсра́ѓса, засра́ла (Волк.), обосра́л'и, обосра́ла (Каж.), сра́ла, посра́ла (Куз., В.Н., Каж., Тип.)
3В	на́врaѓ (НЭ?), на́врал'и, на́врала (Куз.)	наврáѓ, наврáл'и (Косм.), наврáла, (Тип., В.Н., Косм.)
2В	п'ёр'ев'иѓ (Куз.), на́в'иѓ (Косм.) (НЭ?), за́в'ил'и (Косм.), за́в'ила (Куз., Сел., Косм.)	п'ер'ев'и́ѓ, нав'и́л'и (Куз.), ръз'в'и́ѓ, ръз'в'и́л'и (Янд., Косм.), п'ер'ев'и́ла, нав'и́ла (Куз.), в'и́ла, зав'и́ла, ръз'в'и́ла (Куз., В.Н., Янд.)

2. "Подвижное" ударение (на крайнем слева слоге словоформы) и "неподвижное" ударение (на корне или элементе *-а-*) находятся примерно в одинаковом соотношении у большинства глаголов с корнями, оканчивающимися на плавные и носовые согласные, имеющих инфинитивную основу на *-а-*, и у глаголов с корнями на *j* и *υ* без инфинитивной основы на *-а-* и с неслоговым корнем в презенсе (см. табл. 4).

3. "Неподвижное" ударение преобладает над "подвижным" в прошедшем времени глаголов, относившихся в праславянском к неподвижному акцентному типу, а также у глагола *вить* (см. табл. 5).

С флексионным ударением зафиксированы следующие формы жен. рода: *жыла́* (Тип.), *дала́* (Тип., Каж.), *н'е дала́* (Куз., Выр.), НЭ: *н'а́ дала* (Сел.), *вз'ела́* (Тип., Каж., Сел.), *была́* (всюду), *ткала́, звала́* (Тип.), *пом'ерла́* (Сел.), *пòдъждала́* (Куз.).

Примеры, приведенные под рубрикой "подвижное ударение", демонстрируют перенос ударения на крайний слева слог главным образом в пределах словоформы. За ее пределы (на частицу *не*) ударение переносится не более чем в трехсложных тактовых группах, в которые входят словоформы без приставок или с неслоговыми приставками: *н'е́ быѓ* (Каж.), *н'е́ была* ср.р. (Тип.), *н'е́ была* ж.р. (Косм., В.Н., Тип.), *н'е́ дал'и* (Тип.), *н'е́ дала* ж.р. (Янд., Тип.), *н'е́ п'иѓ* (Каж., Сел., Тип.), *н'е́ вз'аѓ* (Янд., Куз.), *н'е́ вз'ела* ж.р. (Тип., Куз.), *н'е́ жыла* ж.р. (Каж.), *н'е́ спала* ж.р. (Тип.), *н'е́ брал'и* (Сел., Волк.). Исключения: *н'е п'и́ла* (В.Н.), *н'е спа́ла* (Косм., Сел.), НЭ: *н'а́ дала* (Сел.).

При присоединении частицы *не* к словоформам прошедшего времени глаголов а.к.γ со слоговыми приставками ударение падает на слог, следующий за частицей *не* (= на крайний слева слог словоформы): *н'е дóплыла* (Куз.), *н'е пóн'ала* (Янд.), *н'е пóдн'аѓ* (Тип.), *н'е прó-*

дать (Каж.), *н'е о́ддал'и, н'е п'ер'едал'и, н'е о́ддала* (Куз.), *н'е у́м'ер·л'и* (Сел.), *н'е до́гнала* (Тип.), *н'е по́звала* (С.Г.). Исключение: *н'е́ наткала* (Куз,) (возможно, НЭ). Имеются также случаи вариантного накоренного ударения или ударения на элементе *а-*: *н'е прода́ла* (Куз.), *н'е зажга́ла* (Тип.), НЭ: *н'ǽ догна́ть* (Тип.).

Словоформы прош. времени глаголов а.к.γ с энклитиками, как правило, имеют ударение на корне (группы 1, 2) или на элементе *-а-* (группа 3): *пъдн'alc'e* (Як.), *пъдн'а́л'ис'* (Фойм.), *зан'а́ťса* (Тип.), *зан'а́л'ис'* (Волк.), *нап'и́ťса* (Каж., Тип., Фойм.), *абжы́л'ис'* (Сел.), *росплы́л'ис'* (Тип.), *рэзэдра́л'ис'* (Тип.), *сърва́л'ис', вървá́л'ис'* (Тип.), *нап'и́лас'* (Каж., Тип.), *фп'и́лас'* (Выр.), *зал'и́лас'* (Каж., Тип.), *ръз'л'и́лас'* (В.Н.), *ръз'в'и́лас'* (Сел.), *събра́лас', набра́лас', пр'изва́лас', зва́лас'* (Тим., Тамб.). Реже у них встречается ударение на окончании или на крайнем слева слоге, причем меньшее число таких отклонений наблюдается у словоформ, восходящих к "старым" энклиноменам, большее — у словоформ жен. рода: *ро́з'н'еťса* (Тип.), *о́джыл'ис'* (Сел.), *на́п'илас'* (Сел.), *на́ч'æлас'* (Каж.), *за́жылас'* (Тип.), *со́брал'ис'* (Лонг.); *нач'ел'и́з' дак* (Тип.), *поддала́с'* (Каж., Тип.), *събрал'и́с'* (Фойм.), НЭ: *до́ждалас'* (Тип.).

В табл. 6 представлены акцентные парадигмы тематических глаголов с корнями на нешумные, а также нескольких глаголов, имеющих одинаковую с ними акцентуацию, но не относящихся к этому морфонологическому типу.

Акцентуация тематических глаголов с корнями, оканчивающимися на нешумные, в заонежских говорах в целом соответствует праславянской.

Отклонения от праславянского состояния и их более или менее последовательный характер связаны, главным образом, со слоговостью корня и характером исхода основы. При этом изменения в ударении презенса и прош. времени происходят относительно независимо друг от друга.

Основные черты заонежской акцентуации в презенсе и прош. времени тематических глаголов с корнями, оканчивающимися на нешумные, сводятся к следующим. 1. Если ударение глаголов со слоговым корнем в презенсе практически соответствует праславянскому (исключения составляют только *гнить, клять* и *орать* 'пахать', причем колебание ударения у последнего глагола, очевидно, связано с варьированием у него йотированной и нейотированной презентной основы), то у глаголов с неслоговым корнем неподвижный акцентный тип практически вытеснен смешанным "подвижно—неподвижным" акцентным типом, сохраняясь лишь у трех глаголов (*тереть, врать* и *слать*). 2. Глаголы с корнями на *j* и *υ* и инфинитивной основой на *-а-* в презенсе имеют тенденцию к накоренному ударению; по крайней мере у глаголов с корнями на *υ* оно, по-видимому, является архаической диалектной чертой, свойственной северозападнорусским говорам. 3. В прош. времени наибольшую стабильность имеет неподвижное ударение глаголов со слоговым корнем как в презенсе, так и в прош. времени, относившихся в праславянском к неподвижному акцентному типу (*рыть, колоть, лаять* и под.), а также гла-

Таблица 6

Прош. вр., а.к. \ Презенс, а.к.	α	α ~ β	β	α ~ β ~ ~ γ	γ	α ~ γ	β ~ γ
α	2A: рою грею мою зрею крою дую смею знаю спею брею 4″: чую вею ною сею вою таю лаю *бляю	—	1A: борюсь колю порю полю мелю	—	2A: пою	—	2A: гнию 2B: бью шью
α ~ β	—	—	1B: жму	—	—	—	1B: тру жну мну вью
β	—	4′: сную	—	4′: кую жую	3′A: ору сосу	4′: сую плюю клюю блюю	3′A: орю ~ ору
β ~ γ	—	—	3′A: серу стелю 3B: шлю вру	—	—	—	—
α ~ β	—	4″: смеюсь	—	—	—	—	—
γ	—	—	1B: пру	—	—	—	1A: -клену 1B: -чну тку
γ ~ α	—	—	—	—	2A: даю жыву плову	—	1B: -мру -йму
γ ~ α	—	—	—	—	—	—	2B: лью пью

Таблица 6 (окончание)

Презенс, а.к. / Прош. вр., а.к.	α	α~β	β	α~β~γ	γ	α~γ	β~γ
γ ~ β	—	—	—	—	3″А: беру деру зову	—	3В: жру рву жду жгу ску сплю

Примечания. В таблицу не включены следующие глаголы с нестандартным соотношением основ презенса и инфинитива, у которых были рассмотрены полупарадигмы ударения: *гнать* (прош. вр.: γ ~ β), *идти* (презенс: В ~ γ), *быть* (прош. вр.: А ~ α).

голов *воять* и *ноять* (есть основания предполагать, что их неподвижное накоренное ударение является исконным для части северозападных русских говоров); то же касается глаголов *бить, шить* (праслав. а.п.*а*), глаголов с инфинитивной основой на *-а-* и слоговым корнем без чередований, независимо от их акцентуации в праславянском (*орать, сновать* и под.). 4. Относительно стабильным является подвижное ударение в прош. времени глаголов с корнями на плавные и носовые без инфинитивной основы на *-а-* праславянской а.п.*с* (*клять, -чать* и *-переть* зафиксированы только с подвижным ударением, а *-ять, -мереть* — преимущественно с подвижным ударением). 5. Преимущественно неподвижное ударение в прош. времени имеют глаголы с неслоговым корнем в прошедшем времени и/или в презенсе, относившиеся в праславянском к неподвижному акцентному типу (*тереть, жать* (*жму*), *жать* (*жну*), *мять, срать, слать, врать*), втягивающиеся в подвижный акцентный тип под влиянием прочих глаголов с неслоговым корнем. 6. Тенденцию к неподвижному ударению имеют глаголы праславянского подвижного акцентного типа с корневым гласным *и* (*лить, пить*); глагол *гнить* (праслав. а.п.*с*) зафиксирован только с неподвижным ударением в прошедшем времени. 7. У остальных глаголов праслав. а.п.*с* в прош. времени наблюдается преобладание подвижного акцентного типа у глаголов без инфинитивной основы на *-а-* (*жить, плыть, дать*, также *быть*) и практически равновесие "подвижного" и "неподвижного" ударения у глаголов с инфинитивной основой на *-а-* (*брать, драть, звать, жрать, рвать*, а также *гнать, ждать, жгать, скать, спать*).

Особенностью заонежской а.к.γ в прош. времени рассматриваемых глаголов является одинаковая акцентуация форм жен. рода (в праславянском имеющих ударение на окончание) и остальных форм прош. времени (в праславянском — форм-энклиноменов). К тому же в говорах Заонежья одинаковы рефлексы **о* под ударением на крайнем слева слоге словоформ прош. времени и страдательных причастий на *n, t*

(ненапряженное (открытое) *о* в говорах Об. и Каж.: *прóб'ила* ср.р. (Об.), *п̀ó̀п'ит'* ж.р. *п̀ó̀дала, прóл'ила, пóп'ила, пóм'ерла, о̀̀ддала* (Каж.); напряженное (закрытое) *о* — в других говорах Заонежья: *б̀дбыт'* (Косм.), ср.р. *дб̀жыта* (Сел.), *о̀тырвал'и* (Волк.), *прóдала, пóгнала* (Палт.), ж.р. *пóп'ила, прбл'ила* (Косм., Сел., Волк.)). Все это свидетельствует о взаимном выравнивании ударения форм подвижной акцентной парадигмы в прош. времени. Однако, такому выравниванию в заонежских говорах по-видимому, предшествовали оттяжки ударения в формах жен. рода: следы этих оттяжек прослеживаются в современном статистическом различии акцентуации глаголов праславянской а.п.*с* (преобладание у глаголов без инфинитивной основы на *-а-* ударения типа *пóдала,* равное соотношение у глаголов с инфинитивной основой на *-а-* ударений типа *нáбрала* и *набрáла*). Изучение систем ударения в прошедшем времени тематических глаголов с корнями на нешумные праславянской а.п.*с* в русских говорах показывает, во-первых, относительную независимость друг от друга акцентуации форм жен. рода и остальных форм прошедшего времени, во-вторых, большое разнообразие систем оттяжки ударения к началу словоформы в формах жен. рода. Не имея возможности обсуждать здесь эту проблему, отметим лишь, что заонежскую акцентуацию форм жен. рода могли образовывать системы ударения типа: 1) *пóдала — собрáла,* распространенная на территории северо-западных говоров, в том числе в Обонежье и Посвирье; 2) *подáла — собрáла,* известная в южной части Новгородской и Псковской обл. и фиксируемая в Обонежье; 3) система *пóдала — сóбрала,* встретившаяся в нескольких пунктах к юго-востоку от Онежского озера (АРНГ, С.-Зап., С., ответы на вопрос 117-к "Программы".

Страдательные причастия на *-п-, -т-.* Большинство приводимых страдательных причастий на *-п-, -т-* употреблены в предикативной функции, главным образом, в перфектных конструкциях типа *У коров уйдено.* Единичные случаи употребления их в атрибутивной функции по своим акцентным свойствам не отличаются от страдательных причастий в предикативной функции и особо не помечаются. Распределение суффиксов *-п-* и *-т-* в заонежских говорах — типично русское (ср. Дыбо СА, с. 217, сноска 18). Оформление флексий рассматриваемых причастий подобно литературному польскому: в форме м. рода выступает флексия "полной формы" *-ьй,* в формах ж., ср. рода и мн. числа — флексии "кратких" адъективных форм. Ни характер флексии, ни возвратный постфикс *-с'* по-видимому, не влияют на акцентуацию страдательных причастий на *-п-, -т-,* одинаковую в формах всех родов и чисел (ср. акцентуацию форм прош. времени).

У страдательных причастий на *-п-, -т-* в заонежских говорах различаются следующие типы акцентных контуров: а.к.α (неподвижное ударение на корне): ср.р. *закры́тʌ* (В.Н.), ж.р. *скры́та* (Падм.), *накры́та* (Тип.), ср.р. *н'е покры́та* (В.Н.), *закры́тьс'* (Тип.); ср.р. *намы́та* (Каж.); *н'е бр'и́тлj, н'е бр'и́ты* (Сел.) (группа 2А); *уб'и́тьj,* ср.р. *б'и́тьс'* (Тамб.), *ръз'б'и́ты* (Сел.), *уб'и́ты* (Куз.), *пъб'и́тьj* (Падм.) (группа 2В); ср.р. *п'и́та* (Каж.), *нап'и́тьс'* (Фойм., Сел.) (группа 2В);

ср.р. *пом'а́та* (Тип.); ср.р. *н'е жа́та* (Косм.) (группа 1В); ср.р. *ма́јæньс'* (Куз.) (группа 4″). Особое место среди причастий с а.к.α занимают следующие (ударение могло бы возникнуть вследствие оттяжки с последующего слога, но, по всей вероятности, оно имеет аналогическое происхождение, возникая под влиянием *je*-презентных глаголов с корнями на шумные согласные (типа *писа́ть, пи́сан*): ж.р. *ътко́лата* (Выр.), *доко́латы* (Сел.); *ръспо́ратъј* (Тип., Тамб.) (группа 1А); ж.р. *пр'ико́вана* (Волк.); ж.р. *лпкл'о́вана* (Каж.) (группа 4′).

А.к.γ (ударение на крайнем слева слоге словоформы): ж.р. *про́кл'ата* (Косм.) (группа 1А); ср.р. *на́т'ерта* (Каж.); ж.р. *за́жата* (жму, Лонг.); *за́н'атъј* (Фойм.), *вз'а́тъј* (Фойм., Тамб.), ж.р. *по́дн'æта* (Сел.), ср.р. *вз'а́та* (Тип., Тамб., Фойм.), *пр'и́н'ата* (Падм.) (исключение — *изја́ты* (Куз.), по-видимому, канцеляризм) (группа 1В); ср.р. *про́л'ита* (Косм.), *на́л'ита* (Тамб.) (группа 2В); ср.р. *за́плыта* (Волк.); ср.р. *про́жыта* (Сел., Лонг.), *по́жыта* (Косм., Сел.), *до́жыта* (Тип.), *п'ер'ежыта* (В.Н., Куз., Каж., Косм.); *да́ннъј* (Волк.), ж.р. *о́ддана* (Фойм.), ср.р. *по́дана* (Тамб., В.Н.), *п'ер'еданы* (Каж.) (группа 2А); ж.р. *ро́заслана* (<*-*стьл-*, Сел.), *по́стланы* (Лонг., Косм.) (группа 3А); ср.р. *о́тървана* (Тип.), *по́рваны* (Тип.) (группа 3В). По-видимому, сюда же относятся: ср.р. *на́срана* (Сел.); ж.р. *на́звана* (Тип., Косм., Паян.), *на́званы* (Тип.) (группа 3А); *по́сланы* (<*-*сьл-*, Тип.); ж.р. *со́жгана* (Падм.), ср.р. *со́жгана* (Тип., Каж.), *со́жганы* (Тип., Лонг.) (группа 3В).

А.к.γ ~ *α(β)*: *пр'и́бранъј* (Каж.), *бра́ньј* (Тип.), ср.р. *за́брана* (Волк.), *бра́на* (Падм.), *за́бранъс'* (Янд.), *о́тъбрана* (Куз.), *со́бранъс'* (Куз., Фойм.), *на́брана* (Тип.), *пр'и́брана* (Тамб.), *у́брана* (Тип.), *со́браны* (Волк., Фойм.), *о́тъбраны* (Сел.) ~ ж.р. *подабра́на,* ср.р. *пъдо́бранъс'* (Панд.), *събра́ннъј* (Тамб.), *собрано́с'* (Каж.) (группа 3А); ср.р. *на́в'итъј* (Куз.) ~ ср.р. *нав'и́тъј* (Куз.), *зав'и́ты* (Сел.) (группа 2В); ср.р. *по́быта* (Тип., Куз.) ~ ср.р. *забы́та* (Тамб.), *бы́та* (Каж.) (группа 2А).

Примеры показывают, что неподвижное ударение сохраняется у большинства страдательных причастий на *-n-, -t-* от глаголов без инфинитивной основы на *-a-* праславянской а.п.*a,* а также оно наблюдается у причастий от глаголов с инфинитивной основой на *-a-,* имеющих словогой корень без чередований, независимо от акцентуации в праславянском (*ковать* и под.). Неподвижное накоренное ударение, по-видимому, вторично возникшее из неподвижного ударения на элементе *-a-,* имеют страдательные причастия от глаголов со слоговым корнем; аналогично обусловленная модификация ударения наблюдается также у причастий от глаголов без инфинитивной основы на *-a-* с двусложным корнем праславянской а.п.*b* (типы *коло́ть*). Страдательные причастия на -n-, -t- от глаголов праславянской а.п.*c,* а также от глаголов праславянского неподвижного акцентного типа с неслоговым корнем в основе инфинитива довольно последовательно фиксируются с подвижным ударением (колебания наблюдаются только у *брать, вить* и *бить*), что отличает акцентуацию страдательных причастий на *-n-, -t-* от акцентуации форм прош. времени, обнаруживающей значительно более сильные колебания ударения.

Акцентуация страдательных причастий на *-n-, -t-,* имеющих а.к.γ, в сочетании с частицей *не* полностью совпадает с акцентуацией анало-

гичных форм прош. времени. В причастиях без приставки или с неслоговой приставкой подвижной, и отчасти неподвижной акцентной парадигмы ударение переносится на частицу *не*: ж.р. *н'é стлана* (Сел.), ж.р. *н'é дана* (Волк.), *н'é вз'атьj* (Падм.), *н'é п'итьj* (Куз.), и даже ср.р. *н'é мыта* (Куз.). Исключение: *н'е здáны* (Падм.). В причастиях со слоговой приставкой ударение падает на слог, следующий за частицей *не*, т.е. на начальный слог словоформы: *н'е зáбраны* (Каж.), *н'е нáзванъj* (Волк.), *н'е сóжганъj* (Падм.), ср.р. *н'е пóспана* (Падм.).

Инфинитив. Ударение форм инфинитива глаголов с корнями, оканчивающимися на нешумные, в заонежских говорах тривиально, что может быть обусловлено неслоговостью окончания инфинитива *-т'* в данном классе глаголов. Оно падает на последний слог основы: *подáт', колóт', собрáт'* и под. Интерес представляют лишь формы инфинитива глаголов с корнями, оканчивающимися на *р*, без инфинитивной основы на *-а-*, у которых в заонежских говорах сохраняется, хотя и в разрушенном виде, акцентологическое распределение огласовки корня: у глагола праславянской а.п.*а* выступает нулевая ступень корня (*т'ер'т'*), а у глаголов праславянской а.п.*с* — полная ступень (*м'ер'ém', п'ер'ém'*). Такое распределение или более разрушенное (*т'ép'т' ~ т'ер'ém', п'ер'ém', м'ер'ém'*) сохраняется в говорах следующих нас. пунктов: Сел.: *вы́т'ер'т', ум'ер'ém', зап'ер'ém'*; НЭ: *зáпт'ер'ет'*; Каж.: *т'ép'т', пом'ер'ém'*; Куз.: *т'ép'т', вы́т'ер'ет', ум'ер'ém', зап'ер'ém'*; НЭ: *ýпт'ер'т', ýпт'ер'ет', зáп'ер'ет'*; также в Косм. и Янд. Варьирование форм инфинитива с нулевой и полной ступенью корня наблюдается в Волк. и Лонг.: *п'ép'т', п'ер'ém', ум'ép'т', пом'ер'ém', т'ép'т', т'ер'ém'*; Фойм.: *ум'ép'т', зап'ép'т', вы́т'ер'т', ум'ер'ém', вы́т'ер'ет', отп'ер'ém'*.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Этимологический состав корня *-кля-(ть)* в заонежских говорах неясен из-за массового перехода рефлексов **а* и **ę* в *е* между мягкими.

[2] Глагол *плыть* в заонежских говорах, по-видимому, имел значение 'ползти', в том числе переносное 'медленно перемещаться', ср. : *гáдjа плáвают'*; *у гáда былá зáплыта ф сарáй* (Волк.); *вóш плов'óт* (В.Н.); *вóшлыла на кол'ёнках* (Фойм., Куз.); *фс'и* [люди из деревни] *росплыл'ис' в гóрат* (Тип.). Глаголом *плыть* обозначается перемещение небольших судов (лодок, как правило, весельных, ýшкуек (долблёная лодка с "крыльями" по бортам)); о быстроходных судах говорят: *ид'óт* (*ком'ётa, лóтка* (моторная)). В значении 'плыть' (на каком-либо судне) употребляется *ехать*. Применительно к живым существам *плыть* употребляется в значении 'гребя, перемещаться в воде', т.е. фактически 'ползти', Что касается неодушевленных предметов, то в современных говорах о них также могут сказать *плов'óт* (*в'ён'ик, бр'æвнó* и т.п.), однако, в традиционных текстах в значении 'плыть' (о неодушевленных предметах) употребляется глагол *течь*: *кр'ёс пр'ит'óк* (в рассказе о том, как по Онежскому озеру на остров приплыл чудотворный крест (д. Воронья)).

[3] Колебание а.к.β~γ у *орать* 'пахать' в презенсе может быть связано с варьированием йотовой и безйотовой презентной основы.

[4] О неподвижном акц. типе глагола *врать* свидетельствуют зафиксированные в севернорусских говорах формы ж.р. прош. вр. с ударением типа *врáла* в системах, сохранивших конечное ударение форм ж.р. глаголов с корнями на нешумные и инфинитивной основой на *-а-* а.п.с. (*бралá, рвалá, звалá* и под.) Такие системы представлены в: АРНГ (С., 222, 241, 441, 473), наряду с *ткáла* (там же. 369, 422, 551).

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АРНГ С., С.-Зап. — Атласы русских народных говоров центральных областей а) к северу, б) к северо-западу от Москвы (рукописи, хранящиеся в Отделе диалектологии и лингвогеографии ИРЯ АН СССР).

Высотский — Магнитофонные записи говоров сс. Кажма, Куричины, Костино, Есино Медвежьегорского р-на КАССР, выполненные экспедицией под руководством С.С. Высотского в 1959 г. Фонотека ИРЯ.

Зализняк 1981 — *Зализняк А.А.* Глагольная акцентуация в южновеликорусской рукописи XVI в. // Славянское и балканское языкознание: Проблемы морфонологии. М., 1981.

Зализняк 1985 — *Зализняк А.А.* От праславянской акцентуации к русской. М., 1985.

Дыбо С А — *Дыбо В.А.* Славянская акцентология: Опыт реконструкции системы акцентных парадигм в праславянском. М., 1981.

Дыбо 1982, Дыбо 1983, Дыбо 1984, Дыбо 1985 — *Дыбо В.А.* Праславянское распределение акцентных типов в презенсе тематических глаголов с корнями, оканчивающимися на нешумные. 1—4 // Балто-славянские исследования, 1982. М., 1983; Балто-славянские исследования, 1983. М., 1985; Балто-славянские исследования, 1984. М., 1986; Балто-славянские исследования, 1985. М., 1987.

Тер-Аванесова 1989 — *Тер-Аванесова А.В.* Об одной славянской акцентной инновации // Славянское и балканское языкознание. Просодия. М., 1989.

С.К. ПОЖАРИЦКАЯ

О СЕМАНТИКЕ ИТЕРАТИВНЫХ ГЛАГОЛОВ В СЕВЕРНОРУССКИХ ГОВОРАХ

В севернорусских говорах широко употребляются глаголы несов. вида, мотивированные другими глаголами НСВ, которые в нашей грамматической и лексикографической традиции принято называть многократными. Средством выражения многократности как способа глагольного действия считаются суф. *-ива-*(*-ыва-*)/*-ва-*/*-а-*, которые могут сопровождаться чередованиями гласных и согласных в основе (*ходил—хаживал, кормил—кармливал, ел—едал*). Эти суффиксы не являются специфическим средством выражения значения многократности, поскольку в основном они используются для образования видовых пар к глаголам СВ (совершенного вида) (*списал—списывал, встал—вставал*; многократность, таким образом, представляет собой как бы удвоенную имперфективность глагольной основы.

Что касается семантики этих глаголов, то отсутствие достаточно полного и объективного исследования ее на диалектном материале позволяет думать об априорности термина "многократный" применительно к ним и ставит перед необходимостью проверки правомерности такой их интерпретации. Поэтому в дальнейшем мы будем стараться избегать этого термина.

Эти глаголы не являются специфически диалектными образованиями, однако в литературном языке они занимают весьма скромное место: Грамматический словарь [3] содержит 31 глагольную лексему с пометой "многокр.", а в АГ—80 говорится, что "этот тип проявляет продуктивность..." (с. 351) и одновременно, что эти глаго-

лы "употребляются преимущественно при изображении народного быта и служат средством архаизации сталя" (с. 600).

Продуктивность их следует понимать, по-видимому, как свободу потенциального или окказионального образования от весьма широкого круга глагольных основ в определенных стилистических целях при крайне редкой и убывающей их употребительности.

Данные областных словарей свидетельствуют о том, что такие глаголы встречаются едва ли не повсеместно, однако место их в системе употребляемых глагольных форм, по-видимому, различно; но поскольку они не были включены в "Программу собирания сведений для составления Диалектологического атласа русского языка", то в настоящее время мы не имеем достаточно четких представлений ни о структуре, ни о семантике этих глаголов, ни об особенностях их функционирования в разных регионах. Можно предполагать, однако, что ареал наиболее активного их употребления находится в пределах Архангельской и, вероятно, частично Вологодской обл.

Наблюдения над живой диалектной речью в совокупности с данными АОС [1] показывают, что в диалектах эти глаголы имеют иной узуальный статус, чем в литературном языке: они представляют не только продуктивный тип словообразования в том смысле, как это указывает АГ—80, но и широко употребительны в повседневной речи. Чтобы определить статус этих глаголов там, где они наиболее активны, следует, по-видимому: 1) определить типы лексического значения мотивирующих основ; 2) выяснить состав парадигмы глаголов; 3) выявить типичный для них лексико-грамматический контекст и типичную структуру высказывания и попытаться найти инвариантное значение словоформ.

Корпус исследованного нами материала составили 230 глагольных лексем, употребленных в 730 диалектных контекстах, которые содержатся в 1—5 выпусках АОС, наших собственных полевых записях говоров из Каргопольского, Пинежского, Онежского, Лешуконского, Ленского, Вилегодского, Устьянского и Верхнетоемского районов Архангельской области и в работах Г.Я. Симиной [8; 9; 10].

I. Семантику мотивирующих основ многократных глаголов АГ—80 определяет как значение "неоднонаправленного движения, восприятия, речи, существования, положения и изменения положения в пространстве, конкретного физического действия" (с. 600). Этот перечень достаточно широк и, вероятно, полезнее было бы выявить семантические запреты на образование подобных форм, но для этого нужны полные моносистемные диалектные словари, которыми мы не располагаем.

Очевидно, однако, что в диалектах, как и в литературном языке, действует запрет на образование их от глаголов однонаправленного движения типа *бежать, нести, лететь, идти.*

Характерным признаком предикатов, выраженных такими глаголами, является признак временной связанности, локализованности во времени, и свойство квантифицируемости, которое в диалектах легко приобретают и глаголы состояния, превращаясь при этом в глаголы конкретного действия; так, например: "я раньше-то хорошо богу ве-

рывала" означает, что раньше говорящая лучше выполняла ритуалы, связанные с верой в бога; ср.: "некогда тоснуть-то, я на веку не таскивала", "я и не бранивалась, и не серживалась".

Таким образом, можно предполагать, что в отношении лексико-семантических характеристик основ мотивирующих глаголов диалекты не имеют принципиальных расхождений с литературным языком; различия носят скорее количественный или узуальный характер.

II. Характерной особенностью состава словоформ рассматриваемых глаголов является резкое преобладание форм прош. вр., которые составляют около 90% всех словоупотреблений (647 из 730). В остальных 83 контекстах 48 раз употреблены личные формы наст. вр,. 19 — инф., 13 — страд. прич., прош. вр. и 4 — формы повел. накл. Если предположить, что малое количество форм инф. и страд. прич. прош. вр. отражает малую употребительность их в речи вообще, то преобладание форм прош. вр. над формами наст. вр. в 14 раз может объясняться только предпочтительностью именно этих форм для выражения одного из значений прош. вр., закрепленностью их за прош. вр.

Сопоставление контекстов со словоформами прош. и наст. вр. показывает следующее.

1. Формы на *-ива-(ыва-)/-ва-/-а-* образованы, как правило, от бесприставочных глаголов; словоформы с приставками составляют менее 10% всех словоупотреблений. Однако при этом среди словоформ прош. вр. формы с приставками составляют только 5% (34 из 647); среди же форм наст. вр. — более половины (29 из 48): *баливат, бегиват, браживает, не браниваются, важиваюсь, не вариваем, вешивают, не видываем, волочают* (3 р.), *воротает, ворочиваюсь, выганива, выганиваем, выганивают* (2 р.), *не выганиват, выгаривают, не выпадывают, не выпускивают, говаривам, не загаривают, закипливат, залезывает, захачивается, кипячиваю, маниват, не мешиваюсь, не наставливают, отлетывают, отнашивают, отпадыва, отрезыват, падыва, подавывают, подгариват, припамниваю, припамниват, не проверивам, проучиват, не робатываю, роздавывашь, роздавывают, розрезывают, не тапливаю, уганивают, храмливает.*

2. Формы прош. вр. почти в 70% случаев употреблены в предложениях с отрицанием; для форм наст. вр. контексты с отрицанием составляют всего лишь четвертую часть. При этом бесприставочные глаголы употреблены преимущественно в контекстах с отрицанием.

3. Формы наст. вр. почти не встречаются в контекстах с теми глаголами, которые, по-видимому, наиболее употребительны в говорах — так, в 69 примерах с самым многочисленным в наших материалах глаголом *бирать* не встретилось ни одной словоформы наст. вр. Подавляющее большинство форм наст. вр. представлено единичными контекстами, но некоторые глаголы, насколько можно судить, употребляются преимущественно в формах наст. вр. (а также повел. накл. и инф.); *загаривать*: дома не загаривают; я боюся так загаривать; иди загаривай, в майке лучше загоришь; ак тогды, говорят, вот загаривало; *выганивать*: не выганивают некуды; коров в пять часов выганивают; если пьяный под хмелем, дак выганива людей; тогды не-

вестиных всех гостей выганивают; в Устью лес выганивают; никто никого не выганивал, дак и нас не выгонят; *роздавывать*: привяжут коров и будут роздавывать; корма будут роздавывать; *припамнивать*: экот дом припамниваю; Катя маленько припамниват.

Приведем полностью материал из д. Вадюга Верхнетотемского р-на: 1. мне экой-то мази не давывала; 2. Той давала, а этой не давывала; 3. Я-то не делывала квасу-то; 4. Встречать не езживала; 5. Мы-то хорошо не живали; 6. А нехто не живал в доме-то; 7. Нет, не женатый, не жанивалсе; 8. Ты родиной московская ак и не кашивала? 9. Не один не баливал, не один в больнице не ляживал; 10. Никого не баивалась; 11. Кур привозя, да и не бирала их; 12. Векóм не бирало нечо; 13. Нехто не хаживал и некого не важывал; 14. Она нечо не варивала; 15. Я не нашивала очков; 16. У меня руки худые ак век не нашивала коротких рукавов; 17. У Тимки-то я не ночевывала; 18. Мы не певали старинны-те песни; 19. Травки-то я не пивала; 20. Чурбыть не пуживало, не пуживало! 21. Никогда жили не спаривали, не с кем не спорили раньше-то; 22. Я долгого-то луку не щипывала; 23. Декрет не получивали; 24. Тогды нет, денег не получивали; 25. Обувки не обувывала; 26. Замуж уж не выхаживала; 27. Двиной на теплоходе не езживала, дак не помню, сколько времени; 28. Сено выважывали; 29. Я поворотила ак не замирывала трава; 30. Я-то не назывывала; 31. Я не знаю, не продавывала; 32. Не продавывала я, не знаю; 33. Люди видали их, а мне не попадывались; 34. Коров в пять часов выганиваем; 35. Если пьяный под хмелем, ак выганива людей; 36. Пляшут — только сарафаны отлетывают; 37. Там опять корма роздавывашь; 38. Корма роздавывают; 39... розрезывают; 40. Никогды не проверивам, пока живем; 41. Дожди-те все будут перепадывать; 42. Коров привяжут и будут роздавывать корм.

Распределение здесь приставочных и бесприставочных форм наст. и прош. вр. в конструкциях с отрицанием и без отрицания можно представить в таблице.

Таблица

	Прошедшее время		Настоящее время	
	с отрицанием	без отрицания	с отрицанием	без отрицания
Бесприст.	24	1	—	—
Пристав.	9	1	1	7

Как видим, словоформы наст. вр., во-первых, принадлежат парадигме приставочных глаголов, а во-вторых, тяготеют к конструкциям без отрицания (или по крайней мере не "привязаны" к конструкции с отрицанием); словоформы же прош. вр. употребляются преимущественно в конструкциях с отрицанием и большей частью бесприставочны. Это наводит на мысль о различной природе словоформ прош. и

наст. вр. и о том, что они принадлежат парадигмам разных глаголов [ср.: 7, с. 192]. Можно предполагать, что приставочные формы с редуплицированной имперфективностью (имперфектная мотивирующая основа плюс имперфектный суффикс) на самом деле мотивированы не глаголами НСВ (несовершенного вида), а глаголами СВ *розре́зать, проверить, выгнать, отлететь, роздать, перепасть,* минуя более простые по структуре формы НСВ, которых в данном говоре нет, но зато существует активная модель образования глаголов НСВ с помощью суффиксов *-ива-/-ва-/-а-*

4. Особенностью состава парадигмы глаголов с редуплицированной имперфективностью является возможность образования формы страдательного причастия, которая отсутствует у многократных глаголов литературного языка [см.: 3]: у меня по деревне не *бегивано;* в девках-то и у нас *гуливано;* не *живано* в том еще доме; в том доме *не живано;* я-то не *бивана* дак знаю, как это; с мужем хорошо жили: я не *бивана,* не бранена, не журена; да и не *видывано,* что пил; давно не *греван* чайник; после праздника корова не *мывана;* этот нож тоже хороший, да не *тачиван;* у нас дом-от не *переставливан;* мне *покупыван* был платок; у нас не пахано в избе, не *бирано.*

Как видим, среди этих глаголов встречаются и непереходные; впрочем, способность образования страдательных причастий от непереходных глаголов присуща северным говорам более, чем литературному языку [4].

5. Формы инфинитива тяготеют к двум конструкциям: во-первых, конструкции однокомпонентного инфинитивного предложения с отрицанием (девка-то — тебе экой не *бирать,* всех ребят подынула; сей год не *бирать* коровы; за клюквой уж мне не *бегивать*-то; не *бывать* ему, тебя не *важивать;* думали, не *живать* ей на свете; мне бы и не *робатывать* никогда — все мама помогала; мне уж матушки своей не *хоранивать;* повойник теперь уж не *на́шивать*); во-вторых, выражениям с повтором однокоренных глаголов (а *браниваться-то* я век не *бранивалась;* меня только Генька стрелил, а так-то я *вережи аться* не *вереживалась;* избы-то видали, а *живать* не *живали*). В этой второй конструкции, очень употребительной в диалектной речи, инфинитив часто бывает представлен простой формой НСВ: это я умею, *брать*-то *бирывала;* а я *видать видывал,* а не *игрывал;* трава збрунец от всякой болезни идет, я *пить пивала,* а *рвать* не *рывала* его.

Почти все формы инфинитива бесприставочны и употреблены в контекстах с отрицанием, кроме следующих: я боюся так *загаривать;* дождите все будут *перепадывать;* коров привяжут да будут *роздавывать* корм; нать ехать *пересдаивать;* нет, не страшно, никакой страсти нет. А кого *баиваться?* Грибы-те так любо *бирать*-то.

6. Формы повел. накл. встретились в следующих контекстах: дощечка была узенькая, *бирай* знай! Не *бирай* денег у меня! *Валивай* прочь! Иди *загаривай,* в майке лучше загоришь.

Итак, можно считать типичными следующие особенности структуры и контекста глаголов на *-ива-/-ва-/-а-*: 1) бесприставочность; 2) преобладание контекстов с отрицанием.

В таком случае естественными членами их парадигмы оказываются формы прош. времени, в том числе, страд. прич., и инф. Формы наст. времени и повел. накл., образованные от широко употребительных глаголов типа *бирать, баливать, браживать, бегивать, видывать, говаривать, важиваться, робатывать,* встретившиеся единично на фоне большого количества форм прош. вр., могут рассматриваться как результат расширения парадигмы этих глаголов за счет тех форм, которые допускает диалектная система, но которые отсутствуют в не слишком строгой диалектной норме. Приставочные формы типа *загаривают, припамниваю, выпускивают, наставливают, выганивают* и другие, по-видимому, мотивированы глаголами СВ *загореть, припомнить, выпустить, наставить, выгнать* и являются их нормальными видовыми парами НСВ, образованными более сложным, чем в литературном языке, способом и имеющими полную парадигму форм. Те же глаголы, которые в синхронной системе говоров соотносительны с мотивировавшими их глаголами НСВ и сосуществуют с ними в диалектной системе, имеют неполную парадигму и поэтому в дальнейшем, изучая типичные особенности семантики и функционирования форм на *-ива-/-ва-/-а-*, мы будем рассматривать только контексты со словоформами прош. вр. и инфинитива.

III. Рассмотрим характерные особенности контекстного употребления этих глаголов на материале форм глагола *бирать* (*бираться, бирывать*), записанных в разных пунктах Архангельской обл. (включая данные АОС):

1. Век лопатки не *бирал;* 2. Не помнишь, у меня *бирал?* Что ты, я не *бирал,* у меня свой; 3. А щуров берут в руки, а я не *бирала;* 4. Я с ней не бывала, она меня не *бирала;* 5. Пришлось нарушить собаку, так уж больше собак не *бирала;* 6. Поденщиков не *бирала;* 7. Больше в жисть этой лошади не *бирали;* 8. Два года лошади не *бирала;* 9. Отпуску не *бирала;* 10. Она не *бирала* уж сколько выходных; 11. Больничного не *бирала;* 12. Лони все белу муку покупали, житну не *бирали;* 13. Творог не *бирала,* дак не могу сказать, сколько стоит; 14. Ни с кого копеечки не *бирала;* 15. Совочек, не *бирали* этим совочком; 16. Опенки каки-то желты, я совсем не *бирала;* 17. Никакая болесть меня не *бирала;* 18. Год не *бирало* ничего; 19. Эк не *бирало* никогда; 20. И что за болесь у меня такая, ничего не *бирало;* 21. Это мама брала, я-то не *бирала;* 22. Всю зимку книгу в руки не *бирал;* 23. Стяга не *бирал* в руки; 24. Никто в руки не *бирал* пряника; 25. Карты в руки никогда не *бирала; 26.* Я единой земляники в рот не *бирала;* 27. Я маргарина в рот не *бирала;* 28. Я не *бирала* в рот талеток-то; 29. Век за волосы не *бирал;* 30. За загривок не *бирала;* 31. Я не *бирала,* не ламывала; 32. Ни разу таких не *бирала;* 33. Хлеб мы не *бирали;* 34. Вы солону-то треску здесь не *бирали?* 35. Боле не *бирало* его не однежды; 36. У меня ни одного не *бирало* ребенка, не трясало; 37. Я-то не *биралась* за соху эту; 38. Привозят кур, да я их не *бирала;* 39. Векóм не *бирала* нечо; 40. Такого чаю не *бирывала;* 41. И не *бирывала* я ничего у Зои; 42. На юру я не бывала, я рыжиков не *бирывала;*

43. А в лукошко я не *бирывала;* 44. Литовка висится, горбушу в руки не *бирывала;* 45. Не *бирывали* спичек в руки, и этот не берет; 46. Не *бирай* денег у меня! 47. Дощечка была узенька, *бирай* знай; 48. Сейгод не *бирать* коровы; 49. Девка-то, тебе экой не *бирать,* всех ребят подынула; 50. Грибы-то дак любо *бирать*-то; 51. Наш год тоже в армию *бирали;* 52. Тетотам годы покупливали, *бирали;* 53. Белку-ту *бирали,* знали, когда бить; 54. *Бирала* я у ней молочко; 55. Кое-где чужое *бирали;* 56. Раньше по копеечке *бирали;* 57. Сейгод сколько ягод *бирали;* 58. Я сама *бирала* робятам грыжную траву; 59. Раньше *бирал* малину-то, много было; 60. Там кто-то *бирал,* и я для себя; 61. Селедки привезут, дак *бирали;* 62. Я *бирала* два раза; 63. И в магазинах продают, я *бирала;* 64. Раза по три *бирало* в ночь; 65. Так на фабрике не наткать, не набрать; брали матери, *бирали;* 66. На рынке стулья *бирали;* 67. Это я умею, брать-то *бирывала;* 68. *Бирывали* солянку здесь? 69. У нас не пахано в избе, не *бирано.*

Итак, среди 69 контекстов с этим глаголом 3 содержат форму инфинитива, 1 — страд. прич. прош. вр., 2 — повел. накл.; среди форм прош. вр. 45 употреблены в контекстах с отрицанием и 18 — без отрицания. Можно отметить следующие их особенности.

1. В предложениях с отрицанием обращает на себя внимание частое присутствие выражений и слов, усиливающих отрицание (*век, векóм, в жисть, ни с кого, совсем, никакая, ничего, никогда, никто, ни разу, не ожнежды, не одного, больше*), а также устойчивых словосочетаний со значением категорического отрицания (в рот не бирала, в руки не бирала).

2. Временной конкретизатор, как правило, отсутствует. Указания на время совершения действия (например: 8; 12; 22; 57; 59) характеризуют его как длительный отрезок времени в прошлом, точно не локализованный и совсем не обязательно отделенный от настоящего сколько-нибудь значительным промежутком времени, вплоть до *сейгод.*

3. Количественные конкретизаторы, указывающие на неоднократность совершения действия, встречаются редко и, естественно, в контекстах без отрицания (ср.: 62 и 64), а также с другими глаголами: оно *баливало* же лицо-то, оно раза бывает четыре *баливало;* он два разы *жанивалса,* не одна не живет; четыре раз *плывала* на Усть-Пинегу; я в Юлы три раз *танывала;* четыре раз *ударивал* его, а он все стоит; там таки были крошни сделаны, я сама сколько раз *бегивала* в крошнях; я сколько раз *блуживала;* я на болоте много раз *бывывала;* я не один раз *валивалась;* мы колько раз *еждали* уж; Иван не одного *лавливал* медведя; я колько раз *летывала* на самолете, хоть куды летала; рукава *перешивывали* колько раз).

Таким образом, присутствие количественного конкретизатора также нельзя признать характерным для контекстов с этими глаголами. Впрочем, отсутствие конкретизатора не отменяет кратного (неопределенно-кратного или многократного) значения глагола, а наличие — лишь уточняет заложенную в значении глагола кратность.

Представляется очевидным, что общий смысл контекстов с отрицанием состоит в том, что отрицается не многократность действия, а

совершение действия вообще, в том числе и однократного (ср. Выпил севодни? — Нет, я и не *пивал*). Наличие усиливающих обстоятельственных слов придает отрицанию действия категорический характер. Таким образом, употребление глагольных форм на *-ива-/-ва-/-а-* в контекстах с отрицанием (которых, напомним, 70%) вообще не может иметь отношения к выражению идеи многократности действия.

Глагольные формы, употребленные в вопросительных предложениях, тоже не связаны с выражением многократности; это почти всегда — общий вопрос, смысл которого в том, чтобы установить факт совершения действия в прошлом (*выхаживали* замуж или каки молоденьки? Вы *видывали* его? *Кушивала* ты лисички у них? В кино *видывали* таки повязки-то? Вы солону-то треску здесь не *бирали?* А ты не *бривался?* Если не *бривался,* борода мягка ростет. А вас не *давливал?* У Елены от меня корова-то; она не *сказывливала?* Златоуст не *читывали?*

Среди контекстов без отрицания встречаются и такие, в которых глагол означает явно однократное действие (51, 60, а также: *женивался,* кажись, Макарко, да она с ним не жила; у меня *падывало* же одно когды-то (о ребенке, который однажды упал); он, правда, холостым-то здесь *рабливал.* — Один раз? — Один, один! *Сновывала* я, Ийка знат, к ним ходила; Нюрка *сказывливала,* хохочет; у кого тут старушка *теривалась?* (речь шла об одном случае изчезновения старушки).

Анализ контекстов без отрицания показывает что в большинстве из них значение кратности совершаемого действия имплицитно присутствует; однако оно свойственно и формам НСВ вообще и связано не с формой, а с значением глагольной основы. Строго говоря, признать эти формы специализированными для выражения значения многократности можно было бы только на основе сопоставления их контекстного употребления с употреблением простых форм НСВ. Но такое сопоставление показывает, что семантической дифференциации между ними нет: негде-негде не *баивался,* а байны *боялся;* не *бивал* меня, никуда не *ганивал,* не *обижал* меня; до десять лет *ходила* в Кайны, море не *бивало;* я от него не *бегала,* он меня не *бивал;* я с внучатами ни с кем не *важивалась,* ни с каким не *водилась;* бражку *варили,* а я не *варивала* никогда, не знаю; я его не *видывал* и не *знал;* я не *даивала* ему, другим *давала;* так вот и *жила,* хорошо не *живала;* не *купливала* до прошлогоднего всю жисть, сама *рубила* дрова; я вот девкой *ходила* — не *целуивалась; баливала* я, молодой молодицей *болела;* лони все белу муку *покупали,* житну не *бирали;* како петьё было? Не *певали,* в войну-то кто *пел?* Глиняну посуду, блюдье *роботали, продаивали;* я навеку не слыхивала, чтобы кость *болела;* я со скотиной *водилась,* так со всеми *важивалась;* с машинами *стояли — пивали, захаживали* на ферму; я колько раз *летывала* на самолетах, хоть куды *летала;* я ведь не *слыхал,* что *ругивалисе;* я плотить-то не *плотила,* кольца-то *бивала;* так на фабрике не набрать, *брали* матери, *бирали; возили* коренья, *важивали* белую, ржаную, всякую солому; *приезжала* Москва, *снимала,* хто *говаривал* по-старинному; прежде тут речище было, река *хаживала,* вода проходна *бежала;* это мама *брала,* я-то не *бирала;*

раньше не *болели* и отдыхать не *валивались;* я по чищеницам *ходила,* дак ни одного гриба не *видывала;* я чай и не *видывал,* только губу *заваривал;* раньше *виделся* все к добру, после смерти не *вижывался;* машины не *видали,* не *езживали;* вот я больше некуды и не *топала,* не *учивалась;* никогда не *видывала* швейки, никогда не *видала* векóм; не *ругалась* не с кем, не *ругивалась,* не *бранивалась;* и клевер *едали,* и крапиву *едали,* всяко *было.* Ну а опилки не *едали,* бог *хранил;* избы-то *видала,* а живать не *живала;* некогдá *жили* не *спаривали,* не с кем раньше-то не *спорили;* той *давала,* а этой не *давывала;* люди *видали* их, а мне-то не *попадывался;* в Соколове коров *водили,* я-то не *важивала.*

В качестве конструктивной особенности можно отметить, что при отрицании явно предпочитается осложненная форма с редуплицированным выражением НСВ, а без отрицания — простая. Вероятно, что распределение простых и редуплицированных форм в контексте диктуется и некоторыми не сформулированными пока закономерностями просодической организации текста. Во всяком случае, при попытках заменить в предложении простую форму редуплицированной и наоборот обычно возникает ощущение неестественности, утраты гармонии звучания текста и дезорганизации его просодической структуры.

Итак, значение многократности действия имплицитно присутствует в этих глаголах и может проявиться в специфических контекстных условиях. Что же касается основного значения этих форм, которое можно было бы назвать их инвариантным значением, то в рамках существующих в теории глагола понятий его можно определить как общефактическое или обобщенно-фактическое значение действия, безотносительное к его результату и не локализованное во времени (прошедшем) [2]. Эти глаголы употребляются тогда, когда в центре сообщения находится именно то, что выражает глагол, а не какие-либо обстоятельственные значения. Особенно ярко это проявляется в конструкциях с отрицанием, которых большинство и в которых обычно не бывает никаких обстоятельственных распространителей, кроме усиливающих отрицание.

Таким образом, в грамматической семантике бесприставочных глаголов на *-ива-/-ва-/-а-* в рамках тех категорий, которые стандартно приписываются русскому глаголу, нам не удалось обнаружить никаких отличий от мотивирующих глаголов НСВ.

Попытаемся проследить особенности синтаксического контекста, в котором обычно выступают эти глаголы.

Обращают на себя внимание некоторые особенности коммуникативной схемы предложений: как правило, они не нейтральны; в них наблюдается сдвиг ремы, который проявляется в постпозиции подлежащего или препозиции дополнения. Глагол, таким образом, оказывается либо в инициальной, либо, большей частью, в финальной позиции. При этом как в случае линейно преобразованного, так и в случае нейтрального порядка слов рема обычно характеризуется контрастным ударением, что особенно ярко проявляется в высказываниях с противопоставленными частями типа *в Соколове коров водили, я-то не важи-*

вала. В предложениях с отрицанием фразовым ударением обычно выделяется обстоятельственное слово или местоимение, усиливающее отрицание. Можно считать, что характерной синтаксической особенностью структуры высказывания с этими глаголами являются признаки дезактуализации подлежащего и усиления вербоцентричности, что вообще характерно для северных говоров и проявляется в частности в широком употреблении всевозможных конструкций со страдательными причастиями и в том числе страдательно-безличного оборота.

Итак,позиция предиката, выраженного с помощью такого глагола, свидетельствует об эмфатическом его употреблении и о коммуникативном преобразовании структуры высказывания.

Нам представляется, что в данном случае можно говорить о присутствии в глагольной системе диалекта особой грамматической категории заверительного статуса, значение которого в литературном языке передается с помощью лексических средств, а также фразового акцента, который используется в качестве сопровождающего средства также и в диалектах (ср. английское I like it — I do like it) [12].

Этот факт существенно расширяет наши представления о диалектной специфике и о глубине диалектных различий в области грамматики, поскольку общепринятым является мнение о том, что русским диалектам почти не свойственны различия категориального характера.

Что же касается способа выражения данной категории — бесспорно грамматического — то он весьма характерен для диалектов. Выражение эмфазы и всевозможных смысловых акцентов путем полной или частичной редупликации слов и морфем является одним из самых распространенных средств повышения выразительности диалектной речи. В последнее время на это стали обращать внимание исследователи не только фольклора, но и диалектной речи. Так, например, А.Б. Пеньковский [5] приводит большой материал о таутонимических образованиях как средстве персонификации наименований; В.И. Трубинский [11] — о тавтологическом употреблении слова *есть* в структуре предиката. К этому можно добавить и такие известные из наблюдений над диалектной речью факты, как, например:

1) удвоение предлогов и приставок (поехал *вза* реку; *попосле* приди; палтуса *попосылала;* пойду *попринесу*);

2) указательные местоимения, "усиленные" местоименными наречиями или частицами: *тоттам* (*татам, тотам, тетам*) — у *тоготам* нет увеличенной карточки; *татам* женщина говорила; в *позатоттам* год был; а также *нутый* (*нута, нуто, нути*) — он мне какой-то сахарин дал — я чаю напилась с *нутим* сахарином;

3) широко распространенные и свободно образуемые конструкции из глагола и однокоренного существительного в твор. падеже: *пе́хом запехалсе* ко мне в до́м; *видо́м ненавидит; блесто́м блестит;*

4) выражения различной структуры с неполным удвоением: *не вести не па́вести; поздым поздо* (сюда же может быть отнесено широко распространенное повторение неоднокоренных синонимичных слов, в особенности, глаголов);

5) "рамочное" употребление некоторых союзов и частиц; например, соединительного *да*: приходили парень *да* девка *да;*

6) употребление глагольной формы *был* (*была, было, были*) в составе предиката (земля *была простыла* на три метра; однех валенок *было сгорело* пар десять; меня параличом *было розбило*).

Неполная редупликация (или тавтология) имперфективности в связи с этим представляется вполне естественным средством выражения подчеркивания того факта, что действие имело или, наоборот, не имело места в прошлом. Тем самым мы имеем дело с грамматически выраженным статусом заверительности в диалектной системе глагола.

ЛИТЕРАТУРА

1. Архангельский областной словарь / Ред. О.Г. Гецова. М., 1980—1987. Вып. 1—5.
2. *Гловинская М.Я.* Семантические типы видовых противопоставлений русского глагола. М., 1982.
3. *Зализняк А.А.* Грамматический словарь русского языка. М., 1977.
4. *Кузьмина И.Б., Немченко Е.В.* Синтаксис причастных форм в русских говорах. М., 1971.
5. *Пеньковский А.Б.* Русские персонифицирующие именования как региональное явления языка восточнославянского фольклора // Лексика и грамматика севернорусских говоров. Киров, 1986. С. 123.
6. Русская грамматика: В 2 т. М., 1980.
7. *Силина В.Б.* К истории русских многократных глаголов (в связи с диалектными данными) // Лингвистическая география и история языка: В 2 ч. Нальчик, 1981. С. 186.
8. *Симина Г.Я.* Глаголы со значением кратности в говорах Пинежья // Севернорусские говоры. Л., 1970. Вып. 1.
9. *Симина Г.Я.* Пинежский говор //-Материалы по русской диалектологии. Калининград, 1976.
10. *Симина Г.Я.* Пинежье: Очерки по морфологии пинежского говора. Л., 1970.
11. *Трубинский В.И.* К вопросу о тавтологии в структуре предиката (на материале диалектных конструкций со словом *есть*) // Севернорусские говоры. Л., 1975. Вып. 2. С. 148.
12. *Якобсон Р.О.* Шифтеры, глагольные категории и русский глагол // Принципы типологического анализа языков различного строя. М., 1972.

О.Г. РОВНОВА

МНОГОКРАТНЫЕ ГЛАГОЛЫ В ОДНОМ ВОЛОГОДСКОМ ГОВОРЕ

Появление многократных глаголов (МГ) в истории русского языка связано с развитием собственно древнерусской модели имперфективации. Таким средством имперфективации стал суф. *-ива-/-ыва-*. Глаголы с этим суффиксом впервые зафиксированы в памятниках XII в. На протяжении XII—XIV вв. количество их возрастает, и в XVI—XVII вв. суф. *-ива-/-ыва-* становится регулярным грамматическим средством имперфективации: имперфектив на *-ива-* мог быть образован в это время практически от любого глагола [10, с. 175—176]. "Резкое увеличение продуктивности суф. *-ива-* способствовало экспансии его в

другие области глагольного словообразования. Так, он стал присоединяться не только к приставочным, но и к бесприставочным глаголам. В этой сфере он приобрел новую функцию, став средством образования так называемых многократных глаголов. Эти глаголы сформировали особый способ действия, оказавшийся в подчиненном положении к основному видовому противопоставлению глаголов сов. и несов. вида" [10, с. 175]. Первые бесприставочные глаголы с суф. *-ива-/-ыва-* зафиксированы в памятниках деловой письменности конца XIV в.: *каньчивати* и *кладывати*. XVI—XVIII вв. — время наиболее широкого и свободного употребления МГ. Исследователи отмечают, что уже в этот период бесприставочные МГ и мотивирующие их глаголы представляют собой стилистические варианты. Анализируя МГ в Посланиях Ивана Грозного, В.Н. Рогова приходит к выводу, что "глаголы с *-ыва-(-ива-)* были принадлежностью устной речи и использовались соответственно в письменном языке в памятниках с устной основой и в тех Посланиях Грозного, язык которых содержит много элементов разговорной речи" [9, с. 309]. К подобному же заключению приходит С.С. Волков, исследуя стилевые средства челобитных XVII в.: "Чем ближе язык памятника к обиходно-бытовой речи, тем шире в нем представлены многократные... глаголы" [5, с. 27].

Со второй половины XIX в. употребительность МГ резко сокращается. Из живой и продуктивной категории они превращаются в категорию лексически замкнутую и стилистическую. В словарях современного литературного языка МГ даются с пометами "разг.", "устар.", "обл.", "просторечн.". Они образуются только от нескольких глаголов "наглядного, конкретного действия" [3, с. 548], "конкретно-бытового лексического значения" [6, с. 277], употребляются, за редким исключением, в форме прош. времени и выступают в качестве стилистического средства. МГ "употребляются в произведениях художественной литературы, в большей или меньшей степени связанных с формой сказа; их используют писатели, включающие в свои произведения формы устной народной речи" [8, с. 192]. Вот несколько примеров из произведений художественной литературы и публицистики последних лет: Многис ухабы, прорехи, изъяны, обнародованные приметливыми ходоками по Новгородчине, устранены (сам видел, знаю: *хаживал, езживал* по новгородским большакам и проселкам; здесь и моя родина, из новгородской деревни мои отец и мать) (Г. Горышин. Послесловие к очерку Ф. Абрамова и А. Чистякова "На ниве духовной". "Наш современник", 1986, №7); Кстати, король пришел к власти благодаря одной из бурь, которую я звал, — *говаривал* Поэт, в первое время недовольный правлением короля (Ф. Искандер. Кролики и удавы. Философская сказка. "Юность", 1987, №9); Вот и Андрей Николаевич, когда *игрывали* мы с ним в шахматы, мне говорил... (Б. Василевский. Конечная земля. М., 1988).

Категория МГ сохранила свою продуктивность лишь в северно-русских говорах. Они являются характерной чертой видовой системы архангельских, вологодских, кировских, сибирских (верхне- и среднеобских), русских говоров Карелии. Интересное наблюдение над рас-

пространением МГ в Колыванском р-не Новосибирской области сделано Н.А. Лукьяновой: МГ отмечены ею в речи населения старых сел, расположенных на бывшем сибирском тракте, где концентрировалось в прошлом севернорусское население, и совершенно отсутствуют в речи новоселов-южнорусов [7, с. 90]. Этот факт является еще одним свидетельством северного ареала распространения МГ.

Необходимо уточнить, что мы понимаем под термином "многократный глагол". В литературе не раз высказывалось мнение, что этот термин не отражает сути обозначаемого им явления: во-первых, значение многократности отнюдь не единственное, которое может иметь МГ; во-вторых, в некоторых контекстах это значение стерто. Однако никакого другого, более подходящего термина предложено не было. На наш взгляд, термин "многократный глагол" мог бы быть удовлетворительным в том случае, если принять во внимание не содержательную, а формальную сторону явления, т.е. называть многократными бесприставочные глаголы, мотивированные бесприставочными же глаголами НСВ и образованные от них при помощи суф. *-ива-/-ыва-, -ва-, -а-*, учитывая при этом, что данные глаголы потенциально могут иметь многократное значение.

Мы проанализировали МГ в говоре д. Шевелёвской, расположенной в северо-восточной части Вологодской области, примерно на 61 с.ш., 44 в.д., в 70-ти километрах на северо-восток от райцентра Тарногский городок. По преданию, бытующему среди местного населения, первые поселенцы появились здесь в то время, "когда в армии служили по двадцать пять лет"; это были беглые солдаты. Все жители деревни являются местными уроженцами и приходятся друг другу родней. Диалектный материал собран в 1987—1989 гг., общий объем звучания магнитофонных записей — около 40 часов. МГ записаны от 52-х человек, грамотных и неграмотных, в возрасте от 11 до 85-ти лет.

Проанализировано около 300 контекстов, в двух третях из них употреблены МГ с отрицанием. В записях отражено около восьмидесяти МГ, которые образуются:

1) от глаголов конкретного физического действия, большинство которых называют процессы, связанные с повседневной крестьянской жизнью: с суф. *-ива-/-ыва- — бора́нывал, ва́живалась* (от "водилась"), *ва́ривал, ве́шивал, вя́зывал, де́лывал, де́рживал, ка́лывал, ка́рмливал, ка́шивал, кла́дывал, ку́пывался, ку́шивал, ма́лывал, па́сывал, па́хивал, пля́сывал, пря́дывал, ра́бливал, роба́тывал, ру́бливал, са́живал, се́ивал, су́шивал, та́лкивал, та́пливал, хля́стывал, хля́бывал, хора́нивал;* с суф. *-ва- — бива́л, мыва́л(ся), пива́л, шива́л;* с суф. *-а- — бира́л, грёба́л, дира́лся, еда́л, плёта́л, сёка́л;*

2) от глаголов неоднонаправленного движения: с суф. *-ива-/-ыва- — бе́гивал, блу́живал, ва́живал* (от "возил"), *га́нивал, е́зживал, ха́живал;*

3) от глаголов положения и изменения в пространстве: с суф. *-ива-/-ыва- — ва́ливался, ля́живал, се́живал, ста́вливал, ста́ивал;*

4) от глаголов физического и психического состояния: с суф. *-ива-/-ыва- — ба́ливал, гола́дывал, жа́нивался, кру́живало;* с суф. *-а- — мира́л, сыпа́л;*

5) от глаголов речи: с суф. *-ива-/-ыва-* — *бра́нивал, гова́ривал;* с суф. *-ва-* — *пева́л;*

6) от глаголов восприятия: с суф. *-ива-/-ыва-* — *ви́дывал, ка́зывал;*

7) от глаголов существования: с суф. *-ва-* — *жива́л, быва́л;*

8) от глаголов духовной деятельности: с суф. *-ива-/-ыва-* — *ворожива́л, га́дывал, и́грывал, пи́сывал.*

Для нашего говора не характерны МГ, мотивированные приставочными глаголами НСВ, такие образования единичны. У приставочных глаголов может развиваться новый суффикс многократности — двойной суф. *-ивлива-/-ывлива-*. Это связано с тем, что приставочные глаголы быстрее утрачивают значение многократности, становясь морфологическими вариантами соответствующих мотивирующих глаголов НСВ [12, с. 94—96]. Происходит десемантизация суф. *-ива-/-ыва-*, он перестает быть показателем многократности и осознается как суффикс имперфективации. Его удвоение возвращает приставочному глаголу статус МГ. Глаголов с двойным суффиксом в говоре д. Шевелёвской немного: *не приважи́вливалось* (от "не приводилось"), *росказы́вливал, не выхажи́вливала.* Первый глагол встретился в единичном употреблении: [— А каких вы зверей видали в лесу?] — А во́т лосе́й-то вида́ла, та́к-то медве́дя дак я не вида́ла, *не приважы́вливалось.* Глагол "росказы́вливал" является довольно частотным: Это я давно́ слыха́ла, де́душко у на́с *росказы́вливал;* [— А как Рождество раньше праздновали?] — Сама́ не зна́ю, што то́лько ма́ма *росказы́вливала,* ходи́ли Христа́ стрета́ть. Глагол "не выхажи́вливала" является наиболее частотным и употребляется только в связанном сочетании: Она́ ста́раа де́ва, она́ *взамуж не выхажы́вливала;* Тётка Руфи́на жыла́ в Ерослáвле, ей зда́ли в де́цький дом, *взамуж не выхажы́вливала,* там робо́тала. Бесприставочные глаголы типа пинежского *молаци́вливали* в нашем говоре не встретились [11, с. 126].

Образование МГ сопровождается следующими чередованиями: 1) чередование гласных в корне: [о]//[а] — *к*[о]*ло́л* — *к*[а́]*лывал,* [е]//[а] — *хл*[е]*ба́л* — *хл*[а́]*бывал,* [и]//[е] — *с*[и]*де́л* — *с*[е́]*живал,* [ø]//[ы] (ø—*ъ) — *спал* — *с*[ы]*пáл,* [ø]//[и] (ø—*ъ) — *брал* — *б*[и]*рáл;* 2) чередование конечных согласных корня перед суф. *-ива-*: а) твердый задненебный чередуется с мягким — *па*[х]*а́л* — *па́*[х']*ивал, толо́*[к] — *та́л*[к']*ивал, бе́*[г]*ал* — *бе́*[г']*ивал,* б) мягкий переднеязычный чередуется с шипящим — *блу*[д']*и́л* — *блу́*[ж]*ивал, во*[з']*и́л* — *ва́*[ж]*ивал, ко*[с']*и́л* — *ка́*[ш]*ивал,* в) мягкий губной чередуется с сочетанием твердой губной +[л'] — *кор*[м']*и́л* — *ка́р*[мл']*ивал, то*[п']*и́л* — *та́*[пл']*ивал;* 3) чередование конечных согласных корня перед суф. *-ыва-*: мягкий чередуется с твердым — *боро*[н']*и́л* — *бора́*[н]*ывал* (пример единичный).

В описываемом говоре отсутствуют дублеты типа *бира́л* — *би́рывал, бива́л* — *би́вывал, быва́л* — *бы́вывал.* Вторые члены этих пар встречаются в архангельских говорах.

Для МГ характерны формы прош. времени; инфинитив и краткие страдат. причастия от МГ редки. В говоре эти глаголы не зафиксированы в формах наст. времени и повелит. наклонения. Отметим, что в архангельских говорах последние две формы пусть редко, но отмечают-

ся: Ребя́та да скоти́на тут *бра́жываэт* [АОС 2]; При наро́де хорошо́, фсё ба́бушкой зовёт, безнаро́дно *ру́гиват* [АОС 1]; Жыву́д доро́дно, не скандали́т, *не бра́ниваюця* [АОС 2]; *Не бира́й* де́нек у меня́, укра́тим [АОС 2]; *Ва́ливай* проць [АОС 3]. В нашем говоре причастные формы МГ употребляются как с отрицанием, так и без него в функции сказуемого: Она́ давно́ *не та́пливана*, как ка́жный день нацьнёте топи́ть, дак не бу́дёд дыми́ть (о печке); *Де́лывано* это́ давно́-давно́, у на́с масьтера́ бы́ли, пре́сьници де́лывали и т.п.

Инфинитив МГ употребляется только с отрицанием в предложении, имеющем значение невозможности совершения действия: Ско́ро механизи́рован бу́дёд дво́р, да на́м *не роба́тывать* там; Моя́, говори́т, неве́ста уж вы́шла, *не жа́нивацця* дак. Аналогично в архангельских говорах: За клю́квой мне́ уш *не бе́гивать-то* [АОС 1]; Олёкса Бутусёнок, навеку́ тебе́ *не жа́ниваця* [АОС 2]. Для архангельских говоров характерна еще одна конструкция с инфинитивом МГ — "инфинитив МГ + *не* + прош. время того же МГ", которая не зафиксирована в говоре д. Шевелёвской: Меня́ то́лько Гёнька стре́лил, а та́к-то я *вере́жываця не вере́жывалась* [АОС 3]; Даду́т — спаси́бо, а не даду́т, а *бра́ниваця* я ве́к *не бра́нивалась* [АОС 2]. Нет в нашем говоре и отглагольных существительных от МГ, ср. в архангельских говорах: Буду́т опя́ть обива́ть обива́лом, а по́сле э́того *би́вання чёса́дь* бу́дут [АОС 2]; Фсегда́ краснá былá без *ма́зыванья*, не ку́пливала никако́й пома́ды, кудре́й не вива́ла [АОС 4].

При описании функционирования МГ наиболее важным является решение вопроса об их значении. У исследователей нет единого мнения о семантике МГ. Одни видят в них значение давнопрошедшего действия (В.Г. Барановская, В.Н. Рогова), другие — значение многократности (Н.А. Федотова, О.М. Соколов, Г.Я. Симина, Л.М. Рощина), третьи говорят о слитности обоих значений и преобладании того или иного в зависимости от контекстуальных условий (С.Д. Никифоров, Н.С. Власова, Е.А. Иванчикова, В.Б. Силина, Н.А. Лукьянова). Такое разнообразие мнений можно связать и с действительной грамматической многозначностью МГ, и с различным функционированием их на отдельных этапах развития русского языка и в отдельных диалектных системах. Явно стремление лингвистов, опираясь на контекст, конкретизировать само понятие многократности. Такими конкретными проявлениями многократности считаются значения "усиленного проявления действия (Н. Некрасов), "постоянства, всегдашности" (А.А. Потебня), "прошедшего обыкновения" (В.А. Богородицкий), "давнопрошедшего длительного действия" (С.Д. Никифоров), "обычности и постоянства", "эпизодичности" (Е.А. Иванчикова), "постоянной повторяемости, обычности действия", "простого прошедшего длительного действия" (Н.А. Федотова) и др.

Применительно к изучаемой диалектной системе, основным значением МГ мы считаем такое, которое менее всего зависит от контекстуальных условий, от лексических указателей. Таковым является значение давнопрошедшего действия. Утверждая это, мы опираемся на анализ контекстов и языковое сознание носителей говора. Так, объясняя отличие "ка́шивали" от "коси́ли", "на́шивали" от "носи́ли" и т.п., ин-

форманты независимо от возраста давали сходные объяснения: Ра́ньше я *пёка́ла* хлеп. Дли́тельно сло́во, зна́цит раньше. *Ка́шывали* — э́то ра́ньше, и спомина́эм, што ра́ньше *ка́шывали,* а тепе́рь не коси́м (Сергеева Р.П., 69 лет, малогр.); *Росказы́вливали* — э́то зна́цид давно́ когда́-то (Худякова А.П., 67 лет, малогр.); Е́сли давно́, то — о́й, э́ту коро́ву я *да́ивала,* а е́сли сево́дня — дои́ла, подои́ла (Ефремова А.П., 52 года, грам.); *Ка́шывала* — когда́-то, а фчера́ коси́ла (Шубина Л.П., 47 лет, грам.); Когда́ спомина́эт, роска́зываэт про охо́ту, про рыба́лку — туда́-то *ха́жывал,* тово́-то *стре́ливал* (Шевелёв Н.А., 26 лет, образование ср. спец.); *Ха́жывала* — э́то о ба́бушке ска́жут: ба́бушка *ха́жывала* в лес, а тепе́рь не хо́дит. *Да́ивала* — э́то о ба́бушке: ба́бушка *да́ивала,* а тепе́рь не дои́т (Худякова К., 18 лет, студентка педучилища, дочь Шубиной Л.П.); Когда́-то давно́ — я *ка́шывала,* а сево́дня у́тром — я коси́ла (Шубина Л., 14 лет, ученица 7 класса); Когда́-то *еда́л* я, давно́. Я, наприме́р, когда́-то *еда́л, ха́жывал* (Худяков К., 11 лет, ученик 4 класса).

МГ со значением давнопрошедшего действия характерны для такой разновидности диалектной речи, как рассказ-воспоминание. Это эмоциональное повествование о событиях прошлого, участником которых был говорящий. Наличие МГ со значением давности определяется здесь самим жанром рассказа-воспоминания: За коси́лкой *вя́зывала* снопы́, и по-за тра́ктору *вя́зывала,* по-за теле́шку, фсё *де́лывала;* Зна́ите, как мешо́к с коле́на подыма́ли? Я́-то фся́ко *на́шывала;* Од берёзы-то ска́лка, на т'эих-то *пи́сывали* (так как не было тетрадей в школе); У меня́ ма́ма дак *на́шывала* (кону́ру — вид женского головного убора), а я́ не нало́жыла; Я́ уж ы не зна́ю, кто *де́лывал* пре́сьници в дере́вне и т.п.

В большинстве контекстов значение давности может проясняться с помощью дополнительных лексических средств: *Неженя́тым* я *де́лывал э́ти ве́щи; Де́лывано* э́то *давно́-давно́,* у на́с масьтера́ бы́ли, пре́сьници *де́лывали.* Офана́сия Костаньти́новиця ба́тько са́мый хоро́шый пло́тник, он пре́сьници э́ти *де́лывал,* это́ *давно́-давно́*; В Орха́нгеське *де́фкой жыва́ла* по два́ го́да, на спла́ф е́зьдили, лес сплавля́ли; *Пива́ла* су́сло я *не по́мню когда. Давно́ пива́ла* су́сло, не по́мню и когда́; Э́то я *давно́* слыха́ла, де́душко у на́с *росказы́вливал;* Жа́ли мы, жа́ли, и серпо́м *жина́ли,* э́то уж *давно́.*

Значение многократности у МГ также осознается носителями говора. Однако, как следует из наших материалов, объяснений с указанием на многократность примерно вполовину меньше, чем объяснений с указанием на давность: *На́шывал* — э́то зна́цит мно́го рас, не́сколько раз мо́жот; Оди́н раз е́зьдила, бо́льше не пое́хала. Э́то мно́го рас — *е́жжывала* (Худякова А.П., 67 лет, малогр.); Оди́н рас — ходи́л, мно́го рас — *ха́жывал;* Е́сли *ва́ривала* — мно́го рас (Сергеев А.П., 62 г., грам.); *Бира́ла* — дак мно́го рас; *Ре́зывал* — мо́жот, деся́тки ра́з *ре́зывал* (Худякова П.Д., 47 лет, грам.); Е́сли мно́го рас — дак *ха́жывала,* а оди́н рас — ходи́ла. Не на́до ли́шнеэ говори́ть — мно́го рас (Шубин П.Е., 37 лет, грам.); Мно́го рас по-мо́ему *пива́ла,* а оди́н рас пила́ (Шевелева С.А., 26 лет, образование ср. спец.). Значение многократности, по нашим наблюдениям, является в говоре контекстуально обусловленным, при МГ обязательно употребление лексиче-

ских указателей кратности *'много раз', 'сколько раз'*: Ой, она́ *мно́го раз ра́жывала!* (пример Худяковой А.П., 67 лет, малогр.); Ой, я *мно́го рас* туда́ *е́жжывала* — мо́жно сказа́ть (пример Шевелевой К.И., 64 г., малогр.); *Мно́го раз* я *мётывал* се́но, мета́л неда́вно оди́н рас (пример Шубина М.М., 52 г., грам.); *Много раз* выража́ется — *ка́шывала.* Друго́й рас ска́жош — *мно́го рас ка́шывала.* То́ жо са́мо — ой, мы *мно́го раз роба́тывали* на э́той робо́те (примеры Худяковой П.Д., 47 лет, грам.); Если оди́н рас — ходи́ла, а *мно́го рас — ха́жывала. Ско́лько рас ха́жывала* я за клю́квой на чи́сь (пример Шубиной Л.П., 47 лет, грам.); *Ско́лько раз* они у меня уже *га́шивали!; Ско́лько ра́з* уж я *ме́нивал* (примеры Худяковой М., 15 лет, ученицы 9 класса).

Многократное значение может выражаться и иначе — сочетаниями *"сколько ни, колько ни + МГ"*: *Ко́лько ни ста́ивала,* не ва́ливалась з зоро́да; *Я ско́лько ни бира́ла* сли́фки, хоро́шы, гу́сты; На́сьтя говори́т, плохи́э сли́фки, а я́ говорю́, *ко́лько* раз *ни бира́ла* сли́фки, хоро́шыз; [— А цыган не боитесь пускать, не воруют?] — *Ко́лько ни жыва́ли,* ничо́ не вору́ют, плато́к оста́вили. В обоих случаях значение многократности проявляется лишь в благоприятном контексте. МГ со значением многократности встречаются, как правило, в ситуации обиходно-бытового общения.

Интересно сопоставить МГ с отрицанием и без отрицания в плане выражения ими значения многократности. Всеми исследователями отмечалось преобладание МГ с отрицанием и значение категорического, усиленного отрицания, выражаемое МГ с *не.* Контексты, в которых употреблены МГ с отрицанием и мотивирующие их глаголы НСВ без отрицания, на наш взгляд, наиболее убедительно демонстрируют экспрессивность конструкции *отрицание + МГ*, чем и обусловлено ее преобладание: Я́ дак *не мира́ла,* не скажу́, што я *мёрла́.* Бес хле́ба *не мира́ла* же я. Лю́ди цветы́ *е́ли,* опи́лки *е́ли,* я *не еда́ла, не еда́ла;* Ти́фом *боле́ла,* пото́м корю́хой, а кто́ не перебо́лел, *не ба́ливал,* тот лёг ы по́мер и т.п.

В значении категорически отрицаемого действия выделяются различные смысловые оттенки с помощью лексических указателей.

А. Отрицательные местоимения и наречия подчеркивают, что действие вообще не имело места: *Я не блу́жывала нигде́*; Ру́ки боля́т, но́ги боля́т, што́ ты бу́дёж де́лать, но́ги *не ба́ливали, не́как не ба́ливали;* Уста́ли вы, та́к не *роба́тывали никогда́.*

Б. Слова и сочетания слов, обозначающие длительный, определенный/неопределенный отрезок времени, в течение которого действие не совершалось: Она́ веть ни́шчаа, в ба́не мо́жот *век не мыва́лась;* Мозо́ли, *давно́ не роба́тывала-то; Да́вно, да́вно* уш, *года три́ не на́шывала* ёво́ (платье), никуда́ не хожу́ и не ношу́; В переду́ *тре́тей гот* там *не жыва́ли.*

В одном контексте могут употребляться лексические указатели обоих оттенков значения: Когда́ Ра́йка приежжа́ят ле́том, дак спит ф переду́, я́ веть *не сыпа́ла давно́,* я ка́г в ызбу́шку ма́леньку перешла́, *не сыпа́ла* там, *не́как, не сыпа́ла* я *не́как* там, ф переду́.

Модальное значение категоричности отрицания, передаваемое МГ с отрицанием, порождено значением многократности. Категорическое

отрицание обозначает, по сути, отрицание каждой из многих возможностей проявления действия, обозначенного МГ, или "постоянное, всегдашнее — в плане прошлого — отсутствие названного глаголом действия" [6, с. 267]. Мы предполагаем, что, утратив значение многократности в нейтральном контексте, МГ стал базой для развития модальных значений: категорического отрицания и "категорического утверждения", или достоверности. Значение МГ в некоторых контекстах мы склонны интерпретировать как значение давности действия с подчеркиванием его достоверности, т.е. подлинности, реальности этого действия. Значение достоверности опирается на значение кратности: если какое-нибудь действие совершалось несколько раз, не может быть сомнений в его реальности.

Достоверность давнопрошедшего действия может выявляться с помощью интонации, тогда МГ является интонационным центром высказывания: Ли́бо ты зьве́ря пугнёш, ли́бо он тебя́. *Пу́гивал* медве́ть!; Я *да́ивал* коро́ву, молоко́ *пива́л!;* Вот кака́я э́то боле́сь малери́я, *я ля́жсывала,* зна́ю хорошо́; Я *су́шывала* снопы́ в ови́не, я засте́ла, ма́ленька ешо́ была́; Квадра́тныэ ла́пти, я *ви́дывал* та́киэ; У коро́вы хребе́т сла́бый, а на быка́х мы *па́хивали;* Ф приво́де коне́й-то я *га́нивала;* И на́шывала на сенокóсе сту́пни (вид лаптей), как ф та́пках, нежа́рко в них, хорошо́, — *на́шывала;* Я *стрига́ла* ове́ць, мо́жете на меня́ положы́ця; [— А сами лапти плели из скалки?] — Не плёта́ла, э́той робо́ты не ра́бливала. Ната́лья Па́вловна, Улья́на Па́вловна — э́ти *плёта́ли;* [А что такое ку́корки? Как-то, говорят, носят на ку́корках?] — Я *на́шывала,* я *на́шывала* Райку. Опхва́тицця ру́цьками, я и нёсу́.

Подлинность действия, наряду с интонацией, может выражаться наличием при МГ местоимения *сама* или наречия *тожо*: Кума́-то *сама ва́жыалась* с робя́тами, ня́ньки-то не́ было дак; Вино́ хоро́шээ быва́эт из э́тих я́гот, я *сама́ пива́ла;* Пре́сьница, веретно́ — я *сама́ пря́дывала;* Фсем доставáлось уж в войну́, на́а к робо́те посьпи́ть, я *са́ма та́лкивала,* мекину-то; Вора́чивал — э́то я знаю́, *сама́ ворачивала* се́но (от 'ворочала'); Я ра́ньше *то́жо на́шывал* се́но, а севóдьня не носи́л; Я *то́жо голáдывал* в войну́-то; Я *то́жо ва́ривала* то́-то; Е́сьли мóюця — ой, я *то́жо мывáлась;* Ой, я э́то *то́жо сьти́рывала,* э́то я *то́жо де́лывала!* Аналогично в диалоге, в ответной реплике: — Я́ ить вози́ла проду́кты. — И я́ *ва́жывала,* проду́кты в ло́тках; — Я туды́ за по́лё ходи́ла. — Ой, я то́жо туды́ *ха́жывала;* — Го́сьти мои фчера́ в ба́не мы́лись. — И я *мывáлась,* хоро́шо вить; — У меня́ брат паха́л на коро́ве. — На быка́х я *сама́ па́хивала.*

Употребление МГ с отрицанием и без него в общевопросительных предложениях также связано с актуализацией значения достоверности, реальности факта; спрашивающего в первую очередь интересует, происходило/не происходило данное действие с собеседником, установки на давность может и не быть: Вы *едáли* гру́зьди-то бе́лыэ?; А во́т таки́э я́годы *едáли?;* Вот трава́ лу́кова. Э́таку *ку́шывали?;* Уми́эте робо́тать? *Робáтывали,* нет?; *Гребáли,* нет, се́но-то?; Тебе́ на́а-то съи́здить на И́лезу. Ты *е́жжывала* про́шлой гот?; *Не ка́рмливала* вас Райса му́цьниками, *не пёкáла?;* Никто́ вам кону́ру-то *не ка́зывал?;*

Вáм-то *не дéлывали* ни рáзу? (укол); у тебя́ там самовáр *не стáвливан?* В одном контексте могут употребляться МГ и с отрицанием, и без отрицания: Дóма *нáшывал* дровá-ти, *не нáшывал?;* Тебя́-то *не хлáстывал* муш? Мóжот, *хлáстывал?;* — Ну, фсё вам? Я́сно? Вы *кáшывали?* (обращаясь к одному диалектологу) — Пробовали. — *Не кáшывала?* Косóй хорóшо веть (обращаясь к другому).

МГ со значением достоверности употребляются в ответах на общий вопрос. Актуальным здесь является именно это значение, а значение давности вторичным, дополнительным. МГ в ответе производен от глагола НСВ, употребленного в вопросе, стоит в начале предложения-реплики и является интонационным центром: [— А вам приходилось есть медвежатину?] — *Едáла.* Што онá, фкýсная веть; [— А вы ели льяное масло, пробовали?] — *Едáла,* а тепéрь давнó нет; [— А лошадей вы держали?] — *Дéржывали.* Онна́ лóшадь былá, ф колхóз забрáли лóшать; [— А пояса вы умели плести?] — *Плéтáла, плéтáла,* покá молодáа былá; [— А сами лапти плели из скалки?] — *Плéтáл,* но сецáс не сплестú.

Модальное значение достоверности действия очевидно в сочетаниях *"как не + МГ", "МГ + как не + МГ", "как не + МГ + МГ":* В мóлодости я *кáк не певáла* пéсен!; [— А вы сами мололи на мельнице?] — На мéльнице *кáк не мáлывали!;* [— А вы пиво домашнее пили?] — *Кáк не пивáли,* я застáла; [— А вы сами боронили?] — *Борáнывали кáк не борáнывали!* В дерéвне жывý, фсё перерóбила; [— А вы не слышали этого слова, да?] — Не тó што... *Кáк не слы́хивала, слыхивала.*

Употребление в одном предложении производящего глагола НСВ прош. вр. и производного от него МГ можно объяснить так: "нейтральный" производящий глагол используется тогда, когда речь идет о другом лице (лицах), а когда говорящему важно подчеркнуть свое участие в действии, употребляется МГ: Клéверныэ шы́шки *éли,* косьтёры-то и тó *едáла,* фсё переéли (в войну); В войнý-то *бороníли,* я *борáнывала; Натáшка* сéмьсят килóметров *бéгала* ф Тáрногу, трúцать килóметроф *я сáма бéгивала* в обы́день; [— У вас пахали только мужчины или женщины тоже?] — *Я самá-то пахивала,* э́ка мáленька-то. *Пахáли жéншыны, мушшы́ны* у нáс мáло *пахáли,*фсё жéншыны; Э́то стýльё крéпкоё, виш, как рáньше *дéлали старúки* стýльё — онó крéпкоё, смотрúте, *я* и *сáм* рáньше *дéлывал* стýльё; Рáньше соберéмсе, рáньше пивá *варúли, я сáм* пивá *вáривал,* пудóф пять-шесь пи́ва наварúш.

Наблюдения над функционированием МГ в говоре д. Шевелёвской привели нас к следующим выводам.

1. МГ регулярны в говоре для представителей старшего поколения. Именно в их речи МГ употребляются в разнообразных, описанных выше конструкциях. И сами старики, и молодежь считают МГ характерной чертой речи старшего поколения: Я говорю́ *éла, ходила* — такúэ словá, а *хáжывала* — такóэ нет. У нáз бáбушка придёт, такúэ говорúт словá (Шубина А., 25 лет, образование ср. спец.); Э́то знаш стáрыэ-ти лю́ди, котóры вот нáш-от вóзраст, нáшо-то нарéчьё — *кáшывала, кáшывала,* сéно *кáшывала,* а тепéрь уж говоря́т не по-прéжному, фсё по-нóнешнему (Сергеева Н.П., 71 г., малогр.).

2. Основным значением МГ, отчетливо осознаваемым носителями

говора, является значение давнопрошедшего действия; оно наименее всего зависит от контекста. Контекстуально обусловленным является значение многократности. На основе многократного значения сложились модальные значения категорического отрицания и категорического утверждения, или достоверности.

3. МГ не включены в видовременную систему диалекта как обозначение НСВ к соответствующим глаголам СВ и сохраняют статус способа глагольного действия. Своеобразие данного способа действия заключается в том, что, с одной стороны, суф. *-ива-/-ыва-, -ва-, -а-* модифицируют исходный глагол НСВ в отношении количественной характеристики (появляется значение многократности), с другой — в отношении временной характеристики (появляется значение давности действия). МГ со значением давнопрошедшего действия мы не считаем особой формой времени (ср. с точкой зрения В.В. Виноградова, Н.С. Власовой) в силу ограниченности круга глаголов, образующих МГ (а категория времени, как грамматическая категория, должна обладать абсолютной парадигматичностью). Материал привел нас к заключению, что в изучаемой диалектной системе МГ принадлежат к двум разным способам глагольного действия: к многократному, по классификации Н.С. Авиловой входящему в группу количественных способов действия [1, с. 272], и к какому-то другому, который вошел бы по этой классификации в группу временных способов действия и который мы назвали бы многократно-давним.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Авилова Н.С.* Вид глагола и семантика глагольного слова. М., 1982.
2. Архангельский областной словарь / Ред. О.Г. Гецова. М., 1980—1987. Вып. 1—5.
3. *Виноградов В.В.* Русский язык. М.; Л., 1947.
4. *Власова Н.С.* Формы и значения прошедшего времени глагола в современном русском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1955.
5. *Волков С.С.* Стилевые лексико-фразеологические средства деловой письменности XVII в.: (На материале челобитных): Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 1981.
6. *Иванчикова Е.А.* Употребление многократных бесприставочных глаголов в русском литературном языке XIX в. // Материалы и исследования по истории русского литературного языка. М., 1957. Т. 4.
7. *Лукьянова Н.А.* Глаголы многократного способа действия в современных говорах Сибири // Актуальные проблемы лексикологии и словообразования. Новосибирск, 1972.
8. *Прокопович В.Н.* Глагол в предложении: Семантика и стилистика видо-временных форм. М., 1982.
9. *Рогова В.Н.* Словообразовательная система русского языка в XVI в. Красноярск, 1972.
10. *Силина В.Б.* История категории глагольного вида // Историческая грамматика русского языка: Морфология: Глагол. М., 1982.
11. *Симина Г.Я.* Пинежский говор // Материалы по русской диалектологии. Калининград, 1976.
12. *Соколов О.М.* О морфологической синонимике как пределе морфологического варьирования слова и о некоторых явлениях распада вариантности слова // Учен. зап. Том. ун-та. 1959. Т. 39.

С.Г. САРКИСЬЯН

К ВОПРОСУ О МОРФОНОЛОГИИ МНОГОКРАТНЫХ ГЛАГОЛОВ

(на материале архангельских говоров)

Производство глаголов несов. вида от других глаголов несов. вида (так называемых многократных) в севернорусских говорах Архангельской обл. является продуктивным типом глагольного словообразования. Такие глаголы образуются от широкого круга глагольных основ[1]. Для диалектной речи в целом характерна некоторая вариативность способов образования этих глаголов на морфонологическом уровне. Различие словообразовательных средств и морфонологических трансформаций в структуре этих глаголов может касаться следующего: 1) глаголы могут быть образованы как от основы инфинитива, так и от основы настоящего времени; 2)словообразующим средством может быть один из трех суф.: *-ива-, -ва-, -а-*; 3) в глагольной основе возможны чередования конечных предвокальных согласных; 4) в глагольной основе могут происходить чередования гласных в слоге, непосредственно предшествующем словообразующему морфу.

Однако цель нашей работы — показать, что, несмотря на то что описывается не одна ЧДС, а архангельские говоры в целом, по всей территории в основном сохранилась древняя система образования многократных глаголов (мы будем называть их вторичными имперфективами, далее — втор. имперфектив).

Отдельно рассматриваются, во-первых, глаголы, образованные от производных глаголов (в том числе префиксальных), имеющих в основе имперфективные суф. *-ива-, -ва-*, во-вторых, все остальные глаголы, образованные от непроизводных глаголов и от глаголов, образованных от существительных, прилагательных и префиксальных глаголов. В качестве мотивирующих в первой группе выступают глаголы с соотношением основ *Ø/j*. В состав мотивирующих глаголов второй группы входят глаголы различных словоизменительных классов: с основой на тематические гласные *и, е, а,* с основой на согласную и глаголы, у которых основа совпадает с корнем.

I. Глаголы, имеющие суффикс имперфекта *-ива-* или *-ва-*, образуют втор. имперфектив только посредством суф. *-ива-*. Здесь основы наст. времени и инфинитива различаются только фонемой <j>, поэтому мы не можем говорить о том, какая из этих основ выступает в качестве производящей. Можно предположить, что от основы наст. времени *дај-* образованы глаголы *да́ивать* (от *давать*), *прода́ивать, переда́ивать* (соответственно от *продава́ть, переда́ва́ть*) с ассимиляцией *j* последующей *и*.

У всех имперфективов, образованных от глаголов, уже имеющих в своем составе суф. *-ива-*, наблюдается чередование конечной предвокальной согласной *в* с сочетанием *вл'*: *зана́шивать—занаши́вливать, закла́дывать—заклады́вливать, завя́зывать—завязы́вливать, испове́ды-*

[1] В работе использован тот же материал, что и в статье С.К. Пожарицкой в настоящем сборнике. Автор благодарит С.К. Пожарицкую за предоставленный ею материал.

ваться—исповедывливаться, принáшивать—принашúвливать, покрывáться—покрывливаться, покáзывать—показывливать, разбýживать—разбужúвливать, расскáзывать—рассказывливать, скáзывать—сказывливать, спрáшивать—спрашúвливать, молáчивать—молочúвливать. У производных глаголов с суф. *-ва-* такого единообразия нет. Здесь либо *в* чередуется с *вл'* (*бывáть—бывливать, покрывáться—покрывливаться*), либо не происходит никаких чередований (*бывáть—бывывать, давáть—дáвывать, убивáть—убúвывать, запевáть—запéвывать, бивáть—бúвывать, перешивáть—перешúвывать, вдевáть—вдёвывать, подавáть—подáвывать*).

II. Из числа глаголов, образованных от непроизводных глаголов, и от глаголов, образованных, в свою очередь, от существительных, прилагательных и префиксальных глаголов, можно выделить:

1) небольшую группу глаголов, у которых вторичная имперфективация происходит от основы наст. времени; а) глаголы с основой инфинитива на согласную: *прясть* (*прядут*) — *прядывать, плести* (*плетут*) — *плетать, есть* (*едят*) — *едать;* б) *молоть* (*мелют*) — *меливать;* в) *жать* (*жнут*) — *жинать;* к основе настоящего времени присоединятся суф. *-а-* и происходит чередование *Ø//и* < **ĭ//*ī* (о чередованиях такого рода см. ниже); г) *брать* (*берут*) — *беривать* — к основе настоящего времени присоединяется суф. *-ива-* (подчеркнем, что это не основа инфинитива, так как ноль звука из *ь*<**ĭ* может чередоваться с *и* из **ī*, такое чередование наблюдается в *бирать, бирывать*); д) *казать* (*кажут*) — *каживать* — к основе настоящего времени присоединяется суф. *-ива-*;

2) несколько глаголов, у которых вторичная имперфективация происходит от основы инфинитива: *брать — бирáть, брать — бúрывать* (допустимо также, что глагол *бúрывать* образован уже от *бирать*); *дрáться — дирáться* (есть и с суф. *-ива-*: *дрáиваться*).

Особо следует выделить группу глаголов с основой на *-ова-/-уj-*. Глаголы этой группы образуют втор. имперфектив тремя способами.

1. От основы наст. вр. с помощью суф. *-ива-*: *бл'ова-ть* (*бл'уj-ýт*) — *бл'уj-ива-ть*, гор'ова-*ть* (*гор'ýj-ут*) — *гор'ýj-ива-ть, пл'ова-ть* (*пл'уj-ýт*) — *пл'ýj-ива-ть, сова-ть* (*суj-ýт*) — *сýj-ива-ть, целова-ться* (*целýj-утся*) — *целýj-ива-ться;* конечная *j* основы производящего слова ассимилируется суффиксальной *и*. 2. От основы инфинитива с помощью суф. *-ива-*: *бинтоваться—бинтаиваться; блевать—блёвывать, бляивать; воевать—воёвывать, вояивать, воявывать; воровать—воравывать, вораивать, воряивать, вороивать; ночевать—ночевливать, сновать—сновывать.* Здесь выделяются следующие морфонологические модели: отсечение конечной гласной *а* основы производящего слова, суф. выступает в виде -[ыва]-, чередование *'е//'ó*, отсутствие чередования *о//á, 'е//'á*: *блёвывать, воёвывать, воровывать, сновывать* (исключения, с чередованием *о//á, 'е//'á*: *воравывать, воявывать*); отсечение конечного сочетания *ва* основы производящего слова, суф. выступает в виде -[ива]-, чередование *о//á, 'е//'á*: *бинтáиваться, бляивать, вояивать, воráивать* (исключение, без чередования *о//á*: *воровáть*).

Образование трех следующих глаголов не вписывается в эти две

модели: *ноче́вливать* (отсечение *а*, чередование *в//вл'* перед *ива*, отсутствие чередования *'е//'а́*), *воро́вывать* (отсечение *а*, чередование *в//в'* перед *-ива-*, отсутствие чередования *о//а́*), *воря́ивать* (отсечение *ва*, чередование *р//р'* не перед словообразующим суффиксом, а перед гласным производящей основы, предшествующим этому суффиксу, чередование *о//а́*).

В двух основных моделях прослеживается связь между наличием/отсутствием чередования *о*(е)*//а́* и качеством последующей фонемы: гласная *и* суффикса или согласная *в*.

3. От основы инфинитива с заменой суф. *-ова-* на суф. *-ива-*: *воева́ть—ва́ивать, ворова́ть—ва́рывать, про́бовать—пра́бывать*, (одним из показателей смены суффиксов является перенос ударения и чередование *о//а́*).

Что касается остальных глаголов, то определить, от какой основы (наст. вр. или инфинитива) они образованы, нельзя, так как либо эти две основы полностью совпадают (*трясу́—трясти́* (*трясу́т*)), либо они различаются наличием/отсутствием тематической гласной (*ма́чивать—точи́ть* (*мо́чат*), *гре́шивать— греши́ть* (*грешат*), *бра́нивать — брани́ть* (*бранят*), *ста́ивать — стоя́ть* (*стоят*) или наличием/отсутствием *j* (*ве́нчиваться—венча́ться* (*венчаются*), *матю́кивать—матюка́ть* (*матюка́ют*), *наста́вливать—наставля́ть* (*наставля́ют*)). В случае различения основ при образовании вторичного имперфектива тематическая гласная или сочетание *aj* отсекаются и не входят в состав производящей основы.

Наиболее продуктивным является суф. *-ива-*. Фонетически он может выступать в двух вариантах:

1) -[ива]-: *а́ривать, бра́нивать, бе́ривать, бла́знивать, бе́гивать, ба́ливать/бо́ливать, ба́иваться, бе́ливаться, бора́нивать, бинта́иваться, бло́ивать, бля́ивать, вола́кивать, выга́нивать, выга́ривать, выпу́скивать, ви́згивать, ва́ливать, ва́ривать, ва́зивать, ве́ивать, вора́ивать, воро́ивать, воро́вывать, воря́ивать, ва́ивать, воя́ивать, ви́дивать, га́нивать, гу́ливать, гова́ривать, горю́ивать, да́ивать* (от *дои́ть*), *да́ривать, дра́иваться, жа́гивать, жа́ниваться, жа́ривать, заде́ивать, заво́дивать, зага́нивать, зага́ривать, замы́киваться, ку́пливать, ма́нивать, мы́ивать, матю́кивать, наста́вливать, па́ивать, па́хивать, пла́кивать, пересда́ивать, прода́ивать, поку́пливать, прога́нивать, пережи́гивать, промы́шливать, подга́ривать, пробе́гивать, присы́вливать, плю́ивать, ра́бивать* (от *ро́бить*), *ру́гивать, слы́хивать, сту́кивать, ста́ивать, сма́тривать, спа́ривать, су́ивать, та́скивать, те́риваться, уга́нивать, уда́ривать, хора́нивать, целу́иваться;*

2) -[ыва]-: *бу́дывать* (от *буди́ть*), *бора́нывать, бра́сывать, бле́вывать, би́рывать, вора́вывать, воя́вывать, воева́ть, ва́рывать, ви́дывать, воздымывать, выпа́дывать, высту́пывать, ве́рывать, вя́зывать, гля́дывать, га́дывать, де́лывать, ду́мывать, е́здывать, зале́зывать, запи́рывать, и́грывать, ка́рзывать, ку́пываться, ла́мывать, ле́тывать, ма́зывать, отре́зывать, отпа́дывать, обе́дывать, па́дывать, пря́дывать, поку́пывать, поми́нывать, пра́бывать, роба́тывать, ре́зывать, соби́рывать, сно́вывать* (от *снова́ть*), *тя́сывать, та́нывать, хля́бывать, чи́тывать.*

Есть ряд вторичных имперфективов, образованных от глаголов, конечный предвокальный согласный которых — шипящий или аффриката: *волáчивать, воráживать, вéнчиваться, вéшивать, грéшивать* (от *грешить*), *дя́рживать, крýживаться, кáчивать, кýшивать, ля́живать, мéшиваться, наря́живаться, проéзживать, подя́рживать, слýчиваться, тáчивать, ýчиваться.* Поскольку в архангельских говорах не существует корреляции шипящих и аффрикат по твердости—мягкости и возможность выбора -[ива]- или -[ыва]- отсутствует, то мы выделили эти глаголы в отдельную группу.

Наконец, еще одна группа — глаголы с чередованием конечной предвокальной согласной основы производящего слова перед суф.: *блýживать, бáшиваться, бýживать, брáживать, вóживать / вáживать* (от *возúть*), *вáживать* (от *водúть*), *выхáживать, вывáживать, верéживать, вúживаться, гáщивать, дáвливать, éзживать, захáживать, крáшиваться, кáшивать, кáрмливать, колáчивать, кипя́чивать, кáживать, лýпливать, лáвливать, молáчивать, нáшивать, ночéвливать, отнáшивать, принáшивать, перевáживать, прихáживать, прáшивать, прáвливаться, пробывливать* (от *прóбовать*), *рýбливать, ря́живать, рáбливать, рáщивать, сúживать, сéрживаться, тáпливать, хáживать, храмливать.*

Выбор гласного с суффиксе ([и] или [ы]), как правило, зависит от твердости/мягкости конечного предвокального согласного основы производящего слова. Если этот согласный твердый, то суффикс выступает в виде -[ыва]- (например, *тонýть* (*тóнут*) — *тáнывать, отрезáть,* (*отрезают*) — *отрéзывать,* если же он мягкий (в том числе и *j*), то суффикс выступает в виде -[ива]- (например, *болéть* (*болéю, болю́*) — *бáливать, заводúть* (*завóдят*) — *завóдивать.* Строгое исключение составляют глаголы с конечной предвокальной согласной заднеязычной, где суффикс всегда обретает вид -[ива]-: *пережúгивать, замы́киваться, волáкивать, пáхивать.*

Как сказано, выбор гласного в суффиксе диктуется согласным основы, к которому этот суффикс присоединяется. Суф. *-ива-*, если он присоединяется к мягким губным и зубным, влечет за собой чередование губных с сочетанием "губной + *л'*" и зубных с шипящими и аффрикатами: *кормúть — кáрмливать, басúться — бáшиваться* и т.п. Это происходит только в том случае, если губная или зубная фонема основы производящего слова — мягкая. Если же она твердая, то чередования не происходит и суффикс имеет вид -[ыва]-: *выступáть—выстýпывать, тесáть—тя́сывать* и т.п. Сосуществование в говорах таких форм, как *вúдывать* и *вúживаться,* не противоречит идее о том, что выбор суффикса диктуется согласным основы, так как допустимо, что производящей в первом случае послужила основа глагола *видать* (с твердым согласным), а во втором — основа глагола *видеть* (с мягким согласным). Формы *храмливать* и *гля́дывать* также объяснимы: в говорах существуют глаголы *хромить* и *глядать.*

Однако есть и исключения: *бýдывать* (от *будить,* глагола *будать* АОС не отмечает), *боráнывать* (от *бороновать*), *éздывать* (от *ездить*). Формы *покýпывать* и *покýпливать, кýпливать* восходят, соответст-

венно, к *покупать* и *(по)куплять*, т.е. сочетание *пл'* во втором и третьем случаях идет из производящего глагола.

Суф. *-ва-* активно работает при образовании вторичного имперфекта от непроизводных односложных глаголов с основой на корневую гласную. Здесь гласная производящей основы сохраняется: *бива́ть, брива́ть, вива́ть, грева́ть, дува́ть, жива́ть, лива́ть, мыва́ть, пева́ть, пива́ть, плыва́ть, рыва́ть* (от *рыть*), *шива́ть*.

Для образования втор. имперфектива используется также суф. *-а-*: *бира́ть, дира́ться, жина́ть, сыпа́ть, тыка́ть* (от *ткать*) *еда́ть, езжа́ть, ѣка́ть, плета́ть, тряса́ть*.

В первых пяти случаях производящий глагол уже имеет в своем составе суф. *-а-*, поэтому возникает необходимость в дополнительном средстве, отличающем производный глагол от производящего. Таким средством становится чередование *Ø//ы, Ø//и*. То, что это действительно дополнительное средство, т.е. что мы имеем дело с омонимичными суффиксами в производном и производящем, а не с одним и тем же суффиксом, доказывают другие формы (не инфинитива), например, императив *бира́й*, а не *бери́* (о парадигме в целом говорить нельзя, так как эти глаголы в наст. вр. употребляются редко (см. статью С.К. Пожарицкой в наст. сборнике)). Таким образом, в данном случае чередование играет не морфонологическую, а грамматическую роль, см. [4, с. 65].

О чередованиях гласных следует сказать особо. У всех производных глаголов при присоединении суф. *-ива-* наблюдается перенос ударения на слог, непосредственно предшествующий этому суф. (о левоударенности суф. *-ива-* в диахроническом аспекте см. [3, с. 148]).

У большинства слов, имеющих в основе производящего слова *о* в слоге, который оказывается предшествующим суф. *-ива-*, отмечен переход *о* в *а́* под ударением (*носи́ть—на́шивать, бинтова́ться—бинта́иваться, ро́бить—ра́бливать, ра́бивать* и т.п.), а также переход *'е* в *'а́*, где *е* не из **ě* после мягких (*держа́ть—дя́рживать, лежа́ть—ля́живать, подержа́ть—подя́рживать, жени́ться—жа́ниваться, блева́ть—бля́ивать*). Здесь *а*<**а*<**о*. Чередование это в древнейшую эпоху было фонетическим, перенос ударения вызывал удлинение краткого **ŏ*, который затем переходил в **а*. В современных говорах, как и в литературном языке, это явление морфонологизировалось, переход *о*>*а* обусловлен наличием суф. *-ива-*, о чем свидетельствует такая форма как *бинта́иваться*.

Чередование *о(е)//а́* отсутствует в следующих глаголах: *бо́ливать, воёвывать, воро́вывать, заво́дивать, сно́вывать, робо́тывать, блёвывать*. Переход *о* в *а́* осуществляется независимо от того, в какой части слова находится фонема <о> (в корне или суффиксе).

Согласно В.Г. Чургановой, для литературного языка существуют следующие ограничения чередования *о//а* перед имперфективным суффиксом: "1) Замена не происходит в том случае, если перед морфонемой *о* находится мягкий шипящий или j ... 2) Замена не происходит в том случае, если после морфонемы *о* стоит v (но не v'!)" [5, с. 220] "Когда образующий глагол несет ударение на корне (исходной основе), в большинстве случаев чередования не происходит: *растрево́жить—растре-*

во́живать... Однако в ряде имперфективов и при этом условии производится замена *о* на *а*: — *строить—стра́ивать*... Часто формы с заменой являются вариантами к имперфективам без замены: *удво́ить—удва́ивать* (норм.) и *удво́ивать*" [5, с. 220—221].

Таким образом, если "примерить" ограничения, действующие в литературном языке, на диалектные системы, то можно сказать, что здесь они распространяются на следующие случаи: *воёвывать, блёвывать, сно́вывать*, где в производящей основе после *о* стоит *в*. Однако диалектные системы допускают и варианты *воя́вывать, вора́вывать* с чередованием *о*//*а́*.

Здесь же, в разделе о чередованиях гласных, следует еще раз упомянуть о глаголах *сыпа́ть, тыка́ть, дира́ться, бира́ть, жина́ть*, а также *бе́ривать, жа́гивать*. С точки зрения диахронии это чередования одного порядка — чередования редуцированных и кратких гласных с долгими: "Формы с долгими гласными, дававшими впоследствии *у*(*ы*), *i*, использовались в дальнейшем для выражения более длительного и повторяемого действия, подобно тому, как использовались для выражения этих же отношений и долгие гласные *ѣ́* (по отношению к *е*), *а* <*о́* (по отношению к *о*)" [4, с. 71]. Именно такое действие исторически обозначали рассматриваемые нами глаголы. Такое чередование было и в случае *лете́ть — лета́ть*, где в первом случае корневое *е* из **е*, а во втором — из **ѣ́*, т.е. **е*//**ѣ́*. Это чередование, кстати, служит доказательству того, что встреченный в говорах глагол *ле́тывать* образован не от *лете́ть* (с **е*), а от *лета́ть* (с **ѣ́*), уже имеющего имперфектное значение. Если бы он был образован от *лете́ть*, произошло бы чередование *о*//*а́* перед *-ива-* или же *о* после мягкого осталось бы без изменений, т.е. глагол выглядел бы как **ля́тывать* или **ле́тывать*.

Этот же пример может служить доказательством того, что выбор гласного в суф. зависит от твердости/мягкости согласного основы производящего слова.

Этот частный случай, как нам кажется, подтверждает мысль о том, что разбираемые нами глаголы действительно являются **вторичными** имперфективами, а не параллельными образованиями глаголам со значением имперфекта.

III. Рассмотренный материал показывает, что наиболее продуктивным суффиксом при образовании вторичных имперфективов является суффикс *-ива-*, вариантом которого можно считать суф. *-ва-*, и менее продуктивным — *-а-*. Бо́льшее количество морфологических трансформаций связано с суф. *-ива-*. Это чередование мягких конечных предвокальных согласных производящей основы и чередование гласных слога, предшествующего суф. *-ива-*. Чередование гласных происходит и при присоединении суф. *-а-*.

Такие чередования в современных диалектах, ставшие морфонологическими, — рефлексы древних фонетических чередований. Утратив свои фонетические корни, система чередований очень хорошо сохранилась в говорах (как, впрочем, и в литературном языке). Но есть и свидетельства разрушения ее — отсутствие чередования (как гласных, так и согласных). В отличие от литературного языка, в говорах

фиксируется больше отклонений от системы. Это объясняется, с одной стороны, тем, что устная речь носителей литературного языка испытывает влияние кодифицированной письменной речи, тогда как на диалектную речь это влияние не столь сильно, с другой — тем, что в "литературной" РР также есть "оговорки", которые, однако, исследователи отбрасывают при анализе текстов ЛЯ, в то время как в диалектном тексте каждую "оговорку" мы считаем фактом диалектного языка.

ЛИТЕРАТУРА

1. Архангельский областной словарь / Ред. О.Г. Гецова. М., 1980—1987. Вып. 1—5.
2. *Зализняк А.А.* Грамматический словарь русского языка. М., 1977.
3. *Зализняк А.А.* От праславянской акцентуации к русской. М., 1985.
4. *Кузнецов П.С.* О возникновении и развитии звуковых чередований в русском языке // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. 1952. Т. 11, вып. 1.

Ю.С. АЗАРХ

КОНТАМИНАЦИЯ В ДИАЛЕКТНОМ СЛОВООБРАЗОВАНИИ

Контаминация языковых единиц характерна для разговорной и диалектной речи. Скрещение производных слов — семантических дублетов — нередкое явление при интенсивных междиалектных контактах, а также при активном взаимодействии диалекта и литературного языка. Результаты контаминации производных слов отражены в материалах и на картах ДАРЯ и ОЛА, которые и послужили источником для написания статьи.

Контаминированные единицы (контаминаты) отличаются от новообразований, возникших в результате морфологического, или аффиксального словообразования. Во-первых, контаминация — обычно скрещение двух достаточно частотных в речи полностью или частично синонимичных и грамматически однотипных лексем либо словосочетаний. При аффиксации производные в момент своего порождения семантически и формально связаны с одним производящим — словом или словосочетанием. Во-вторых, контаминаты в единичных случаях становятся образцом для формирования регулярных словообразовательных моделей. У аффиксальных производных идет постоянный процесс сложения новых моделей и вычленения новых словообразовательных морфем. В-третьих, появление контаминированных единиц в языке случайно и не предсказуемо [11 s. 256—7]. Полная или частичная синонимия обусловливает лишь возможность скрещения слов или словосочетаний. Реализация этой возможности происходит сравнительно редко и является нарушением действующей нормы употребления, узуса. Аффиксальные производные принадлежат всегда к словам потенциальным, так как они создаются по образцу функционирующих моделей или воспроизводимых, производных и членимых слов. В-четвертых, контаминаты семантически тождественны исходным взаимодействующим единицам. Аффиксальные производные, за исключением синтак-

сических дериватов и универбатов, не являются дублетами производящих. В-пятых, грамматическое значение и синтаксические функции у скрещивающихся единиц одинаковы. Синтаксические дериваты отличаются от производящих частеречной принадлежностью. У суффиксальных универбатов производящей является основа прилагательного в исходном словосочетании. Наконец, словообразовательная структура контамината обычно индивидуальна и может не соответствовать норме употребления. Окказионализмы среди аффиксальных образований редки.

При длительном сосуществовании продуктивных словообразовательных типов с одинаковыми словопроизводственной базой и словообразовательным значением (СЗ) производных возможно их скрещение. В русском языке регулярная контаминация отмечается лишь у модификационных словообразовательных типов. Стандартность, предсказуемость СЗ при модификации способствует преобразованию ряда однотипных контаминатов в регулярную словообразовательную модель. При этом у контаминированного словообразовательного типа актуализируется обычно одно из совмещенных частных СЗ, присущих взаимодействующим типам. Контаминация словообразовательных типов — процесс длительный. Формальной приметой контаминированных словообразовательных типов является различие морфемного состава основы в разных словоформах лексемы. Подобное различие не обусловлено действующими в синхронии фонетическими или морфологическими закономерностями [3].

Например, замена в памятниках XV—XVI вв., отражающих живую речь, в ед. числе образований с суф. *-ат-* типа *теля* их дублетами с суф. *-еньк-* типа *теленокъ* была вызвана несколькими причинами. Образования типа *теля* противоречили уже в древнерусский период сложившейся норме распределения стилистически нейтральных одушевленных имен между м. и ж.р. Кроме того, сущ. с суф. *-ат-* в древнерусской письменности семантически тождественны производящим. Суф. *-ат-* является формативом, указывающим на словоизменительный класс производного. Не имеют модификационного СЗ невзрослости дериваты этого типа не только в древнерусских, но и в старославянских текстах [1; 4, с. 202].

Имена с суф. *-ат-* и *-еньк-* в памятниках XI—XVII вв. встречаются в нескольких контекстно-зависимых модификационных значениях. Это СЗ уменьшительности, ласкательности, уничижительности. Кроме того, сущ. на *-еньк*ъ свойственно и значение единичности, определенности, а словам на *-ата* во мн. числе — значение собирательности. Аналогичные значения отмечаются у подобных образований и их словоформ и в современных русских говорах [2]. Памятники XV—XVII вв. отражают регулярность собирательного значения у слов типа *телята* во мн. числе. Это, видимо, связано с убыванием употребительности в живой речи словоформ ед. числа у имен этого типа. Идентичность словопроизводственной базы у образований типа *теля* и *теленок,* а также полная их синонимия при тождестве корня привели к контаминации этих типов. Сначала между образованиями с суф. *-ат-* во мн. числе и с суф. *-еньк-* в ед. числе устанавливается оппозиция

по признакам собирательность/единичность. Позднее они становятся словоформами одной лексемы. При этом у контаминированного словообразовательного типа актуализируется модификационное СЗ невзрослости, которое первоначально было контекстно-зависимым, т.е. было свойственно образованиям, корень которых имел это значение, либо последнее подчеркивалось определением или приложением [1].

При мутационном или транспозиционном СЗ производных возможна контаминация лишь отдельных разноаффиксальных лексем, а не словообразовательных типов. Это обусловлено прежде всего тенденцией к дополнительному распределению словопроизводственной базы у активных моделей с указанными СЗ. Дублеты различных словообразовательных типов при мутации и транспозиции, как правило, регулярны в разных языковых системах, достаточно удаленных друг от друга во времени и/или в пространстве. В синхронии подобные дублеты отмечаются обычно в разных функциональных стилях литературного языка или в разных частных диалектных системах (ЧДС).

Контаминация производных лексем в говорах связана с тенденцией к семантической и структурной прозрачности диалектного слова, а также со специализацией словообразовательных моделей определенных ЛСГ. Скрещение дублетов с разным морфемным составом основы чаще наблюдается у однокоренных слов. Контаминация поддерживается в этом случае тождеством корня, а также обобщенностью семантики словообразовательных морфем, прежде всего суффиксов. Контаминаты однокоренных образований могут иметь в современных говорах обширную зону распространения и достаточно четкий ареал. Контаминаты разнокоренных лексем, как правило, отмечаются лишь в единичных ЧДС, обычно там, где проходит граница территорий распространения взаимодействующих дублетов. Рассмотрим наиболее типичные для диалектной речи случаи скрещения производных слов.

1. Замена непродуктивного суффикса. При сосуществовании однокоренных разноаффиксных дублетов к производящей основе одного из них присоединяется более продуктивный для данной ЛСГ суффикс одного из дублетов, заменяя непродуктивный для производных этой ЛСГ суффикс. Это наиболее частый случай при скрещении суффиксальных существительных. Контаминат при этом сохраняет структуру производящей основы, типичной для образований с утраченным суффиксом.

Например, для ряда русских говоров характерна диссимиляция суффиксального *-н-* производящей основы перед суф. *-ник*. Это широко распространенное явление не имеет четкой локализации в синхронии. Лексемы типа *брате́льник* ‘брат’, ‘двоюродный брат’, ‘родственник’ ← *брате́нник* ← др.-рус. *братеньникъ* отмечаются в говорах северного и южного наречия на территории как первичного, так и вторичного заселения. По данным ОЛА, *пе́сельник* и *пе́сельница* встречаются на картографируемой в этом атласе территории русских говоров чаще, чем исходные *песенник* и *песенница*. Контаминаты *пе́сельщик* и *пе́сельщица* отмечаются в единичных нас. п., обычно в сосуществовании с дублетами *песельник* и *песельница*. Сохранение *-л'-* в финали производящей

основы перед суф. *-щик* — результат замены последним суф. *-ник*. Суф. *-щик* в современных говорах продуктивен не только при деривации наименований лиц по прфоессии, занятию, но и по их склонности к определенному действию, особенностям поведения. Конкуренция наименований лиц с суф. *-ник* и *-щик* характерна для русских говоров северной и западной диалектных зон в соответствии с членением русского языка, разработанным К.Ф. Захаровой и В.Г. Орловой [5]. Производные на *-льщик* закономерны при их формально-семантической соотносительности с глаголом, а не с существительным.

Другой пример. В результате скрещения общерусского *петух* и диалектных *певу́н, пе́у́н* возникло *пету́н,* распространенное в сосуществовании с *петух* в северо-западной диалектной зоне [6]. Контаминат *петун* на северо-восточной границе своего ареала соседствует с зоной распространения лексем *певун, пеун,* характерных для белозерско-бежецких и западной половины говоров костромской группы. Зона распространения в современных говорах слова *петун* близка к историческим границам Новгородской земли XIV—XV вв. [8]. Это слово известно и русским старообрядцам, переселившимся со Псковщины в Польшу в XVII—начале XVIII вв. [12]. Можно предполагать, что ареал лексемы *петун* формируется не позднее XV в., когда активизировались контакты между Новгородом, Псковом, с одной стороны, и Москвой, с другой. При распространении из современных говоров Центра на северо-запад лексемы *петух* непродуктивный для сущ. м.р. суф. *-ух* заменялся суф. *-ун*. Последний регулярен в деривации имен по характерному интенсивному процессуальному признаку. Сохранение контаминатом производной основы *пет-*, возможно, поддерживалось тем, что аналогичная основа *пе(в)-* типична в русском языке для наименований лиц: *певец, певун, певчий/певица, певунья, певчая* и диал. *певуха, певуша,* един. *певка.* Не исключено и воздействие на сохранение основы *пет-* широко распространенного зоонима *Петя.*

На границах ареалов лексем *наседка* и *седу́ха* 'курица-наседка' отмечается их дублет *насе́духа* (Зап. карта 425). Лингвогеография и акцентологический облик слова *наседуха* указывает, что оно — результат скрещения лексем *наседка* и *седуха.* Для девербативов на *-уха* характерно ударение на суффиксальном гласном. Суф. *-к(а)* продуктивен в разговорной и диалектной речи в деривации наименований лиц и животных женского пола.

Реже замена непродуктивного суффикса наблюдается при контаминации разнокоренных дублетов. Например, *жни́ще* 'сжатое поле' отмечается на Северо-Западе, там, где контактируют ареалы лексем *жни́ва* и *ржи́ще* 'то же' (ДАРЯ). Замена суф. *-ив-* обусловлена его непродуктивностью у названий пространств. Десубстантивы на *-ище* — наименования места регулярны в современных говорах Центра и северной диалектной зоны. Они являются дублетами имен с тем же значением: *жнивище* ~ *жниво/жнива, жилище* ~ ст.-рус. *жило, ловище* ~ др.-рус. *ловъ* и т.п. В памятниках письменности и говорах отсутствует девербатив с нулевым суффиксом и пространственным значением от основы *-жн-/-жа-*. Вероятно, *жнище* — контаминат лексем *жнива* и *ржище.*

Слово *кутер(ь)га́* 'вьюга' ирбит., тотем. (СРНГ вып. XVI) считается вариантом девербатива *куторга́* перм. ← **ку-торгать* (Фасмер II, с. 435). Предполагаемый производящий глагол не отражен в известных мне памятниках письменности и диалектологических материалах. По данным ДАРЯ, слово *кутер(ь)га* употребляется в говорах северной половины ладого-тихвинской группы, а также в некоторых вологодских и пермских говорах, причем в последних бытует и вариант *куторга* (СРНГ). Можно полагать, что *кутер(ь)га* — результат скрещения лексем *кутер(ь)ма*/ вариант *кутер(ь)ба* и *пурга*. Заимствование из карельского *пурга* (Фасмер III) широко распространено в севернорусских говорах. Слово *кутер(ь)ма* 'вьюга', видимо, заимствование (Фасмер II), причем оно распространено в севернорусских говорах гораздо шире своего дублета *кутер(ь)га* (С. карта 459; СРНГ). *Кутер(ь)ма* 'вьюга' употребительно и в соседних с севернорусскими среднерусских говорах. Девербативы ж.р. с нулевым суффиксом не имеют в русском языке нафлексийного ударения: ср. *зажи́га* ← *зажигать, расстри́га* ← *расстригать* и т.п. Ударение на флексии характерно для имен с суф. *-г(а)* и заимствований на *-га*: ср. ст.-рус. и диал. *шульга́* 'левая рука' ← *шуйга́* — др.-рус. *шуи* 'левый'; диал. *нудьга́* 'нужда' ← *нуда́* 'то же'; заимствования *деньга, кабарга, тайга, цынга* и т.п. И ареал, и акцентный облик слова *кутер(ь)га* скорее указывают, что это не девербатив, а контаминант.

По данным ДАРЯ, лексемы *(с)кри́ны/кры́ны* 'льдины' известны в юго-западной диалектной зоне на стыке ареалов их дублетов *кри́ги/кры́ги* и *льдины*. В современных говорах не сохранилось др.-рус. *кра/* мн. *кры* 'тонкий лед, плывущий по реке'. В южнорусских говорах отмечается дериват от *кра крига/крыга* с увеличительным суф. *-иг(а)*. В современных центральных говорах и литературном языке утвердилось характерное для северного наречия слово *льдина*. Его ареал в современных говорах постоянно расширяется в связи с воздействием на говоры литературного языка. В псковских и тверских говорах, где регулярны дублеты производящих слов и модификаты с суф. *-ин(а)*, в прошлом (записи XIX в.) употреблялось слово *крина* 'большая льдина'. Можно предположить, что в юго-западной диалектной зоне лексемы *(с)крины, крыны* — результат скрещения исконных для этой зоны слов *криги/крыги* с инновацией для говоров этой территории *льдины*. При контаминации произошла замена непродуктивного в синхронии суф. *-иг(а)*. Вариантность корневых *-р-/-р'-* характерна для южнорусских говоров. Здесь бытуют *крывда, крывуля, крыница, крычать* и т.п.

2. Присоединение к производной суффиксальной основе второго суффикса. Это явление чаще отмечается при сосуществовании однокоренных разноаффиксальных дублетов. Второй суффикс обычно является продуктивным для слов той ЛСГ, к которой принадлежат взаимодействующие дублеты. Например, в северной диалектной зоны распространено название рукояти косы *косьё*. Это производное с праслав. суф. *-ьj-* от видового названия орудия. При расширении ареала дублета *косовище* последнее, распространяясь на исконной для лексемы *косьё* территории, преобразуется в варианты *косьёвище, ко́сьёви́ще,*

косьéище. Это результат расширения основы *косj-* суф. *-овищ(е)*. *Косовище* восходит к словосочетанию **косово древко* (*ратовище, цевье*). Следы относительного прил. **косовый* мы находим в производных универбатах *косов-úл(о)* свердл., *косов-úлин(а)* и *косов-úлищ(е)* калин., *косóв-ин(а)* сиб. 'рукоять косы'; *косов-иц(а)* 'покос', 'время сенокоса'; *косов-úщ(е)* 'коса' ср.-урал. и широко распространенное 'рукоять косы', 'покос' калин. (ДАРЯ, СРНГ).

Суф. *-овищ(е)* регулярен у наименований рукоятей орудий и приспособлений в говорах северной диалектной зоны и Центра. Дериваты данной ЛСГ с этим суффиксом отражены в деловой письменности с XV в. Тенденция к семантической прозрачности производного слова в диалектной речи поддерживает присоединение к основе *косj-* второго суффикса. Образования с суф. *ьj-* → *-j-* от существительных в массе своей в древнерусский и старорусский периоды являются собирательными именами. Категория собирательности и модель собирательных на *-ье* сохраняют продуктивность в северной диалектной зоне. Наименования рукоятей от видовых названий орудий и приспособлений имеют мутационное СЗ. Они обозначают часть целого, названного производящей основой. Мутационное СЗ устойчиво при противопоставлении грамматического и лексического значений членов словообразовательной пары. Производящее и производное при мутации должны принадлежать либо к разным частям речи, либо к разным лексико-грамматическим разрядам одной части речи. Этим обусловлена смена словопроизводственной базы у названий рукоятей от видовых наименований орудий и приспособлений. Древнейший пласт производных этой ЛСГ в славянских языках представлен десубстантивами типа *косьё, топорище, цепúще*. Более поздними являются универбаты относительных прилагательных от видовых названий орудий и приспособлений в сочетании с родовыми наименованиями рукоятей. Это либо субстантивированные прилагательные типа *грабúльно́, грабúльна, грабúлень, грабúльня*, либо суффиксальные образования типа *кнутовьё, кнутовище, кнýтни́к*.

По данным ДАРЯ и ОЛА, десубстантивы у названий видов рукоятей сохранились не как регулярная словообразовательная модель, а в качестве ареалов отдельных лексем с несовпадающими в современных говорах ядром и периферией даже у образований с одинаковыми формантами. Например, *косьё* в современных русских говорах не имеет сплошной зоны распространения: оно распространено в северо-восточных вологодских говорах, в юго-западных говорах той же группы, причем эти ареалы разделены территорией, где употребительны дублеты *косьёвище, кóсьёвúще, косьéище, косёвище, косовúще*. Далее *косьё* характерно для костромской группы, кроме говоров бассейна рек Унжи и Ветлуги, и соседних с костромскими бежецких и тверских говоров; островные ареалы слова *косьё* представлены в восточных среднерусских акающих говорах, в юго-восточной диалектной зоне, затем обширный ареал лексемы *косьё* продолжается в центре южной и в юго-западной диалектной зоне, в южной половине белорусских говоров и в говорах украинского языка; островной ареал этой лексемы известен на северо-западе Югославии. Собирательное

сущ. *косьё* не отражено в известных мне памятниках письменности и диалектологических материалах. Десубстантивы на *-ище* единичны в современных русских говорах у видовых названий рукоятей. Исключением является *топорище*, типичное для русского и белорусского языков, большинства украинских говоров, известное и северо-западным говорам Югославии.

По данным ОЛА, в говорах русско-белорусского пограничья, там, где расширяется ареал модели названий рукоятей на *-ище*, отмечаются случаи присоединения суф. *-ищ(е)* к основам первичных субстантиватов относительных прилагательных от названий орудий на *-ило*. Так возникают инновации типа *грабúльнúще*, *цепúльнúще* в результате скрещения однокоренных образований на *-ильнó/-úльна/-úльня/-úл(е)нь* и на *-ище*.

Лексема *жневéльник* 'сжатое поле' отмечается на границе ареалов дублетов *жнéвень* и *жнéвник* в южной диалектной зоне (ДАРЯ). Перед вторым суф. *-ник* происходит диссимиляция *-н-* → *-л'-*. Суф. *-(е)н'-* непродуктивен в современных южнорусских говорах у наименований открытых пространств. Суф. *-ник* регулярен у образований этой ЛСГ во всех русских говорах. Контаминатом дублетов *жнúвня/жнúвень* и *жнúвник* 'сжатое поле' является и единичное *жнивéнник* (Зап. нас. п. 562 в верховьях Угры). *Жнивнё* 'сжатое поле' представляет собой, видимо, результат скрещения дублетов *жнéвень/жнéвня* и *жнивьё* на границе ареалов этих лексем в южной диалектной зоне (Ю. нас. п. 680). Для южнорусских говоров модель названий открытых пространств типа *жнивьё* является живой. Лексема *жнéвенье* (Ю. нас. п. 274 в междуречье верховьев Оки и Сосны) — контаминат дублетов *жнéвень* и *жнéвье* на стыке их ареалов. Слово *жнивéтник* 'сжатое поле' (Зап. нас. п. 350 северо-восточнее г. Белый) обязано своим появлением скрещению дублетов *жнúветь* — *жнúведь* и *жнúвник*. Лексема *жúтва* 'сжатое поле', скорее всего, — результат скрещения севернорусского *жить*, единичного в современных говорах, и широко распространенного *жнúва*. Не исключено, что *житва* — первичное собирательное с суф. *-в(а)* и вторичным пространственным значением. Ударение на корне у слова *житва*, в отличие от нафлексийного ударения собирательных на *-ва*, объясняется, видимо, сосуществованием в ЧДС дублетов *житва* и *жнива*, *житва* и *жатва*, *житва* и *жнитва*.

В единичных говорах отмечаются лексемы, основа которых, бессуффиксальная в синхронии, расширена суффиксом их полного или частичного лексического синонима. Подобные контаминаты встречаются на стыке лексических ареалов. Например, в результате скрещения слов *дежá* и *пирóжница* 'посуда, в которой растворяют тесто для хлеба' появляется *дежнúца*. Последнее отмечается и при сосуществовании в говоре дублетов *дежа* и *хлéбница* (Зап. карта 356; Вост. карта 187).

3. Распространение основы приставкой или приставкой и суффиксом. Это явление наблюдается при уподоблении одной лексемы другой, более частотной в говоре, мотивированной и семантически прозрачной. Контаминаты этого типа единичны и отмечаются на границах лексических ареалов разнокоренных дублетов. Например, *óзель* (Зап.

нас. п. 141) — результат взаимодействия дублетов *о́зимь* и *зель* 'всходы зерновых'. *О́зелень* 'то же' отмечается на стыке ареалов лексем *озимь* и *зелень* (Зап. нас. п. 448, 481). Утвердившееся в литературном языке *озимь* отражено с XVI в. в памятниках с территории современных говоров Центра и Северо-Запада. Оно стало образцом для диалектных *зель* и *зелень* в том же значении.

Слова *при́гнет, пригнёт, пригнётка* 'жердь для скрепления на возу сена, снопов' встречаются там, где в соседних говорах бытуют дублеты *при́жим, при́тисок, прижи́мка* (С. карта 400). Префиксальные и конфиксальные инновации с корнем *-гнет-* возникают по образцу семантически прозрачных образований с корнями *-жим-* и *-тиск-*. В современных говорах слово *гнёт* в указанном значении распространено шире производящего глагола *гнести* 'давить', 'придавливать', 'пригибать' (СРНГ). Глагол в указанных значениях считается устаревшим словом в ряде говоров.

4. Замена приставки. Контаминаты этого типа единичны и отмечаются на границах ареалов разнокоренных дублетов. Например, в северо-восточных вологодских говорах сосуществуют исконное для этой территории *повали́ха* и инновация *повариха* 'каша из муки'. Последнее, вероятно, является контаминатом дублетов *повалиха* и *завари́ха,* характерного для юго-восточной половины говоров северной диалектной зоны. При расширении ареала семантически прозрачного слова *завариха* на север его уже "темный" семантически для современного языкового сознания дублет *повалиха* заменяется дублетом *повариха* (С. карта 374). Замена приставки возможна при идентичности суффиксов взаимодействующих лексем.

5. Уподобление звукового облика дублетов. Контаминаты этого типа — результат скрещения разнокорневых дублетов с одинаковыми формантами. Например, в юго-западной диалектной зоне на границе ареалов лексем *ржёвник* и *жни́вник* 'сжатое поле' появляется контаминат *ржи́вник* (Ю. карта 274). Вероятно, и *ржевник* 'то же' в говорах этой территории возникло по образцу *жнёвник.* Образования *ржни́вище, ржнёвище, ржанёвище* 'сжатое поле' известны там, где соседствуют ареалы их дублетов *ржище, ржа́ни́ще* и *жни́ви́ще, жнёвище.* (Зап. карта 398). Утрату гласного в основах *(а)ржн-* ~ *ржан-* вряд ли можно объяснить редукцией безударного гласного. Образования с подобной редуцированной производящей основой отмечаются лишь при сосуществовании с дублетами *жнивище, жневище.* Единичное *ржёвень* отмечается на границе ареала лексемы *жнёвень* 'сжатое поле' (Ю.карта 273). *Жито́вник* 'то же' (Вост. нас. п. 282) бытует в соседстве с дублетом *жнито́вник* ~ *жнитовный* ~ *жни́тво́.* Закономерным от *жито* было бы образование *жи́тник,* известное в значении 'сжатое поле' в южнорусских говорах.

Слово *голя́нки* 'рабочие рукавицы из холста, кожи' появилось, видимо, по образцу производных той же ЛСГ *кожа́нки, портя́нки, холстя́нки* и т.п. универбатов словосочетаний относительных прил. от названий материала изготовления и родового наименования рукавиц. В результате аналогии закономерное *го́лки* ~ *голые рукавицы* преобразовалось в *голянки* при отсутствии прил. *голяный.*

В говорах отмечается уподобление звукового облика дублетов со связанным в синхронии корнем. У подобных лексем возможна и утрата членимости и производности. Например, по данным ДАРЯ, в северо-западной диалектной зоне на стыке лексических ареалов *мураши́* и *щукаши́*, *мураши* и *ссáкуши*, *мураши* и *силя́куши* 'муравьи' появляются контаминаты *мурáкиши*, *мурáкуши*. Присоединение морфов *-ки-* и *-ку-*, разделяющих суф. *-аш-* у слова *мураши*, облегчается связанностью корня *-мур-* и членимостью взаимодействующих дублетов, а также непродуктивностью суф. *-аш*. В западной диалектной зоне на границе лексических ареалов *мурáшки* и *комари́* 'муравьи' возникают контаминаты *комурáшки* (С.-Зап. карта 203; Зап. карта 446).

6. Сложения, сращения и составные наименования. В материалах ДАРЯ контаминаты этих типов единичны. При скрещении достаточно частотных и многозначных дублетов один из них может стать постоянным уточняющим приложением к другому. В результате возникают составные наименования. Например, слово *дуга* многозначно уже в древнерусский период. В значении 'радуга' оно известно во всех современных славянских языках [ДАРЯ; ОЛА; СРНГ; 10, с. 23—25]. С многозначностью слова *дуга* связано появление составных наименований и сращений типа *дугá-рáдуга*, широко распространенного в современных русских говорах (СРНГ; ДАРЯ); *рáдуга-дугá* в русских говорах Северо-Запада (С.-Зап. нас. п. 47, 48, 206), в муромских и горно-алтайских русских говорах (СРНГ); *дугá-рáй* калуж. и *дугá-рá* симб., корсун. (СРНГ).

Для современного языкового сознания семантическая соотносительность слов *радуга* и *рад* (Фасмер III) не является уже самоочевидной. Производное *радуга* с экспрессивным усилительным праслав. суф. *-уг(а)* могло быть образовано от сущ. *рада*. Олонецким говорам известны *рáда* и его производное *рáдушина* 'радость моя', 'милая' при обращении (Даль); ср. тернопольск. *рáда* 'радуга' [10, с. 30]. Н. И. Толстой полагает, что *радуга* может восходить к словосочетанию *рада дуга*, которое при скороговорке или в результате гаплологии дало составное наименование *дуга-радуга*, а затем сращение *радуга* [10, с. 52]. А. Преображенский считал, что *радуга* происходит от сложения *радодуга* [9, с. 172]. В известных мне древнерусских текстах слово *радуга* не отражено. Диалектное *райдуга* считается поздним образованием, возникшим в результате семантического сближения слов *рай* и *дуга* (Фасмер III). В старорусской письменности встречаются в значении 'радуга' словосочетания *божья дуга*, *дуга небесная* (СлРЯ XI—XVII вып. 4), в севернорусских говорах отмечаются в этом же значении *божья дуга* и *богова дуга* (СРНГ; ДАРЯ; 7). Частичная синонимия в старорусских текстах слов *небо* и *рай*, а также сращения и словосочетания с *рай* и *райский* 'яркий', 'пестрый' могли стать источником диал. *райдуга* ← *райская дуга* (ср. *рай-дерево* ← *райское дерево*) с последующим изменением фонетического облика этого образования: *райдуга* → *равдуга* → *радуга*. Забвение внутренней формы слова-сращения способствовало появлению составных наименований *радуга-дуга* и *дуга-радуга*. Это поддерживалось и формой называемой реалии. Общность морфа *-дуг-* в словах *райдуга*, *радуга* и *дуга*

облегчала вычленение *ра-* и *рай-* в качестве самостоятельных составных элементов. Отсюда и диал. *дуга-ра* и *дуга-рай*.

Возможно, результатом скрещения лексем *жни́тва́* и *ни́ва* 'сжатое поле' является их дублет *жни́тнива* (С. нас. п. 976, 981, 992, 993). В современных севернорусских говорах слово *нива* многозначно, оно может обозначать и 'росчисть под пашню', 'поле или поляну в лесу', 'сенокосное угодье', 'поле зерновых', 'залежь', 'пустошь' и др. (ДАРЯ, СРНГ). Это поддерживает замену лексемы *нива* контаминатом *жнитнива* при сосуществовании в ЧДС синонимов *нива* и *жнитва*.

Составные наименования отмечаются на границах лексических ареалов разнокоренных дублетов. Так, на стыке подобных ареалов появляются *горшок-молочник* (Зап. карта 359), *дёжка-хлебница* (Зап. карта 356).

7. Замена корня. Этот тип контаминации связан с явлением "народной этимологии". Немотивированное в синхронии членимое слово становится при замене корня семантически прозрачным. Подобные случаи отмечаются на периферии лексических ареалов слов со связанными в синхронии "темными" корнями. Например, на периферии ареала названий острия косы с корнем *-лез-* (*ле́зо́, ле́зво́, ле́зиво, ле́зево, ле́звиё, лезьё*), характерных для северо-западной диалектной зоны, в южной половине белозерско-бежецких, в восточной части калининских, в ярославских говорах отмечаются образования с корнем *-рез-* (*ре́зиво, ре́зево, ре́зьво́, ре́звие*). В северной половине говоров ладоготихвинской группы, в Пошехонье и соседних с ним вологодских говорах отмечается замена образований с корнем *-лез-* словами с корнем *-(в)остр-* (*востриё, востреё, остриё, остреё, востриво́, во́стрево*). При этом преобладают инновации с суф. *-ив-/-ев-*. Примером замены корня или части слова, осознаваемой при народной этимологии в качестве корня, может служить *питник* вместо *пикник* (В. Астафьев. Печальный детектив).

В явлении контаминации находят отражение такие активные для современного словообразования процессы, как множественность мотивации слова при его длительном функционировании; вычленение сложных формантов у слов с однотипной структурой; специализация словообразовательной структуры производных членов ЛСГ; рост продуктивности словообразовательных моделей, выделяющих тематические классы слов. Как правило, при скрещении языковых единиц происходит уподобление фонетическому облику или структуре той из взаимодействующих единиц, которая принадлежит к активной или более регулярной модели. При случайности контаминации в словообразовании ее результаты отражают тенденцию к сокращению в диалектной речи образований с непродуктивными аффиксами. Появление контаминатов на границах лексических ареалов или зон распространения разных синонимичных словообразовательных моделей указывает на динамику ареала, его расширение или сужение. При скрещении лексем изменению подвергается обычно слово непродуктивного, сокращающегося ареала.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Азарх Ю.С.* К истории словообразовательных типов названий детенышей и детей в русском языке // Общеславянский лингвистический атлас. Материалы и исследования. 1976. М.: Наука, 1978.
2. *Азарх Ю.С., Бурова Е.Г.* Об одной диалектной модели имен со значением невзрослости // Диалектография русского языка. М.: Наука, 1985.
3. *Азарх Ю.С.* О преобразовании словообразовательных отношений в словоизменительные в истории русского языка (асимметрия основ существительных в формах числа // Общеславянский лингвистический атлас. Материалы и исследования 1983. М.: Наука, 1988.
4. *Бернштейн С.Б.* Очерк сравнительной грамматики славянских языков. М.: Наука, 1974.
5. *Захарова К.Ф., Орлова В.Г.* Диалектное членение русского языка. М.: Просвещение, 1970.
6. *Липовская Н.А.* Диалектные названия петуха // Диалектологические исследования по русскому языку. М.: Наука, 1977.
7. *Мораховская О.Н.* Словник лексических карт ДАРЯ. Рукопись хранится в Институте русского языка АН СССР.
8. *Насонов А.Н.* "Русская земля" и образование территории древнерусского государства. М.: Изд-во АН СССР, 1951, гл. VI—VII; *Куза А.В.* Новгородская земля // Древнерусские княжества X—XIII вв. М.: Наука, 1975.
9. *Преображенский А.* Этимологический словарь русского языка, т. II. М., 1910—1914.
10. *Толстой Н.И.* Из географии славянских слов: 8. 'радуга' // Общеславянский лингвистический атлас. Материалы и исследования 1974. М.: Наука, 1976.
11. *Doroszewski W.* Kategorie słowotwórcze (Les katégories fondamentales de la structure des mots // Studia i szkice językoznawcze.
12. *Grek-Pabisowa J., Maryniakowa J.* Słownik gwary starowierców mieszkających w Polsce. Wrocław, 1980.

И.Б. КУЗЬМИНА

ОБ УПОТРЕБЛЕНИИ ЧАСТИЦ И СОЮЗОВ *ТИ, ЧИ* В РУССКИХ ГОВОРАХ

(по лингвогеографическим материалам)

Фиксация вопросительных частиц и разделительных союзов *ти, чи* предусматривается "Программой" ДАРЯ [4] и "Вопросником" ОЛА [1]. Материалы атласов показали, что частицы и союзы *ти, чи,* известные еще древнерусскому языку, характерны для той части русских говоров, которая примыкает к говорам других восточнославянских языков, — для южнорусских говоров на западе и юго-западе РСФСР: *ти* употребляется по преимуществу на территории, соседней с БССР, *чи* — главным образом на территории, соседней с УССР[1]. (Как известно, частица и союз *ти* или *ци*[2] распространена в белорусских говорах, частица и союз *чи* — в говорах украинских, а также белорусских.) Отдельные случаи употребления *ти, чи* отмечаются и в других говорах — бóльшая часть фиксаций относится к территории севернорусских говоров

[1] Изогласса распространения частиц и союзов *ти, чи* представлена в статье И.Б. Кузьминой и Е.В. Немченко [3, с. 109].

[2] *Ци Е.Ф.* Карский квалифицирует как фонетический вариант *ти* [2, с. 452—453].

костромской группы и среднерусских владимирско-поволжских (материал по средне- и севернорусским говорам приводится в конце статьи)[3]. Две названные функции *ти, чи* не всегда могут быть четко разграничены, поэтому при группировке материала представляется целесообразным идти не от функций *ти, чи,* а от условий их употребления.

Конструкции с *ти, чи* могут быть разделены прежде всего на две части: конструкции, в которых *ти, чи* употребляются не при однородных членах, и конструкции, где *ти, чи* употребляются при однородных членах. Остановимся сначала на первых. В конструкциях без однородных членов *ти, чи,* как правило, выступают в роли вопросительных частиц, ср.: *ти близко же вы ягоды собирали?* (Дивны Себеж. Великолук.)[4]; *ти будем ботвинью делать? ти траву рвала? ти я знаю?* (Барино Октябр. Великолук.); *ти нашли? ти не пять лет ему? ти ходил Коля в грибы?* (Козилово Холм-Жирков. Смол., ОЛА); *ти не влезешь сама? ти нашли мою дочку? ти мне жалко?* (Малое Загорье Касплян. Смол.); *ти я не здешня уроженка?* (Старое Мутище Ельн. Смол.); *ти дойдеть дождь до нас? ти не работать поехал? ти ты не чуешь?* (Найтоповичи Унеч. Брян.); *ти ты ходила разумши? ти поздно поехали? ти малого послать? ни картохи нема? ти это хлеб?!* (Княжичи Жирят. Брян.); *чи я тебе не кормлю?* (Борщёво Навл. Брян., ОЛА); *чи я знаю, на кого она учится?* (Добрунь Брян. Брян., ОЛА); *чи то зверь такой есть?* (Кострова Рыльск. Курск.); *чи забыли, как мене звать?* (Щекино Крупец. Курск.); *чи я сбесилась?* (Белица Белов. Курск.); *чи местный говор собираете? чи она одна останется? чи там нахмарило?* (Красная Алексеевка Микоян. Белг.); *чи вы не видите, что он смеется? чи вы, девки, разговаривать с нами будете? чи вы не придете больше к нам? чи их упомнишь?* (Поддубровка Усман. Лип.); *чи немой?* (Татарино Острог. Ворон.); *чи вы меня хотите замуж отдать? чи наши на качаны?* (Шведово Лискин. Ворон.).

Обычно частицы *ти, чи* употребляются в таких предложениях, где нет других вопросительных слов — местоимений, наречий, частиц; количество исключений в материалах не велико — приведем их все: *ти кто там?* (Борки Нелидов. Великолук.); *чи кого просить?* (Новая Дубровка Красногор. Брян.); *ти что делать?* (Азаровка Воронок. Брян.); *ти что?* (Товбозино Унеч. Брян.); *чи что?* (Михновка Погар. Брян.); *чи кто знае?* (Жаревлёвка Микоян. Белг. и Афоньевка Волокон. Брян.); *ти сколько вас будеть?* (Кубарово Духовиц. Смол.); *ти сколько вам лет?* (Печатники Холм.-Жирков. Смол.); *ти як вас*

---

[3] Следует заметить, что в лингвогеографических материалах, относящихся к началу XX в., имеются свидетельства об употреблении частицы *ти* в говорах губерний Смоленской (Бельский, Дорогобужский, Ельнинский, Краснинский, Поречский и Рославльский уезды) и Орловской (Брянский и Трубчевский уезды) [7].

[4] Основная часть цитируемых примеров заимствована из материалов ДАРЯ, они имеют только географические пометы. Примеры из материалов ОЛА сопровождаются также пометой "ОЛА". Примеры даются в орфографическом написании с сохранением морфологических и словообразовательных особенностей говоров. В примерах сохраняется та пунктуация, которую использует автор ответа на "Программу" или "Вопросник".

зовуть? (Николаевка и Медведи Красногор. Брян.); *где цы она будя?* (Алейниково Воронок. Брян.); *ти пойдешь ли ты?* (Блинные Кучи Ершич. Смол.); *ти придеть ли внучёнок?* (Княжичи Жирят. Брян.).

Вопросительным частицам *ти, чи* могут предшествовать частицы *а, ну, да,* начинающие предложение, ср.: *а ти будешь ты запрягать?* (Ляхово Себеж. Великолук.); *а ти много вы тут будете?* (Машарино Новосокол. Великолук.); *а ти там Серёжка?* (Лоскотово Демид. Смол.); *ну ти можно так жить?* (Федоровка Сураж. Брян.); *а чи нет?* (Михновка Погар. Брян.); *да чи я знаю?* (Саввин Б.-Троицк. Белг.).

Для вопросительных частиц *ти, чи* (а также пар частиц типа *а ти*) характерна позиция первого слова в предложении, но возможно употребление *ти, чи* и внутри предложения, ср.: *вы ти ужинали?* (Жуки Усмын. Пск., ОЛА); *а панчохи ты взяли? а кот ти будеть есть?* (Ляхово Себеж. Великолук.); *а мы ти дальние с тобой?* (Горки Пустошк. Великолук.); *а деньги ти оплачивают вам за это? у вас ти прядуть когда?* (Пупович Новосокол. Великолук.); *тётя ти дома?* (Гряда Жарков. Великолук.); *а коровы ти пришли?* (Устье Жарков. Великолук.); *лук ти надо вам?* (Булино Велиж. Смол.); *я помню, а ты ти помнишь?* (Пашково Пречистен. Смол.); *суп ти весь?* (Сельцо- Загорье Починк. Смол.); *а телят ти загонять?* (Гнездилово Спас-Демин. Калуж.); *чай ти будете пить?* (Любунь Спас-Демин. Калуж.); *надолго ти приехали?* (Коренёвка Крапив. Тул.); *свинья ти поела?* (Сметковщина Клетнян. Брян.); *машина бегла ти с грузом?* (Красная Слобода Сузем. Брян.); *а мои девочки чи тут?* (Позднякова Невельск. Великолук.); *а ти чи чула, что Васька говорил?* (Крутики Ильин. Великолук.); *ти чы будешь по чужих садах лазить?* (Новая Дубровка Красногор. Брян.); *вам лошадь ти дадуть?* (Каплино Старооскол. Белг.); *поработал чи?* (Михнево Сине-Липяг. Ворон.); *она чи была нонче?* 'разве она была сегодня' (Песковатка Корот. Ворон.). Предложения, в которых *ти, чи* — вопросительные частицы не занимают начальной позиции, достаточно редки в материалах — приведенные примеры составляют почти половину всего их количества. Следует заметить, что, если *ти, чи* и не занимают начальной позиции в предложении, они обычно предшествуют слову, "которое называет предмет вопроса" [5, с. 387], хотя возможна и постпозиция частицы по отношению к этому слову (*надолго ти приехали? поработал чи?*).

Как видно по приведенным примерам, частицы *ти, чи* нередко совмещают значение вопросительности с тем или иным субъективно-модальным значением (удивление, неуверенность, предположение...); иногда эти частицы оформляют риторический вопрос. Отмечены и такие случаи, когда *ти, чи* выражают только субъективно-модальное значение (обычно предположение) — выполняют роль модальных слов в невопросительных предложениях; ср.: *ему годов ти пятьдесят* (Винокурово Ильин. Великолук.); *ти месяца два* (Полужская Рудня Красногор. Брян.); *за день ти скосишь* (Черная Грязь Клетнян. Брян.); *ему чи шестой годок пошёл* (Страчёво Сузем. Брян.); *пастух скот стерёг, читал, да чи зачитался — взял палец отрубил* (Никовец Фатеж. Курск.); *одна чи есть* (Рындино Горшеч. Курск.); *тогда как-то*

чи не прививали оспы (Драгунское Ивн. Белг.); *мы посылали ей, чи три послали* (посылки) (Дмитриевка Сине-Липяг. Ворон.).

При употреблении в сложном предложении *ти, чи* могут присоединять придаточную часть изъяснительного характера к главной — выполнять функцию, подобную функции союзной частицы *ли* в литературном языке [5, с. 485]: *я думаю, ти не муха* (Ковали Ильин. Великолук.); *я что-то забыла, ти говорила* (Толстики Бельск. Великолук.); *я не знаю, он ти поедеть* (Селище Пречистен. Смол.); *не знаю, дождь ти захватить* (Писково Сычев. Смол.); *не знаю, ти в Москве она училась* (Васильевка Екимович. Смол.); *ты б пошла, узнала, чи привезли в магазин сахар; не видала, чи Гришка не приехал; поглядеть корову, чи не отелилась* (Плехово Судж. Курск., ОЛА)[5].

Теперь обратимся ко второй части конструкций с *ти, чи*. Употребляясь при однородных членах предложения, *ти, чи* могут быть как неповторяющимися, так и повторяющимися разделительными союзами, ср.: *не знаю, кто скорей привезеть, Тонька ти Толька* (Черная Грязь Себеж. Великолук.); *рукавы ти полы из нового* (Залоги Невельск. Великолук.); *дают лошадь ти быка?* (Дедово Сафон. Смол.); *косить там ти што?* (Астапковичи Росл. Смол.); *шесть душ ти семь* (Сельцо-Загорье Починк. Смол.); *четыре года ти пять* (Дубровка Куйб. Калуж.); *черемуха отцветила ти нет?* (Старая Кочева Дубров. Брян.); *ты пойдешь ти я?* (Павловское Рогнед. Брян.); *купаться ходил чи так?* (Секерино Глушков. Курск.); *прислал чи привёз одеяло* (Прилепы Чернян. Белг.); *есть бог чи нема? нынче запрягёшь чи не?* (Красная Алексеевка Микоян. Белг.); *повозку чи там сани спрятать* (Коровино Ракут. Белг.); *покупать чи смотреть?* (Кучугуры Нижнедев. Ворон.); *со пшеницею чи житом; с год чи меньше* (Татарино Острог. Ворон.); *носили широкие из матерьялу корсетки чи как?* (Ранино Мичур. Тамб.). *Кольку там увидели ти писавши, ти говоривши* (Ковали Ильин. Великолук.); *ти двое ти трое?* (Винокурово Ильин. Великолук.); *ти придеть, ти не придеть?* (Барино Октябр. Великолук.); *продал ти быка, ти тёлку?* (Булино Велиж. Смол.); *ти пол сюда поехал, ти стол?* (Козулино Издешк. Смол.); *назвала ти Рая, ти Иринка* (Гнездилово Спас.-Демен. Калуж.); *надо ему ти пуга, ти супонь* (Творишино Гордеев. Брян.); *ти сон, ти не сон? ти пересолена бульба, ти не?* (Сенча Сураж. Брян.); *чи хочешь, чи не хочешь, а робить надо* (Новая Дубровка Красногор. Брян.); *чи анадысь чи позанадысь* (Вишнево Белов. Курск.); *чи всю варить чи нет?* (Секерино Глушков. Курск., ОЛА); *чи твоя Маруська дома, чи на работу пошла?* (Плехово Судж. Курск., ОЛА); *чи научит, чи замучит* (Масловка Скородн. Белг.); *чи смолоть, чи огород сполоть — трудно с детьми; коли там чи голова болит чи ноги* (Двуречье Ровенск, Белг.); *чи первый чи другой год? чи дадут чи нет?* (Кучугуры Нижнедев. Ворон.).

Как видно из примеров, конструкции с *ти, чи* — разделительными союзами могут быть невопросительными и вопроситель-

---

[5] В.И. Собинникова отмечает для воронежских говоров единичные случаи употребления союза *чи* в сложноподчиненных предложениях и другого типа — в частности, в предложениях с придаточным определительным: *нету следа, чи бы я ни пришол па фсём полю па сваём* [6, с. 57].

ными. В своем построении эти конструкции совпадают и разграничиваются лишь в плане интонационном. Представляется возможным, что при употреблении *ти, чи* в вопросительных предложениях их союзная функция осложняется функцией вопросительной частицы. В наибольшей степени это предположение касается тех единиц, которые начинают собой предложение (конструкции с повторяющимися *ти, чи*). Нельзя, как мы бы считали, полностью исключить и такую возможность, что *ти, чи,* выступающие перед первым из однородных членов (в начале предложения), являются вопросительными частицами (или прежде всего вопросительными частицами), а *ти, чи,* употребляющиеся перед вторым однородным членом — разделительными союзами. На мысль о подобной возможности наталкивает то обстоятельство, что в материалах атласов имеется около трех десятков вопросительных предложений с однородными членами, где начальную позицию занимают *ти, чи,* а между однородными членами употребляются союзы *ай* (наиболее частотен), *али* (*аль*), *или, ли,* ср.: *а ти будем мы ужинать ай нет?* (Жуки Усмын. Пск., ОЛА); *ти добре они идуть ай не? ти хорошо идёть ай шипко?* (Песчанка Пустошк. Великолук.); *ти погода будеть, ай не?* (Чернушка Нелидов. Великолук.); *ти слышишь ты ай нет?* (Латыши Нелидов. Великолук.); *ти погнал её кто, ай не?* (Козилово Холм-Жирков. Смол.); *ти одна ж ты ездишь ай с кем?* (Таборы Издешк. Смол.); *ти много грибов принес ай не? ти ты был в Варабейне ай не?* (Буда Жирят. Брян.); *дед, чи ты пойдешь али я?* (Белая Обоян. Курск.); *ти вы будете аль мне помешивать?* (Лептюхи Касплян. Смол.); *ти жены тебе жалко аль косы? ти побегишь домой или нет?* (Богозино Невельск. Великолук.); *ти говорила она ли нет?* (Бердяево Пречистен. Смол.).

Как уже указывалось, *ти, чи* отмечаются и за пределами юго-запада РСФСР. Приведем этот материал целиком, исключив только конструкции, повторяющие примеры, данные в "Программе": *я чи не толкую; может я чи не так ходила?* (Еремеевская Каргоп. Арх.); *ти умёрши* (Пудрино Ефим Ленингр.); *ты устал, чи не?* (Рогмуй Шольск. Волог.); *ти на месте?* (один пример) (Черная Слобода Ковж. Волог.); *чи нянька дома, Любка-та?* (Клавдино Бабаев. Волог.); *чи корова пришла?* (Ивановская Вожегод. Волог.); *чи сапоги? голяшки распали* (Чистяково Усть-Алекс. Волог.); *даст чи мне гусака?* "Но это не та частица, что в смоленских говорах. Это не вопрос, а скорее предположение". (Шолохово Красносел. Костром.); *он чи в кино; вот чи ее заставило выйти* (Шахово Судислав. Костром.); *чи обедал, чи нет ли* (Тимошино Макар. Костром.); *он чи в кино; вот чи ее заставило выйти* (Шахово Судислав. Костром.); *чи обедал, чи нет ли* (Тимошино Макар. Костром.); *чи завтра среда? чи спать пойдем? повремени чи; купила пяток чи; чи не время сидеть.* "Формы с частицей *чи* употребляются очень часто" (Буйкино Большесельск. Яросл.); *в мае чи дожди были; у вас чи так не называют; тихонько пройдет она, чи и не услышит; сегодня чи не придет* ("в значении 'наверное', 'я думаю'") (Раменье Большесельск. Яросл.); *чи не так долго ходят; чи хлеб-то был* (Судаково Большесельск. Яросл.); *я довольна чи тем, что не оставляют меня* ('и тем', 'хотя бы и тем'); *он сидит чи пойди и думает*

('наверное', 'вероятно') (Кирилловское Рыб. Яросл.); *чи немного поработала-то сегодня* (Рогалево Пошех.-Волод. Яросл.); *сохам пахали чи* (Селифаново Углич. Яросл.); *долго там стояла: чи сганивать, чи нет парнек-от* (Шихариха Пучеж. Иван., ОЛА); "Часто употребляется частица *ти*" (Ивановский Починок Варнав. Горьк.); *каким же это он начальником чи? ходили бабы чи; волосов чи вовсе нет; влаги нет в земле чи; побольше садов чи* (Липовка Михтол. Горьк.); *ти пойдешь? это ти не картошкой? ти не дадут хоть соломы? залезут на дубы ти на вяз* (Елфимово Б.-Маресьев. Горьк.); *ти лили воду в колоду? а Машка ти дома? не знаю, ти есть; разве ти не лесу нет, ай что; ти возьмут, ти не* (Кондрыкино Б.-Маресьев. Горьк.); *ти лили воды в кадушку?* (Михайловский Майдан Б.-Болд. Горьк.); *ти ты была там? ти много вас там?* (Большие Вишенки Кстов. Горьк.); *чи бабы ходят?* ("Отмечено один раз") (Чертены Днов. Пск.); *может месяц ти полтора пройдет* (Ямок Новг. Новг.)[6]; *ты едала чи?* (Орда Овинищ. Калин.).

Материалы атласов свидетельствуют о том, что в севернорусских и восточных среднерусских говорах *ти, чи* могут быть так же, как и в южнорусских говорах на западе РСФСР, вопросительной частицей, модальным словом, разделительным союзом и союзом, присоединяющим изъяснительное придаточное предложение. Однако относительная частотность разных случаев употребления *ти, чи* по этим говорам не совпадает. Прежде всего обращает на себя внимание то обстоятельство, что в северно- и среднерусских говорах *ти, чи* весьма редко выступают в функции союзов. Немногочисленны и случаи употребления здесь *ти, чи* как чисто вопросительных частиц. Большинство примеров зафиксированных в северно- и среднерусских говорах включает в себя *ти, чи* — модальные слова и частицы, в которых вопросительное значение сочетается с субъективно-модальным. Представляется возможным сказать, что для южнорусских говоров на западе РСФСР, где они употребляются регулярно, *ти, чи* — прежде всего грамматические единицы, в говорах же северно- и среднерусских, где случаи фиксации *ти, чи* немногочисленны, они скорее относятся к числу единиц, являющихся лексическим средством выражения модальных значений. Но наиболее глубокое диалектное различие создается, как можно думать, за счет употребления *ти, чи* — собственно вопросительных частиц: это различие касается не только лексического состава вопросительных слов, но и их места среди других способов выражения вопросительного значения. Благодаря употреблению *ти, чи* в говорах на западе — юго-западе РСФСР вопросительное слово оказывается почти непременным или во всяком случае высокочастотным компонентом вопросительного предложения, тогда как в других русских говорах собственно вопрос свободно выражается и без участия вопросительных частиц — главным образом с помощью интонации (*черемуха отцвела уже? коров пригнали?*).

В заключение отметим, что в говорах Воронежской и Белгородской обл. употребляется слово *чиж*, которое возникло из соеди-

[6] Пример взят из личных записей автора статьи.

нения частиц *чи* и *же*: *а баба чиж не человек? чиж их окоротить трохи? они были чиж в рабочую пору* ("в предположительном значении") (Хохол Хохольск. Ворон.); *чиж сыро? чугунка чиж лопнула!* (Семидесятское Хохольск. Ворон.); *ни бабка чиж не знаеть? чиж не скажу я вам! у нас чиж она не пасте? чиж они там на учете?* (Ивановка Гремяч. Ворон.); *чиж Володька прибежал?* (Александровка Гремяч. Ворон.); *чиж мы не сходим?* (Кустовье Тамар. Белг.). Как видно по примерам, *чиж* употребляется в функции частицы (вопросительной или соединяющей вопросительное значение с субъективно-модальным) и в функции модального слова. (О сложении слова *чиж* см. в работе В.И. Собинниковой [6, с. 57—60].

ЛИТЕРАТУРА

1. Вопросник Общеславянского лингвистического атласа. М., 1965.
2. *Карский Е.Ф.* Белорусы. Язык белорусского народа. М., 1956. Вып. 2—3.
3. *Кузьмина И.Б., Немченко Е.В.* О некоторых синтаксических явлениях в говорах юго-западных и центральных областей к западу от Москвы // Доклады и сообщения Института языкознания АН СССР. М., 1956, N 10.
4. Программа собирания сведений для составления диалектологического атласа русского языка. Ярославль, 1945 или М; Л, 1947.
5. Русская грамматика. М., 1980. Т. II.
6. *Собинникова В.И.* О влиянии украинского языка на говоры Гремяченского района Воронежской области // Славянский сборник II. Вып. филолог. Воронеж, 1958.
7. Труды Московской диалектологической комиссии. Варшава, 1914. Вып. 3 (Ответы 158, 159); Труды постоянной комиссии по диалектологии русского языка. Л., 1928. Вып. 10. (Ответы 60, 81, 83, 84, 112, 130, 158, 159, а также словарь-приложение к своду материалов по Смоленской губ.).

Н.Л. ГОЛУБЕВА

О ЧАСТИЦАХ *ВОТ, НУ, ДА* В ПОЛОЖЕНИИ МЕЖДУ ВЫСКАЗЫВАНИЯМИ

Частицы *вот, ну, да* являются общерусскими: они есть и в литературном языке и в говорах разных регионов. Эти частицы не раз исследовались, но одно из употреблений, общее для этих трех частиц, все-таки осталось незамеченным.

Новый аспект рассмотрения нередко обнаруживает неизвестное в хорошо знакомом. Так, благодаря тому, что объектом лингвистики и прагматики стал текст, осознана группа слов и оборотов, вошедших в группу метатекстовых элементов, метапредикатов[1]. Благодаря тому, что устная звучащая речь стала рассматриваться не с позиций пись-

[1] А. Вежбицка [2, с. 421] пишет: «Наши высказывания... гетерогенны также в том смысле, что в них часто переплетается *собственно текст с текстом метатекстовым* (курсив наш. — *Н.Г.*). Эти метатекстовые нити... проясняют "семантический узор" основного текста, соединяют различные его элементы, усиливают, скрепляют. Иногда их можно выдернуть, не повредив остального. Иногда — нет». А. Вежбицка относит к метатексту слова и обороты типа *начну с того, что..., оговорюсь, что..., напомним, подчеркнем, резюмируем* и т.п. На возможность интерпретации материала статьи в связи с идеей метапредикатов нам указала Е.В. Урысон, автор благодарит ее за это и др. замечания.

менной формы языка, а как самостоятельный объект, статус некоторых хорошо знакомых слов изменился: бывшие "слова-паразиты" переосмыслены в строевые элементы устной речи — речевые сигналы [3][2], например, заполнители пауз хезитации [6].

Эти два направления — прагматика текста и исследования спонтанной речи — позволяют по-новому взглянуть и на хорошо знакомые частицы *вот, ну, да*: рассмотренные на материале звучащего спонтанного текста-монолога[3], эти частицы, употребленные в положении между высказываниями, оказывается, членят звучащий текст на смысловые части, которые можно сравнить с абзацем в письменном тексте. В самом общем плане эти частицы в таком употреблении можно отнести к метатекстовым элементам звучащего монолога; можно назвать их и одним из видов речевых сигналов. Однако то и другое слабо отражает сущность межфразового употребления частиц, так как под двумя названными рубриками — метапредикаты и речевые сигналы — существуют два широких круга языковых средств, которые объединяет то, что эти средства употребляются не для передачи собственно смысловой стороны речи, а выполняют некие др. функции (в том числе фатическую функцию [18]); но поскольку эти две группы языковых средств относятся к письменной и устной речи, они различаются по составу конкретных средств и лишь частично совпадают в отношении конкретных функций этих средств.

Цели данной статьи: 1) привести встретившиеся нам диалектные факты межфразового употребления частиц *вот, ну, да* — эти факты редки в речи; 2) рассмотреть межфразовое употребление частиц в тексте как таковое — по нашим данным, оно специально не рассматривалось[4]; 3) назвать проблемы, связанные с таким употреблением частиц.

---

[2] Известно, что устная коммуникация по своей сути диалогична, т.е. в ней важна роль не только говорящего, но и слушающего, даже в случаях, когда один из партнеров коммуникации долго говорит, а другой только слушает; следовательно, существует постоянное взаимодействие говорящего и слушающего, называемое сигнальным взаимодействием, и это взаимодействие выражается как экстралингвистическими, так и лингвистическими, как вербальными, так и невербальными средствами. Эти средства называются *речевыми сигналами;* ср. о них: "Целый ряд действий говорящих и слушающих нельзя считать содержательной частью высказываний..., однако эти действия являются весьма важными для ведения беседы" [3, с. 205]. Функции речевых сигналов *говорящего* состоят в том, чтобы: 1) членить текст на части; 2) выражать отношение говорящего к собственному тексту; 3) указывать на вносимые в текст поправки; 4) речевые сигналы могут быть также сопутствующим явлением при порождении текста, например, заполнители пауз колебания — классификация взята из [3].

[3] Когда партнеры коммуникации долго не меняют ролей: один говорит, а другой слушает.

[4] В работах по звучащей речи такие факты рассматриваются в ряду заполнителей пауз "для реализации того типа мелодики, который был упущен при реализации значимой части высказывания" [6, с. 20]; частица *вот* в РР в межфразовой позиции "подчеркивает смысловую завершенность высказывания"[13, с. 34]. В исследованиях по русской диалектологии накоплены наблюдения об особом употреблении некоторых частиц [1; 5; 15; 16, с. 76 и др.].

В 1990 г. по рассматриваемой в данной статье проблеме — проблеме членения звучащего диалектного текста на смысловые части, более крупные, чем фраза, — защищена диссертация Г.Г. Москальчук [10]. В отношении материала данная статья и названная диссертация дополняют друг друга: Москальчук рассматривает частицы *вот, ну, да* только в составе сочетаний типа *Вот такие дела; Ну вот* и т.п., интонируемых как фраза; подобные сочетания наблюдались в говорах и нами, но не анализировались в статье.

Основной материал — магнитофонные записи речи из 3-х южнорусских говоров (ювр.): д. Новоселки Рыбн. Ряз., Деулино Ряз. Ряз. и Огорь Жиздр. Калуж.[5] Записи подвергались слуховому анализу и сплошной письменной расшифровке, объем обработанных таким образом записей составил≈по часу речи из каждого говора. В качестве дополнительного материала, для сравнения, были привлечены расшифрованные автором магнитофонные записи речи свр. и ювр. говоров, хранящиеся в фонотеке ЛЭФ ИРЯ АН СССР, а также опубликованные хрестоматии других севернорусских (свр.) говоров, разговорной речи (РР) и просторечия.

Условия употребления интересующих нас частиц характеризуются тем, что частицы стоят между высказываниями, полными в смысловом отношении и законченными с точки зрения интонационного оформления (ср.: [4, 13, 16] — разные исследователи одинаково транскрибируют эту интонационную завершенность, выделяя данные частицы с двух сторон знаком //), частицы произносятся в сущности как самостоятельное высказывание, отделяясь от соседних высказываний паузами, причем, предшествующая частице пауза обычно длительнее, иногда в два раза, чем пауза после частицы; на гласном частицы происходит движение тона, близкое к движению тона на интонационном центре ИК-4 (Новоселки)[6] или же ИК-2 (Деулино, говор Смоленск. обл.); частица произносится при этом с понижением интенсивности и тонового регистра, особенно частица *ну* (*Огорь*), например: *Даль нам абязатьл'ствъ по двь тыщи//#Вот#//штьб... на каждъй каровъ ньдаит'//Ну по двь тыщь што/маи каровъ харошъи/я тактъ эт себе думъй//Ну и/сталъ даит'/сталъ за нимь ухажъват'/ну/стал' ввадит' их ф польн ръцыон//#Вот#//Ну и/стал я кармит'/кармит' их стал пъ ръцыону//#Вот#//ну... и... ньдаила/не три тыщ/а уш/три с пълавинай//#Вот#//* (Новоселки Рыбн. Ряз.). *Мать умерла/атец умёр//Сем' уадоч'къв мне была//Я жыла с нивескъми//А нивескь этъ знаиш... какый нивески//!#Ну#//Дъсталъс' аннэй хольду/и уольду/и уалэ́й пъхадит'//!#Ну#//Патом вышла́ замуш//Праўда вышла замуш мне ничяуо была/хърашо//...* — Расскажите, как выходили замуж. — *А выхадила замуш/присватълся жаних дъ и пашла замуш//!#Ну#//А пашла́ замуш у мне ни было́ ньчяуо/ни пастел'ньуа никаўо́ ни было//!#Ну#//чятырньцат' штуг дитей ръдила/сем' схъранила/сем' была́ жывыи//!#Ну#//*(Огорь Жиздр. Калужск.); (О том, как во время ледохода снело мост): *И милъй мая адин ден'/шли шли/фсё прашло хърашо͡у//А нь друуой ден' тахта//Я пашла ъпет' убралас' пайду ащё там апет' наро-от кипят'//пайду пъулядю для ин'тиресу//#Да#//Там ы малъй и старъй был//Фсе/фсе на свет' были//Народъ кипела/ой//Нь другой ден' пришла/там сё тахть стаят' удёржъвъйут' мужуки/с этимь с ражнами//#Да#//Ну дяржал' дяржали/кък сталъ ретькъ ытит'/этът лёт/пропус'тил' ани*

[5] Эти магнитофонные записи сделаны С.С. Высотским, И.А. Оссовецким и С.В. Бромлей в 1959—1963 гг. и хранятся в фонотеке ЛЭФ ИРЯ АН СССР.

[6] Для самой общей характеристики интонирования частиц в говорах мы воспользовались интонационными типами, разработанными Е.А. Брызгуновой на материале рус. лит. языка, описание которых неоднократно публиковалось.

Нас. п.	Информант	Длина текста	*вот*	*ну*	*да*	*ауа*	*так, máхта*	Всего частиц
Д. Огорь,	Антипова 68 лет	450	—	37	—	—	—	
Жиздрин-	Савкина 55 лет	1400	—	—	—	—	—	44 на
ский, Калуж-	Панюшина 75 лет	300	—	1	1	—	—	2950
ская	Комарова 50 лет	800	—	1	—	4	—	слов
Д. Деулино,	Ткачева 70 лет	900	—	1	12	—	—	14 на
Рязанский,	Попова 45 лет	350	—	—	1	—	—	1800
Рязанская	Корнюшина 60 лет	550	—	—	—	—	—	слов
Д. Новосёл-	Чижова 50 лет	1000	33	—	2	—	—	
ки, Рыбнов-	Кудинова 60 лет	400	1	—	5	—	—	134 на
ский, Рязан-	Волкова 57 лет	970	29	1	28	—	5	3720
ская	Кандаурова 76 лет	900	3	—	27	—	—	слов
	Ленкова 65 лет	450	9	—	1	—	—	
Итого:		8470	75	41	67	4	5	

и́ти барки/самый улавный//Лят' лят'/плывут'/два-а этьх камля/от/дерьвь дейть/падмыль ли/хто иу знайт'/ня зна/рауастьйь прьрауастьйь с корня//#Да#//улят'/ани этьй тахть суит' этими-и шажнямь т йих/... (Деулино Ряз. Ряз.)[7].

Таблица показывает, что, во-первых, по нашим материалам, три говора различаются частотностью употребления рассматриваемых частиц: чаще всего межфразовое употребление частиц отмечается в говоре д. Новоселки, где оно наблюдается не только в монологической речи, но и в диалогической, и охватывает более широкий круг носителей говора; в двух других говорах частицы в положении между фразами употребляются реже, только в монологической речи и только в архаическом слое говора. Во-вторых, в каждом из трех говоров в межфразовом употреблении преобладает какая-то одна из частиц: *вот* — в гов. д. Новоселки, *ну* — в гов. д. Огорь, *да* — в гов. д. Деулино.

Вслед за авторами работ по РР [6; 7] диалектные частицы *вот, ну да* в положении между фразами следует отнести к заполнителям пауз. Как известно, паузы бывают грамматические (синтаксические, паузы стыка), членящие речь на синтагмы и фразы, и паузы колебания (хезитации), "место появления которых обычно не соответствует границам фонетико-синтаксических единиц", и представляющие собой "время для принятия говорящим различного рода решений, связанных с формированием мысли" и т.п.; причем, "за более длительными паузами стыка скрываются 2 склеенные паузы" [7, с. 72]. Последнее относится к

[7] Отрывки из расшифрованных магнитофонных записей диалектной речи даются в упрощенной звуковой транскрипции, буквы *е, ё, ю, я, и, ь* показывают мягкость предшествующего согласного, стрелками ↑ и ↓ показан более высокий и более низкий уровень тона и интенсивности по сравнению с предшествующим, знаком # — длительные паузы (перерыв в звучании), / и // — членение на синтагмы и фразы.

нашим частицам: они являются заполнителями сверхдлительной паузы, состоящей из паузы стыка и паузы колебания.

Заполняя паузу, рассматриваемые частицы одновременно подкрепляют ее, делают более весомой. Вносят ли при этом частицы какую либо семантику в текст? На этот вопрос трудно ответить однозначно. Рассмотрим примеры. В некоторых контекстах можно усмотреть оттенок недоговоренности: из контекста можно сделать вывод, нелицеприятный для кого-то третьего, и говорящий предоставляет слушающему самому сделать этот вывод: *Ну/Стяпан Симёньч'/пайдём эта/бяри Машу/паехъли рыбъ лавит'//Ну... эта паймали//Ани лищей сабе взяли/а мельч' нам//#Вот#//*Новоселки Рыбн. Ряз. *А нивескь этъ знаиш... какый нивески//|#Ну#//*Огорь Жиздр. Калуж. См. также в хрестоматии по РР [12, с. 80, 83, 86, 87, 90] и просторечию [3, с. 187—188].

В других случаях точнее было бы говорить об оттенке необычности, неожиданности, парадоксе: *ана была дефкъ харошья/ражья//Такай тъ/а умярла та//# Да#*Деулино Ряз. Ряз. Общим для приведенных примеров является смысл, обращенный к слушающему: 'обрати внимание на только что сказанное (и сделай вывод сам)'. Но иногда в тексте трудно усмотреть какую-либо семантику частицы в межфразовом употреблении, кроме функции членения текста на микротемы: 1) описание болезни дочери, 2) как ее лечили, 3) состояние после лечения, 4) что приозошло, когда женили сына: *Трудьн тъ/ана можж сказат' нидель шест' ляжала//|А чао шес' нидел'/у ней рукь итымалися/и ноуь итымальс' фсе//#Да#//Фся нидвижымьй бала//|А тут кто скажът'/в муравлищщ йо сажай Машка/кто скажът'/ф труху сажай ийо́у//Мы ийо и сё/и ф кадушкъ трухи тъ нъсикем/ и в муравлищщ тъ прънисема//Сё сажаль/сё сажаль/сё у ней иташло́у//И рукь и ноуь иташли//#Да#//Иташли рукь и ноуь/сталь ана хадит'//|Стал хадит' мильй а/сё какай тъ ходьт' а/в ней тао нет/ вяньт' ана//И йис' вос'с' плохъ йис'т'//#Да#|А тут/пьжаниль мы сына...*

Итак, в одних случаях у рассматриваемых частиц есть только функция членения: они и делят текст на части, и "пристегивают" эти части друг к другу, показывая, что здесь граница частей, а не конец целого. В других случаях частица, членя текст на микротемы, одновременно создает подтекст; вряд ли стоит приписывать здесь частице смысловой оттенок, так как эти случаи всегда связаны с содержанием предшествующего текста: говорящий выделяет с помощью частицы участки, содержащие интересную информацию или вызывающие трудности при формулировании и планировании речи; вероятно, большая дробность членения сама по себе тоже может вызвать подтекст. Итак, частицы выполняют два разных членения текста: "формально-грамматическое" — на микротемы, и авторское — ради выделения, подчеркивания, создания подтекста[8].

Известно, что членение звучащей речи на синтагмы, фразы и более

[8] Н.А. Левковская, анализируя членение письменного текста на абзацы, пишет, что один и тот же текст может быть по-разному разделен на части: в зависимости от его логической структуры или же в зависимости от важности для пишущего разной информации текста [9]. Вероятно, это можно отнести и к членению звучащего текста на фоноабзацы (микротемы).

крупные единицы — микротемы (фоноабзацы) — является одной из главных функций интонационных средств [14, а также исследования, ведущиеся в МГПИИЯ им. М. Тореза и публикуемые в Научных трудах МГПИИЯ]. Следовательно, рассматриваемые частицы "работают" здесь одновременно с интонацией; являются факультативным средством членения текста в отличие от нейтральных и обязательных интонационных средств (направления тона; перепада уровней тона и интенсивности; пауз); выполняют функцию членения вместе, одновременно с некоторыми другими словесными средствами членения монологического текста на фразы или микротемы (эти средства также факультативны, но более частотны). Рассмотрим текст: *↑А тут/у мне/пожаниль мы сына/аднао//Вот къ ьш ана пес'нь игурала//Я щщ улянь та скь/уосс скажь/майя сухай ть пес'нь ть уля как валяйт' игурайт'//Как/ой-ой-ой/уоспьдь//##↑↑А улянь йей взат/у йей спинкь ть сталь/прям вот какай узьн'кийя//И маслы ть прям стаят' какийя//#↑А тут милъйь/сталь хадить/фсё эть/↑И думьй/нуу/можьт паправьцць/можьт' паправьцца//##↑Аа/пат три святитьль/вькурат штойта/ня знай уш чё/ктой ть сказал уварид'/в Залазах/дохтър' харошьй прийехал//#↑Ну дохтър' харошай/а уш я ня знай уш/ана слышьль ат као тахть...* (Деулино Ряз. Ряз.). *Ну чё ш/жыла я няхай/з дятишкимь адна//Ацца-матрь/не блъ у мине//Приходют' свацца//Яго сестра и яго сняха// ... Ну и значит'//пришли/пъгъварили//Ну я ътказалъ/я рь я ничегоня знаю//У мне ест' радный/пус' пъуъваря радныя аб этъм делу//А я ня знай ничаго//Ну/нь другой день приходют'/абратна//Ну я призвала тётку сваю//Ну тётка с ним' эт пъгъварила//Апет' ни дъгъварильс' с тёткай//Ишо на третий рас атложыли//Ну на третий рас приходя/там ы тётка/там, ышо какай т бапка|приходют'||Ну уш|тут|дъгъварилися||Богъ пъмалилься/ну и значит' гатовъ дела/сасватълис'//Прълилас' нявеста//* Отскочное Задонск. Липецк.

Вероятно, можно говорить о системе словесных, лексико-грамматических средств членения речи, одним из которых являются рассматриваемые частицы. К этим средствам относится начальное *Вот...* в свр. говорах [16]; общеизвестно употребление начальных частицы *Ну...* и союзов-частиц *А..., И...* в РР и просторечии [4; 12], к таким средствам можно отнести и слова типа *глядь, типерича, опять, значит* и др. — в русских говорах[9].

При этом интересно, что наблюдается тенденция к специализации в употреблении частиц в начале высказывания, в середине выска-

[9] В русле многочисленных проблем лингвистики текста разрабатывается и проблема членения текста на единицы, большие, чем фраза, — на микротемы (фоноабзацы, сверхфразовые единства) (подробную библиографию см.: *Добрускина Э.М., Берзон В.Е.* "Синтаксические сверхфразовые связи и их инженерно-лингвистическое моделирование", Кишинев, 1986, с. 154—165). Эти исследования, в свою очередь, многоаспектны, построены на материале разных языковых систем и подсистем, но в первую очередь на материале научного и художественного текста иностранных языков — в связи с задачами обучения. Спонтанная речь до недавнего времени не исследовалась в этом направлении.

Для анализа текстов спонтанной речи названные исследования служат базой в отношении разработки проблемы словесных средств членения текста.

зывания в качестве заполнителя паузы колебания и в межфразовой позиции. Так, общерусская частица *ну* в начале фразы не обнаружена в речи той носительницы говора д. Огорь, которая употребляет *ну* в межфразовой позиции; частица *вот* в начальной фразовой позиции характерна для свр. говоров, где она почти не отмечается в межфразовой позиции, и напротив, не обнаружена в начальной фразовой позиции в говоре д. Новоселки, где она очень частотна в межфразовом употреблении. Кроме того, частицы *вот, ну* потенциально могут использоваться для заполнения внутрисинтагменных пауз колебания (эта возможность реализуется в РР и просторечии), однако в рассматриваемых трех говорах такого употребления не отмечено, и в целом элементы, заполняющие паузы колебания и паузы стыка, не совпадают в этих говорах.

Итак, в говорах разных регионов, а также в РР и просторечии можно констатировать факт наличия частиц *вот, ну, да* как таковых, и в этом смысле они общерусские, а также в том смысле, что они "задействованы" в системе средств членения монологического спонтанного текста. Однако объем функциональной нагрузки этих частиц в разных подсистемах русского языка, а также диалектных системах и даже идиолектах различается, как показывает наш материал.

Как уже говорилось, словесные средства членения текста взаимодействуют с интонационными средствами, выполняющими ту же функцию. Таким образом, наш материал является еще одной иллюстрацией известного *принципа замены* А.М. Пешковского, который активно разрабатывается Е.А. Брызгуновой и ее учениками на материале разных коммуникативных типов предложений в разных языках (см. работы М.Г. Безяевой, М.В. Володиной, Т.Э. Корепановой, Б.К. Мурзалиной, Н.А. Шмельковой и др.). Наш материал — пример того, что принцип замены действует не только в высказывании, но и на уровне текста.

Поскольку межфразовое употребление частиц редко в речи и материал оказался небольшим, для сравнения был привлечен другой диалектный материал. Такое сравнение позволяет думать, что межфразовое употребление частиц более характерно для ю.р. говоров, чем для свр., скорее отмечается в говорах центра, нежели периферии.

Мы позволили себе сравнить картину распространения рассматриваемых частиц в северных и южных говорах, с одной стороны, с распространением их в РР и просторечии. Неожиданным было то, что в РР и в просторечии ленинградцев такого употребления частиц в указанных опубликованных материалах почти не обнаружено, а в РР и особенно в просторечии москвичей оно обнаружено (однако неравномерно у разных информантов). Отдавая себе отчет в недостаточности привлеченного материала для каких-либо выводов, заметим, что такое соотношение рассматриваемых частиц в московской и ленинградской речи может оказаться не случайным.

Рассмотрим еще один аспект, связанный с частицами в межфразовой позиции. О.А. Лаптева на материале устной публичной речи КЛЯ сделала вывод о большей дискретности синтагмы по сравнению с высказыванием в устной речи русского языка [8]. Опираясь на

исследования интонации свр. говоров [16, 17], а также на собственные наблюдения над интонацией одного свр. говора (д. Шевелевка Тарног. Волог.), можно сказать, что этот вывод о большей дискретности синтагматических границ, как минимум, нельзя отнести к свр. речи, а как максимум, можно предположить обратное; в св. р. речи границы синтагм просодически менее дискретны, чем границы фраз, причем трудность установления синтагматических границ является типичным случаем для анализа свр. речи, а не отдельными фактами, характерными для любой спонтанной речи. Известна тенденция к пословному оформлению интонационного контура свр. фразы [16, 17], в связи с чем границы синтагмы и фонетического слова часто совпадают, другими словами — исследователи констатируют типичность однословных синтагм для свр. речи [17, с. 178—184]. Наши наблюдения показывают, что синтагмы из 2—3 знаменательных слов со слитным произношением (являющиеся типичными для рус. лит. языка) в говоре д. Шевелевка отмечаются в тех случаях, когда есть повтор или же известная, второстепенная информация. С повышением степени важности информации усиливается и тенденция к пословному выделению, произношению, вплоть до выделения каждого слова в отдельную синтагму. Однако зачастую трудно решить, имеем ли мы дело с многословной синтагмой, в которой слова получили усиление словесного ударения, или же с рядом однословных синтагм, границы между которыми просодически, прежде всего тонально слабо выражены, диффузны, не дискретны. Отдавая себе отчет в том, что вопрос о членении свр. речи требует специального рассмотрения, заметим, что просодические характеристики синтагматических границ в свр. говорах и в рус. лит. языке явно различаются. Что касается ювр. говоров, то они, как известно, в просодическом отношении ближе к рус. лит. языку, чем к свр., таким образом, можно думать, что и строение южнорусской синтагмы, степень дискретности ее границ также близки к характеристикам синтагмы рус. лит. языка [17]. Не служат ли специфические свр. частицы *да, да и, дак* восполняющим, поддерживающим средством обозначения синтагматической границы в условиях слабой просодической дискретности синтагматических границ? Ср. предположение С.В. Бромлей о существовании в свр. говорах системы словесных средств, выполняющих роль диэрем [1]. Что касается ю.р. говоров, то можно думать, что в них больше, чем в свр., развита система словесных средств, поддерживающих членение речи на фразы, и одним из этих средств являются частицы *вот, ну, да* в межфразовом употреблении.

Межфразовое употребление частиц оказалось "фокусом", к которому тянутся нити разных проблем:

1) деление текста (речи) на собственно смысловую часть и метатекст;

2) языковые средства, отражающие процесс речепорождения, являющиеся свидетельствами для ответа на вопрос: что делает говорящий в процессе речи, кроме передачи информации?

3) взаимодействие интонационных и лексико-грамматических средств при членении звучащего текста на синтагмы, фразы, микротемы;

4) территориальные различия русских говоров с точки зрения соотношения лексико-грамматических и интонационных средств членения звучащего текста;

5) функционирование общерусских языковых явлений в различных диалектных регионах;

6) частицы *да, да и, дак* как средства поддержки синтагматического членения в свр. говорах.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Бромлей С.В.* Стяжение в русских говорах и его морфологические следствия // ОЛА: Материалы и исследования. М., 1972. С. 124—125.
2. *Вежбицка А.* Метатекст в тексте // Новое в лингвистике. Вып. 8. Лингвистика текста. М., 1978.
3. *Герасимов В.И., Ромашко С.А.* Прагматика устного общения // Звучащая речь: Сб. науч.-аналит. обзоров. М., 1983. С. 203—210.
4. Городское просторечие: Пробл. изуч. М., 1984.
5. *Евтюхин В.Б.* Аранжировка диалектных текстов с помощью частиц // Севернорусские говоры. Л., 1979. Вып. 3.
6. *Ладыженская Б.Я.* Особенности организации устной спонтанной речи: (Вставные элементы в речевом потоке): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1985. 24 с.
7. *Ладыженская Б.Я.* Пауза как элемент просодической организации устного спонтанного высказывания // Вестн. МГУ. Сер. 9, Филология, 1984, N 2.
8. *Лаптева О.А.* Синтаксическая дискретность устного монологического текста // Русский язык: Функционирование грамматических категорий: Текст и контекст: Виноградов. чтения XII—XIII. М., 1984. С. 187.
9. *Левковская Н.А.* В чем различие между сверхфразовым единством и абзацем? // Филол. науки, 1980. N 1.
10. *Москальчук Г.Г.* Фразовый повтор в диалектной речи. Автореф. дис. ... канд... филол. наук. М., 1990.
11. *Николаева Т.М.* Функции частиц в высказывании: На материале славянских языков. М., 1985.
12. Русская разговорная речь: Тексты. М., 1978.
13. Русская разговорная речь: Фонетика. Морфология. Лексика. Жест. М., 1983. С. 30—37.
14. *Савинский В.Г.* Распределение и функции пауз в ритмико-смысловом членении устной речи: Эксперим.-фонет. исслед. // Вестн. МГУ. Сер. 9, Филология, 1981, N 2. С. 64.
15. *Сафонова Н.И.* Функционирование слов *ну* и *но* в ангаро-ленских говорах // Формирование и развитие говоров территорий поздних заселений. Саратов, 1987. С. 119.
16. *Пауфошима Р.Ф.* Фонетика слова и фразы в севернорусских говорах. М., 1983.
17. *Касаткина Р.Ф.* Русская диалектная суперсегментная фонетика. Дис. ... докт. филол. наук. М., 1988.
18. *Якобсон Р.* Лингвистика и поэтика // Структурализм: "за" и "против". М., 1975. С. 201.

Н.В. МАРКОВА

РОДИТЕЛЬНЫЙ ПАДЕЖ СУБЪЕКТА В ОНЕЖСКИХ ГОВОРАХ

В современном русском литературном языке и во всех говорах родительный падеж (Р) субъекта действия выступает в конструкциях с отчетливой партитивной семантикой и возможен с глаголами, называющими изменение количественного признака предмета или действие, осуществляемое при участии большого количества предметов (большой массы), или достаточность/недостаточность каких-либо предметов (массы), ср.: *наросло малины, комаров налетело, воды хватит.* В части же русских говоров употребляются конструкции с Р. субъекта и гла-

голами, семантика которых лишена количественного признака (*медведей в лесу есть, кораблей стоит*). Эти последние, собственно диалектные конструкции, и являются объектом описания в настоящей статье. Явление рассматривается применительно к территории онежских говоров, которые входят в зону наиболее широкого употребления названных конструкций[1].

В онежскую группу говоров входят русские говоры на территории вокруг Онежского озера — говоры трех районов, относящихся к Карельской АССР (Прионежского, Пудожского, юго-восточной части Медвежьегорского), а также северо-восточной части Подпорожского района Ленинградской области и Вытегорского р-на Вологодской обл. На севере и частично на западе данная территория граничит с районами, населенными преимущественно носителями говоров финно-угорских языков, на юге и востоке — с территориями других групп севернорусского наречия. Приблизительные географические координаты онежской группы говоров следующие: 34°—37° в.д.; 60°—63° с.ш..

В отличие от ряда других диалектных конструкций[2], употребление конструкций с субъектным генитивом не характеризуется заметной дифференциацией внутри онежских говоров, поэтому материал в настоящей статье рассматривается без разделения на районы.

В работе использованы диалектологические записи 50—80-х гг. XX в.: материалы Словаря русских говоров Карелии (СРГК) Петрозаводского государственного университета им. О.В. Куусинена и Карельского пединститута; материалы, собранные для составления ДАРЯ (как вошедшие в атлас, так и хранящиеся в архиве Института русского языка АН СССР) и ОЛА; материалы диалектологических экспедиций, осуществленных автором статьи и сотрудником Института русского языка И.Б. Кузьминой, а также магнитофонные записи, сделанные Л.Н. Булатовой, Л.Л. Касаткиным, А.В. Тер-Аванесовой, хранящиеся в фонотеке Института русского языка. Привлечены также диалектные и фольклорные материалы второй половины XIX — начала XX в.: ответы на диалектологические программы, относящиеся к Олонецкой губернии [12]; материалы, приведенные в статье В.П. Мансикки, посвященной говорам Пудожского уезда [9]; тексты былин, записанных П.Н. Рыбниковым [16] и А.Ф. Гильфердингом [13] в Обонежье в 60—70-е годы XIX в.; тексты русских народных сказок, изданных П.Н. Рыбниковым, Н.Е. Ончуковым [14], А.М. Смирновым [17] и др. [4].

При цитировании примеров принят следующий порядок: примеры атласов сопровождаются пометами ДАРЯ, ОЛА; примеры словаря — СРГК; на материалы магнитофонных записей, хранящихся в фонотеке Института, указывается сокращением фон. ИРЯ; материалы экспедиций И.Б. Кузьминой помечены инициалами И.Б.К.; примеры из записей автора статьи не имеют дополнительных помет. Примеры всех мате-

[1] Как показали материалы ДАРЯ и ОЛА, конструкции с субъектным генитивом в наибольшей мере характерны для западной части севернорусских говоров [8, с. 230]. Существенно заметить, что онежские говоры характеризуются широким употреблением и Р. объекта (ср.: *говорить пустого; мыть половиков; убить лошади*).

[2] Например, типа *косить/кошу трава* см. [10] или типа *у него уйдено, у нее ученось* [18, с. 181—185; 11, с. 168—169].

риалов, относящихся к территории КАССР, даются только с указанием населенного пункта и района. Материал приводится в орфографическом написании с сохранением морфологических и словообразовательных особенностей говоров. В тех случаях, когда приводятся примеры из печатных источников, сохраняются принятые в цитируемом издании написания.

Материал современных онежских говоров может быть разделен на две в количественном отношении неравные части: 1) конструкции, в которых именной компонент называет предметы делимые и исчислимые (322 примера)[3]; 2) конструкции с именами, называющими неделимые предметы (14 примеров).

В конструкциях первой группы значительно чаще употребляется существительное мн. числа (231), ср.: *зато стогов стоит, как грибов, стоит этых стогов* (Пудож. райцентр); *мужиков ходит* (Вытегра Волог.); *в лесу е комаров* (Машезеро Прионеж. ДАРЯ); *дома корова была, поросенок был да овец было* (Загорье Медвежьегор. СРГК). Реже именной компонент представлен существительными единственного числа — вещественными, собирательными и абстрактными (91), например: *е у нас пшена* (Гимрека Подпорож. Ленингр. ДАРЯ); *у нас всякого народа было* (Ладва Прионеж. ДАРЯ); *памяти есть; свадебны все знат* (Пудож.).

В составе конструкций первой группы зафиксированы следующие глаголы (для каждого глагола, отмеченного более одного раза, указывается количество примеров): *быть* 286, *бывать* 9, *бежать, водиться, ездить* 2, *ехать, жить* 2, *идти, находиться, подойти* 2, *поразъехаться, попадать, прийти, пройти, расти* 4, *строиться, стоять* 3, *увидеть, ходить* 3. Как видно из приведенного перечня, большинство глаголов характеризуется бытийной семантикой или относится к числу глаголов движения. Приведем некоторые примеры: *есть совестных людей* (Кажма Медвежьегор.); *этых петариц есть* (пета́рица — ᶜпевица) (Бочилово Пудож.); *там-то бывает медведей, навалом их* (Федотово Медвежьегор. СРГК); *там всяких живе служащих* (Ладва Прионеж. ДАРЯ); *колокольчиков-то еде, чертей-то бежит след* (Ладва Прионеж.); *правда, всяких было, находилось тоже женихов* (Вытегра Волог.); *стали подходить — и озер подошло и всяких огоровин подошло; до того подошли, что, верно, воротились* (Ладва Прионеж. фон. ИРЯ); *рыбы всякой водится* (Типиницы Медвежьегор. СРГК); *а рыбы там хорошо попадало* (Ладва Прионеж. фон. ИРЯ); *не знаешь, откудова крещеного придет* (Бочилово Пудож.); *всяких людей-то прошло* (Машенжа Вытегор. Волог. ДАРЯ); *грибов когда растет* (Часовенская Медвежьегор. СРГК); *ездило тут всякого народу* (Ладва Прионеж. ДАРЯ); *вот там этого строится, не видать отсюда* (Суйсарь Прионеж.); *а дров стояло, а дрова недешевы* (Пудож); *вот картошку и воровали, но если начальства увидит, тут нахлыщут* (Кяппясельга Кондопож. СРГК); *ходит стадом их* (о волках) (Шуньга Медвежьегор.). Как свидетельствует материал, в конст-

[3] Тот же круг имен входит в общерусские конструкции с Р. субъекта и глаголами, семантика которых включает количественный признак.

рукциях преобладают формы наст. времени. Так, из 286 примеров с глаголом *быть* форму настоящего времени включают в себя 194, количество примеров с прошедшим и будущим соответственно 80 и 10 и в двух случаях выступают формы сослагательного наклонения; в материалах с другими глаголами форма не-настоящего (прош.) времени встретилась восемь раз.

Диалектные конструкции, выделенные в первую группу, как и общерусские с Р. субъекта, характеризуются партитивной семантикой. В большинстве случаев при помощи рассматриваемых конструкций указывается на наличие, движение... большого количества (массы) предметов. Значение неопределенно большого количества может подчеркиваться определением *всякий, разный,* например: *у нас всяких праздников е* (Спиридоновская Подпорож. Ленингр. ДАРЯ); *всяких разных кораблей стоит* (Кузаранда Медвежьегор.); *всяких, всяких лекарствов есть* (Ладва Прионеж.); *есть грибов всяких растет* (Деревянное Прионеж. ДАРЯ) и др.[4] На значение большого количества указывают также междометия, а иногда контекст в целом, например: *слез-то, господи, иде, иде* (Ладва Прионеж. фон. ИРЯ); *ой, делов-то было!* (Подсосенье Медвежьегор. СРГК); *самовар увидели электрический, как у нас было радости!* (Подпорожье Пудож.); *медведей есть порядочно, медведей — тех есть* (Шуньга Медвежьегор.); *снопов-то понавешают, а раньше, ой, му́ки-то было людям* (Заозерье Пудож. СРГК) и под. Как правило, значением большого количества обладают конструкции со словоформами *работы, делов, слез, горя* и др. [8, с. 235], например: *было работы с тремя робятами* (Кудамозеро Вытегор. Волог. ДАРЯ); *есь у их делов* (Челмужи Медвежьегор. ДАРЯ); *горюшка-то было* (Пудож.).

Реже встречаются среди диалектных конструкций такие, значение которых может быть определено только как значение неопределенно-количественное[5]. К числу последних представляется возможным, вслед за И.Б. Кузьминой и Е.В. Немченко, отнести конструкции со следующими формальными признаками: 1) союзом *и,* 2) частицей *еще,* 3) вопросительной интонацией [8, с. 232], например: *есть и взрослых* (Ладва Прионеж. ДАРЯ); *осов там еще есть* (Толвуйский Бор Медвежьегор. СРГК); *у Лизы есть ли гостей?* (Кузаранда Медвежьегор.) Кроме того, только неопределенно-количественное значение можно предполагать и в тех случаях, когда предложение с Р. субъекта и глаголом *есть* употреблено в качестве ответа на вопрос, например: — *А карелы тут живут? — Есть там карелов* (Кузаранда Медвежьегор.); — *А маленькие избушки были? — Было больших и маленьких, всяких* (Ладва Прионеж. фон. ИРЯ); — *А семьи были большие? — Было больших семей* (Шебалино Медвежьегор. фон. ИРЯ); — *А не приезжали охотники? — А тут у нас есть охотников-то своих* (Ладва

[4] Представляется убедительным положение Ю.М. Костинского о том, что лексическое значение определения *всякий* допускает смысловой сдвиг "разнообразие → множественность" [7, с. 217].

[5] На долю конструкций со значением неопределенно большого количества в наших материалах приходится приблизительно 75% (около 90 примеров), на долю конструкций с неопределенно-количественным значением — 25% (около 30 примеров).

Прионеж. фон. ИРЯ). Как видно по приведенным примерам, количественное значение диалектных конструкций с Р. субъекта может выступать более и менее отчетливо. Максимальной близостью к номинативным характеризуются, по-видимому, вопросительные конструкции с Р. и конструкции, заключающие в себе ответ на вопрос.

Как свидетельство функциональной близости номинативных и генитивных конструкций представляется возможным рассматривать и факт существования контаминированных предложений, в которых именной компонент имеет форму родительного падежа, а глагол — форму 3-го л. множественного числа. — Приведем их все: *снов будут* (Шуньга Медвежьегор.); *а кто работал покрепче, так их были* (Суйсарь Прионеж.); *змей в деревне были* (Семеновская Ковжин. Волог. ОЛА); *тут-то медведей бывают, только мало* (Суйсарь Прионеж.); *здесь всяких растут* (Деревянное Прионеж. ДАРЯ); *почти всех поразъехались* (Шуньга Медвежьегор.); *ходят старушек к нам* (Гимрека Подпорож. Ленингр. ДАРЯ).

Очевидный интерес представляет вторая группа предложений с Р. субъекта — конструкции, включающие в себя такое имя, которое называет неделимый предмет. В данных конструкциях, за одним исключением (см. последний пример), глагольный компонент представлен глаголом *быть*. Конструкции этой группы не обладают партитивной семантикой. Приведем весь материал: *у вас в Петрозаводске есть кого?* (вместо кто) (Колодозеро Пудож.); *чайника-то е?* (Пудож); *у ей дедки е, у меня бы дедки было* (если бы был дедка) (Авдеево Пудож.); *проси лошадь, а у того лошади было* (Шуньга Медвежьегор.); *у меня ей есть* (о человеке) (Медведево Медвежьегор. СРГК); *за рекой лавки есть* (одна) (Ольково Вытегор. Волог. ДАРЯ); *в семье-то его есь?* (Верховье Вытегор. Волог. ДАРЯ); *ково семьи-то есь?* (Конецкое Вытегор. Волог. ДАРЯ); *есь там моего телка?* (Посад Подпорож. Ленингр. ДАРЯ); *а семья есте? есте кого у ней?* (Гимрека Подпорож. Ленингр. И.Б.К.); *там дедки еще есть параличом немножко разбивши, ен, год прошел, теперь ходит* (Ладва Прионеж. фон. ИРЯ); *если есь сужена ряжена, приходи ко мне сейчас* (из гадания невесты) (Космозеро Медвежьегор. фон. ИРЯ); *потом как вышла замуж дочери* (Шуньга Медвежьегор.). Согласно данным ДАРЯ, примеры с конкретными существительными, помимо онежских говоров, единично зафиксированы на сопредельных территориях (5) и в Калининской обл. (1).

Существенно заметить, что в наших материалах 6 из 14 предложений являются вопросительными. На значительную долю вопросительных конструкций указывают и И.Б. Кузьмина и Е.В. Немченко (8 из 11 по материалам ДАРЯ) [8, с. 226]. — Попытка объяснить этот факт будет сделана в конце статьи.

В изученных диалектных и фольклорных материалах второй половины XIX — начала XX в. представлены генитивные конструкции со следующими глаголами, лишенными количественной семантики: *быть* 41, *водиться, идти, слетаться, стоять, съезжаться, уплыть*. Именной компонент выражен конкретными существительными во мн. числе или в единственном существительных вещественных, абстрактных и соби-

рательных, например: *там в Питерах и в Москвах староверскихто церквей есть* (Пудож. у.) [9, с. 167]; *есть всякого народа* (Муромля Петрозавод. у.) [12, с. 258]; *У меня хлеба—соли дома водится* (Сумозеро Пудож. у.) [16, т. II, с. 195]; *Силы у Добрыни есть по-старому* (Горка Пудожгор. у.) [16, т. I, с. 155].

По преимуществу конструкциям свойственна семантика неопределенно большого количества, например: *есть на свете добрых людей!* (Муромля Петрозавод. у.) [12, с. 258]; *Приходит — опять стоит сад, а в эвтом саду всякого разного украшения е...* (Нигижма Пудож. у.) [14, с. 236]; *Куды тебе, Иван, ехать? было братьев получше тебя!* (Заонежье) [4, с. 116]; *А во Смоленце казны есть, да сметы нету* (Горка Пудожгор. у.) [13, т. II, с. 530]; *А стоит-то уж силушки на чистом поли, А как мелкого лесу шумячего* (Сумозеро Пудож. у.) [13, т. I, с. 637]; *А тут поганых татровей, будто черного ворона, слеталося* (Повенец) [16, т. II, с. 12].

Но отмечены предложения и с неопределенно-количественным значением. Приведем их все: *есте и ельнику у нас* (Ежезеро Вытегор. у.) [12, с. 571]; *Было ли у тебя детей?* (Заонежье) [16, т. III, с. 189]; *Есть у меня и золотой казны* (Пудож. у.) [13, т. II, с. 527]; *Милаа ты моа сестриця родимаа, а есь ли у тя хлеба и соли и кушанья...* (Кондопога)[14, с. 208]; *Хоть есть и селов да со приселками, И то мне молодцу не похвальба* (Пудож. у.) [13, т. II, с. 496]; *этта еще будут порогов* (Пудож. у.) [9, с. 163].

В материалах встретились два контаминированных примера с личной формой глагола: *этта еще будут порогов* (Пудож. у.); *И всех музыкантов собрались и сцюдовались* (Кедрозеро Петрозаводск. у.) [14, с. 240]. Последнее предложение составляет исключение из всех материалов XIX в. с точки зрения семантики: генитив *всех музыкантов* характеризуется отсутствием значения количественной неопределенности. По отсутствию значения неопределенности эта конструкция близка диалектным примерам с Р. конкретного существительного. Глагольная форма подчеркивает, что родительный здесь близок именительному падежу.

Как известно, употребление Р. субъекта в количественных конструкциях является синтаксическим архаизмом. Данные конструкции — и в том числе такие, куда входит глагол, лишенный количественного признака, — прежде всего глагол *быть* — спорадически встречаются как в письменности древнерусского и старорусского периода, так и в литературном языке (преимущественно в его разговорном стиле) XVIII—XIX вв. [6, с. 236, 243; 20, с. 119—121; 5, с. 313, 315]. Однако факты, представленные в онежских говорах (а также в говорах сопредельных территорий), свидетельствуют о расширении явления по сравнению с предшествующими эпохами истории языка. Помимо высокой частотности генитивных конструкций, следует отметить возможность употребления здесь Р. субъекта с приглушенным количественным значением и даже без этого значения (конструкции с конкретными существительными единственного числа). Специфика расположения онежских говоров — их непосредственное соседство с говорами финно-угорских языков — и наличие в системе последних типологически

сходных конструкций дают основание предположить, что сохранение и развитие явления на данной территории в известной мере может объясняться взаимодействием говоров разных языков.

В финском языке широко употребительны предложения с партитивным подлежащим и сказуемым, выраженным глаголом в форме ед. числа. Партитивное, или парциальное, подлежащее, в качестве которого выступают имена, называющие предметы делимые и исчислимые, означает, что речь идет о наличии, существовании, действии неопределенного количества предметов (массы), например: *Maitoa on kupissa.* — *Молоко в чашке* (букв.: *молока есть в чашке*); *Lapsia jouksee pihalla.* — *На дворе бегаю дети* (букв.: *детей бегает на дворе*); *Metsassa kasvaa puita.* — *В лесу растут деревья.* (букв.: *в лесу растет деревьев*). С точки зрения лексического состава глаголов, конструкции не ограничены [2, с. 158; 3, с. 78].

Существенно заметить, что в финском языке и карельских говорах партитивное подлежащее вместо ожидаемого мн. числа может быть употреблено в единственном числе, например: *oli siella joka lajia: ukkoa, akkaa, miesta, naistä, kissaa, koiraa — было там всего: стариков, старух, мужчин, женщин, кошек, собак* [1, с. 160]; *книйгуа он столалла — книги на столе* [2, с. 158]. Как отмечают исследователи, значение партитива ед. числа в данных примерах тождественно значению партитива множественного[6]. По нашим наблюдениям над ливиковской речью[7], партитив единственного числа, употребленный, по-видимому, в собирательном значении, может означать и неопределенно большое количество предметов, например: *мечäс он кондыэду — в лесу много медведей.* В работах по финно-угорским языкам неоднократно указывалось на параллелизм предложений с партитивным подлежащим и русских диалектных конструкций типа *медведей в лесу есть* [21, p. 159; 15, с. 244].

Обращает на себя внимание и тот факт, что в финских говорах встречается употребление конкретных существительных ед. числа в роли так называемого "субъектного партитива неопределенного подлежащего" в вопросительных предложениях: *Oliko laakaria? — был ли врач?; Tuliko pappia tukaan? — пришел ли вместе с вами пастор?* — "здесь партитивность придает предложению отрицательный оттенок, поскольку спрашивающий, употребляя партитив, ожидает услышать отрицательный ответ" [19, с. 191]. В русских говорах явление выходит за рамки вопросительных конструкций, однако напомним, что из 18 зафиксированных в известных нам материалах предложений с Р. конкретных существительных ед. числа 10 содержат вопрос.

[6] Этот факт расценивается как отражение определенного этапа в развитии категории числа в отдельных падежах прибалтийско-финских языков [см.: 2, с. 158; 1, с. 160].
[7] Южнокарельский говор; запись сделана в д. Коткозеро Олонецкого р-на КАССР.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Беляков А.А.* Категория числа в карельском партитиве // Советское финно-угроведение. Л., 1948. Т. 1. С. 160—164. (Учен. зап. ЛГУ. Сер. востоковед. наук; Вып. 2).
2. *Бубрих Д.В.* Историческая морфология финского языка. М.; Л., 1955.
3. Грамматика финского языка / Ред. Б.А. Серебренников, Г.М. Керт. М.; Л., 1958.
4. Живая старина. СПб., 1897. Вып. 1.
5. Изменения в системе простого и осложненного предложения в русском литературном языке XIX в. / Ред. В.В. Виноградов, Н.Ю. Шведова. М., 1964.
6. Историческая грамматика русского языка: Синтаксис. Простое предложение / Ред. В.И. Борковский. М., 1978.
7. *Костинский Ю.М.* Генитивные субъектные конструкции в современном русском языке: Дис. ... канд. филол. наук. М., 1970.
8. *Кузьмина И.Б., Немченко Е.В.* Глагольные конструкции с субъектным генитивом в современных русских говорах // Общеславянский лингвистический атлас, 1974. М., 1976. С. 214—236.
9. *Мансикка В.* О говоре северо-восточной части Пудожского уезда // Изв. ОРЯС. 1916. Т. 19, кн. 4.
10. *Маркова Н.В.* Именительный падеж прямого объекта в онежских говорах // История русского языка: Лексика. Яз. худож. лит. М., 1985. С. 64-87. Деп. в ИНИОН 01.08.85, N 21902.
11. *Маркова Н.В.* К вопросу о конструкциях с причастными формами, образованными от основы непереходных глаголов с помощью суффиксов *-н-, -т-*, в онежских говорах // Русские диалекты. М., 1987. С. 167—173.
12. Материалы для изучения великорусских говоров. Вып. 2, 4 // Изв. ОРЯС. 1896. Т. 1, кн. 3. С. 571; 1897. Т. 2, кн. 1. С. 258.
13. Онежские былины, записанные А.Ф. Гильфердингом летом 1871 г. 4-е изд. М.; Л., 1949—1951. Т. 1—3.
14. *Ончуков Н.Е.* Северные сказки. СПб., 1909.
15. *Пялль Э., Тотль Э., Тукумцев Г.* Сопоставительная грамматика эстонского и русского языка. Таллинн, 1962.
16. *Рыбников П.Н.* Песни, собранные П.Н. Рыбниковым: В 3 т. 2-е изд. СПб., 1909.
17. Сборник великорусских сказок Архива Русского географического общества. Пг., 1917. Вып. 1.
18. *Трубинский В.И.* Очерки русского диалектного синтаксиса. Л., 1984.
19. *Хакулинен Л.* Развитие и структура финского языка. М., 1955. Ч. 2.
20. *Шахматов А.А.* Синтаксис русского языка. Л., 1941.
21. *Decsy G.* Is there a Finnic Substratum in Russian?// Orbis. 1967. Vol. 16, N 1. P. 151—159.

О.Н. МОРАХОВСКАЯ

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ТЕОРИИ КЛАССИФИКАЦИИ ПРИМЕНИТЕЛЬНО К ДИАЛЕКТОЛОГИИ

Интерес к вопросам теории классификации со стороны языковедов закономерен, поскольку к процедуре классифицирования исследователю любого языка приходится прибегать постоянно, а описательный подход, плодотворный как в исследованиях современного языка, так и в его истории, применительно к литературному языку и к диалектам, вообще основан на классифицировании.

Известно, что одним из центральных понятий теории классификации является понятие иерархии — соотношения основных понятийных областей между собой как ниже — и вышестоящих элементов, разбиение которых осуществляется либо на основании дихотомического принци-

па, либо противопоставлением модификаций одного и того же признака [1]. Когда речь идет о понятийной картине мира в ее самых крупных подразделениях, иерархическая классификация оказывается осуществимой. Осуществима она применительно ко многим лексическим полям и лексикосемантическим группам, о чем свидетельствуют исследования ученых (там же). Но "вся содержательная сторона лексики не может быть представлена в виде жесткой всеобъемлющей иерархической классификации, и в этом смысле понятийная картина мира иерархической не является" [2].

Понятие неиерархической классификации раскрывается через определения "комбинативная", "фасетная", поскольку в такой классификации "разделение на классы... осуществляется сразу по нескольким признакам (фасетам)" [3][1].

В исследованиях по русской диалектологии процедуры неиерархической классификации в сочетании с элементами иерархической классификации осуществлялась при разработке диалектного членения в общеизвестных работах К.Ф. Захаровой и В.Г. Орловой. Единицы диалектного членения выделены на материале диалектологических атласов русского языка с учетом всех исследованных признаков по "скользящей" классификации. В работах Н.Н. Пшеничновой обосновывается возможность уточнения диалектного членения применением при создании многоаспектной (комбинативной) классификации метода таксономического анализа [4], вероятностно-статистического метода [5].

В ряде работ по диалектной лексикологии семантическая структура многозначных слов, отношения между словами в составе лексико-семантических групп (ЛСГ) исследуются на основе теории оппозиций Н.С. Трубецкого методом компонентного анализа — установлением компонентов значения лексической единицы (т.е. таких ее составных частей, которые могут быть соотнесены с признаками выражаемого в слове понятия) и использованием компонентов — элементарных семантических единиц — для классификации слов или лексико-семантических вариантов (ЛСВ). При этом семантическую структуру слова можно представить как "упорядоченное множество лексико-семантических вариантов", которые "связаны между собой не только тем, что все они выражаются одним и тем же комплексом морфем (в разных условиях дистрибуции), но и тем, что каждый вариант может быть объяснен хотя бы через один из остальных" [6]. По методике, описанной И.В. Арнольд, или близкой к ней, проанализированы семантические структуры ряда слов: В.Л. Козловой — глагола *выйти* и глаголов, синонимичных с его лексико-семантическими вариантами в говоре одного села [7]; Л.Г. Самотик — глаголов *работать, делать,* большой группы их синонимов и группы антонимов — в говоре одного района [8]; Н.Б. Лаврентьевой — глагольных метафор (в говорах Новосибирской области), которые она классифицирует на основе денотативно-семантического принципа, опираясь на ленинскую теорию

[1] Фасетная или многоаспектная классификация определена в Терминологическом словаре по информатике (М., 1975) как такая классификация, при которой заданное множество делится на группировки независимо по различным признакам.

отражения и на некоторые положения теории мотивации [9]. Во всех этих исследованиях результаты представлены в таблицах и схемах, что позволяет лучше видеть структуру рассматриваемого материала, системные связи классифицируемых единиц и возможные выпадения из системы. По такой же методике исследованы одушевленные существительные в говоре Тасеевского р-на Красноярского края в работах Т.И. Бытевой [10]. Ставилась цель расклассифицировать слова на основании сходства структурных особенностей их семантики вне зависимости от денотативной отнесенности и функциональных различий, исследована производность в разных группах существительных со значением лица. Можно назвать и других исследователей, работы которых связаны с теорией оппозиций и обобщением результатов в таблицах (Н.П. Романова, Н.С. Кошелева, Н.А. Лукьянова, Э.В. Васильева и др.). В серии статей А.П. Шварц на материале говора д. Акчим рассматривается семантическая классификация групп наречий разной структуры по многим признакам одновременно. Так для ЛСГ наречий времени выделены четыре различительных признака: по соотношению с моментом речи, по длительности, по последовательности, по кратности. Все наречия (131 единица) представлены в таблице отмеченности того или иного признака для каждого из них. По такой же методике на материале того же говора исследованы антонимические микросистемы наречий, связанных с понятиями 'много' и 'мало', 'сначала' — 'потом', наречия со значением кратности и др. [11].

В большинстве исследований, осуществленных по подобной методике„ анализируется материал либо говора одного села (ЧДС), либо "говора" целого района. Р.Я. Тюрина исследовала лексику природы, классифицируя ее по ЛСГ, в говорах Среднего Приобья с учетом лингвогеографического фактора, что отражено в таблице [12]. Межсистемные отношения рассматриваются в работах Е.А. Нефедовой, исследовавшей ЛСГ названий грибов в архангельских говорах. Она классифицирует названия грибов сопоставлением их значений со значением опорной лексемы, имеющей наиболее общее значение 'грибы' [13]. Большую сложность представляет и классификация членов семантических диалектных различий, которые являются в большинстве случаев ЛСВ одного слова. Е.А. Нефедова, исследовавшая диалектное различие в значениях глаголов с корнем *-верн-/-верт-* [14], конструировала из ЛСВ этих глаголов сводное семантическое поле, в котором выделеяется ряд парадигм и подпарадигм. Она отмечает симметричную противопоставленность этих парадигм друг другу и характеризует внутреннюю структуру этих парадигм, выделяя в ней прямые номинативные, переносные метонимические и метафорические значения со своей специфической ролью каждого в парадигматике и синтагматике.

При составлении ДАРЯ задача создания классификации членов семантических диалектных различий почти всегда представляла значительные трудности. Требование системного подхода диктовало в первую очередь поиски иерархических отношений, которые не всегда приводили к желаемым результатам. В подобных случаях рекомендуется "там, где невозможно установить иерархию, ... использовать

другие виды группировок, например, задавать некоторую понятийную область списком" [15]. Правда, эта рекомендация сформулирована применительно к понятийной области, т.е. связана с группировкой лексики, а не семантических вариантов многозначного слова. Тем не менее она может быть использована, поскольку какие-то элементы иерархии всегда присутствуют в отношениях членов семантических диалектных различий.

Рассмотрим соотношение членов диалектного различия, представленных ЛСВ слова *кут/куть* в русских говорах. Материал ДАРЯ, использованный в качестве основного, дополнен данными СРНГ.

Общим для большинства значений является компонент 'пространство, ограниченное двумя плоскостями (или кривой)'. В СРНГ в качестве наиболее общего приведено значение 'место, где сходятся внешние и внутренние стороны предмета'[2], еще одно общее значение, которым можно мотивировать большинство значений других ЛСВ[3] — 'любой угол'.

Для большой группы ЛСВ компонент 'пространство, ограниченное двумя плоскостями или кривой' является общим компонентом значения. Эту группу можно подразделить на две подгруппы. Для одной подгруппы ЛСВ можно выделить дополнительный компонент '(угол) в жилом помещении'. Для другой — 'ограниченное пространство вне жилого помещения'.

Далее в первой подгруппе объединены все ЛСВ, значения которых относятся либо ко всем, либо к части, либо к одному из углов жилого помещения. Этими ЛСВ метонимически мотивированы ЛСВ, значения которых передаются словосочетаниями со словом *место*. Этими последними, в свою очередь, видимо, метонимически мотивированы ЛСВ, которые служат названиями некоторых конкретных предметов ('лавка', 'нары' и др.).

Во второй подгруппе, в которой к интегральному признаку (в любой формулировке) добавляется компонент 'вне жилого помещения', разбиение осуществляется по признакам: 'отношение к хозяйственным постройкам и ограде крестьянского двора'; 'отношение к частям населенного пункта'; 'отношение к географическим объектам' с соответствующим добавлением производных значений.

Есть еще одна группировка ЛСВ, выделяемая компонентом отно-

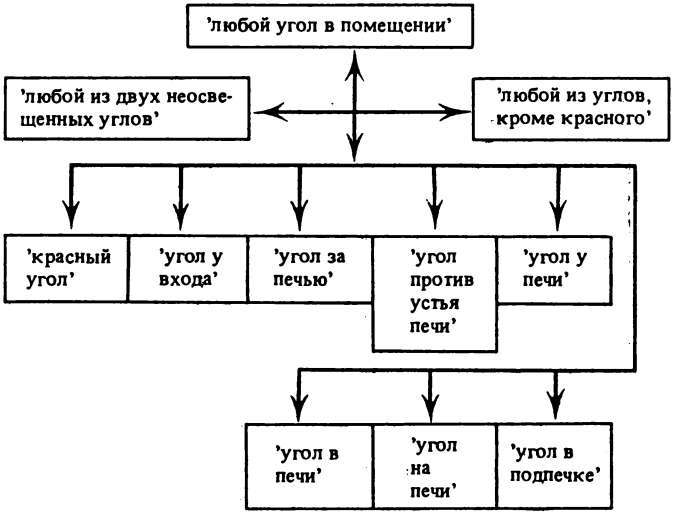
---

[2] Указание на источник в данном случае даем в связи с тем, что такая формулировка выделена в качестве интегрального признака, а между тем в материалах ДАРЯ она не встречается. В дальнейшем изложении материал рассматривается в чисто структурном аспекте, так как более детальное филологическое рассмотрение этого диалектного различия в описательном и историческом аспектах с соответствующими ссылками на источник является темой другой работы. Здесь мы не касаемся вопросов планировки крестьянской избы [16], сакральной отмеченности одного из углов или отгороженных помещений [17], а также правомерности разграничения значений, сформулированных с помощью слов *угол* или *место*, которое подтверждается данными лингвогеографии.

[3] Многие авторы специально оговаривают употребление в строго "синхронном" плане в работах по семантической деривации выражения *семантические изменения*. Считаем, что термины "мотивация", "мотивировать" относятся целиком к описательному, а не к историческому аспекту.

шения к живым организмам: они имеют конкретные значения, служа названиями некоторых зубов у лошади или у человека.

Представить соотношение ЛСВ этого слова в виде какого-то подобия иерархии удается только для некоторых групп значений, построив парадигматические отношения между ними, например:

Поэтому попытаемся дать представление о соотношении значений списком. Под цифровыми индексами, начинающимися с нуля, приводим три варианта формулировок интегрального компонента:

0.1. 'Пространство, ограниченное двумя плоскостями или кривой'
0.2. 'Место, где сходятся внешние и внутренние стороны предмета'
0.3. 'Любой угол'
1.0. 'Принадлежность к жилому помещению'
1.1. 'Любой угол в жилом помещении'
1.1.1. 'Любой из четырех углов жилого помещения'
1.1.1.1. 'Любой угол, кроме переднего ("красного")'
1.1.2.1. 'Любой из двух неосвещенных углов'
1.1.2.1.1. 'Передний ("красный") угол'
1.1.2.1.2. 'Угол у печи (или за печью)'
1.1.2.1.3. 'Угол у входа'
1.1.2.1.4. 'Угол против устья печи'
1.1.2.2. 'Угол в печи'
1.1.2.3. 'Угол на печи'
1.1.2.4. 'Угол в подпечке'
1.1.2.4.1. 'Угол в доме для скота, домашней птицы'
1.2. 'Место в любом углу жилого помещения'
1.2.1. 'Место у входа'
1.2.2. 'Место у печи (возможно, против ее устья)'
1.2.3. 'Место за печью'
1.3. 'Помещение за загородкой или одно из отгороженных помещений жилой камеры'
1.3.1. 'Кухня'
1.3.2. 'Спальня'
1.3.3. 'Прихожая'

1.4.	'Деталь внутреннего устройства или предмет, находящийся в одной из отмеченных частей помещения'
1.4.1.	'Углубление для кровати во внутренней стене дома'
1.4.2.	'Лавка, нары или устройство типа сундука в доме'
1.4.2.1.	'Лавка в заднем углу'
1.4.2.2.	'Настил для спанья напротив входа, устраиваемый между печью и стеной (при восточном варианте южнорусской планировки)'
1.4.2.3.	'Лавка в переднем углу (сакрально отмеченное место)'
1.4.2.3.1.	'Занавеска в переднем углу' (где именно?), "но не сам угол"
1.5.	'Жилище, пристанище'
1.5.1.	'Свой угол (жилплощадь)'
1.5.1.1.	'Летняя комната, отделенная от избы сенями'
1.5.2.	'Собачья конура'
1.5.3.	'Часть хлева; угол, отгороженный для теленка'
1.5.4.	'Курятник'
1.5.5.	'Двор, часть двора'
2.0.	'Пространство вне крестьянского двора (обитаемой части), имеющее искусственные или естественные границы'
2.1.	'Место, где сходятся под прямым углом изгороди'
2.1.1.	'Задняя часть сада, огорода'
2.1.2.	'Часть гумна'
2.2.	'Закоулок, тупик'
2.2.1.	'Конец улицы, заканчивающийся тупиком'
2.3.	'Часть суши, мыс, выдающийся в море'
2.3.1.	'Конец мыса'
2.3.2.	'Конец залива'
2.3.2.2.	'Заливной луг'
2.3.2.3.	'Лог, низкое место в поле'
2.3.2.4.	'Возвышенное место около реки'
2.3.2.4.1.	'Место крутого поворота реки'
2.3.3.	'Отдаленное глухое место'
3.0.	'Отношение к живому существу'
3.1.	'Одна (определенная) пара зубов у лошади'
3.2.	'Зубы мудрости у человека'

Как видим, под индексами одного порядка здесь могут быть объединены очень разные конкретные значения, однако мотивированность во всех случаях весьма прозрачна. Это подтверждает и возможность сформулировать дифференциальные признаки для разных подгрупп значений, а, как известно, "...проблема подбора дифференциальных признаков остается очень сложной" [18].

Другая возможность представить комбинативную классификацию — схема. Такое построение было выполнено мною для слова курень. Семантическое диаполе этого слова, детально описанное и оформленное в матрицу, было затем представлено именно в таком варианте схемы, по которому принцип "фасетности" (многоаспектности) прослеживается с наибольшей степенью наглядности [19].

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Розина Р.И.* Принципы классификации лексической семантики: (Имя существительное): Науч.-аналит. обзор. М., 1982.
2. *Морковкин В.В.* Смысловое членение универсума и классификация лексики // Проблема определения терминов в словарях разных типов. Л., 1976. С. 183.
3. *Розина Р.И.* Указ. соч. С. 15—16.
4. *Пшеничнова Н.Н.* Применение метода таксономического анализа к классификации говоров // Диалектологические исследования по русскому языку. М., 1977; *Она же.*

Мера специфичности и некоторые вопросы классификации частных диалектных систем // ОЛА: Материалы и исследования, 1977. М., 1979.

5. *Пшеничнова Н.Н.* О значении статистических приемов в диалектологических исследованиях // Проблемы изучения русских говоров вторичного образования. Кемерово, 1983; *Она же.* Лингвогеографический и статистический анализ стяжения в русских говорах // Русские народные говоры. М., 1983; *Она же.* О классификации частных диалектных систем вероятностно-статистическим методом // Русские диалекты: Лингвогеогр. аспект. М., 1987.
6. *Арнольд И.В.* Семантическая структура слова в английском языке и методика ее исследования. Л., 1966. С. 80.
7. *Козлова В.Л.* Опыт определения значений одной полисемантичной лексемы с учетом системного фактора // Вопросы грамматики. Тобольск, 1969; *Она же.* К вопросу о связи многозначия и синонимии (на материале говора) // Там же; *Она же.* О сочетаемостных свойствах синонимов и некоторых вопросах диалектной лексикографии // Проблемы лексикологии, фразеологии и лексикографии сибирских говоров. Красноярск, 1975.
8. *Самотик Л.Г.* Из наблюдений над лексикой старожильческого говора Тасеевского района Красноярского края // Материалы и исследования по сибирской диалектологии, 1971. Красноярск, 1973; *Она же.* Некоторые наблюдения над системными и семантическими связями в одной лексико-семантической группе: (На материале русского старожильческого говора Тасеевского района Красноярского края) // Материалы и исследования по сибирской диалектологии, 1973. Красноярск, 1973; *Она же.* К вопросу о парадигматической и синтагматической сторонах значения глагола в говоре // Проблемы лексикологии...; *Она же.* Об отношениях противопоставления в лексико-семантической группе одного говора // Проблемы грамматики, словообразования и лексики сибирских говоров. Красноярск, 1978.
9. *Лаврентьева Н.Б.* К вопросу о принципах классификации глагольных метафор (на материале говоров Новосибирской области) // Лексика и фразеология русских говоров Сибири. Новосибирск, 1982.
10. *Бытева Т.И.* Семантические особенности существительных агентивного значения в говорах Красноярского края // Проблемы лексикологии...; *Она же.* Опыт сравнительного анализа семантических отношений в одной тематической группе // Проблемы грамматики...; *Она же.* К вопросу о специфике полисемии в диалектной системе // Лексика и фразеология...
11. *Шварц А.П.* К вопросу о семантической классификации лексики (на метариале наречий времени в говоре д. Акчим) // Учен. зап. Перм. ун-та. Языкознание. 1966. N 162; *Она же.* Группа наречий, включающая антонимические микросистемы слов, связанных с понятиями «много» и «мало» (на материале наречий говора д. Акчим Красновишерского р-на Пермской обл.) // Вопросы фонетики, словообразования, лексики русского языка и методики его преподавания. Пермь, 1964; *Она же.* Группа наречий, включающая антонимические микросистемы слов, связанных с понятиями "сначала — потом" // Живое слово в русской речи Прикамья. Пермь, 1972. Вып. 3; и др.
12. *Тюрина Р.Я.* Лексика природы в русских старожильческих говорах Среднего Приобья: (К вопр. об особенностях диалект. лексико-семант. систем): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Томск, 1972.
13. *Нефедова Е.А.* Микологическая лексика архангельских говоров: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1977; *Она же.* О гипонимических отношениях в группе микологической диалектной лексики // ОЛА: Материалы и исследования, 1976. М., 1978.
14. *Нефедова Е.А.* Семантическое поле глаголов с корневой морфемой *верн-, верт-*: (Парадигматический и синтагматический аспекты изучения) // Актуальные проблемы диалектологии и исторической лексикологии русского языка. Вологда, 1983.
15. *Морковкин В.В.* Указ. соч.
16. *Блумквист Е.Э.* Крестьянские постройки русских, украинцев и белорусов // Восточнославянский этнографический сборник. М., 1946.
17. *Байбурин А.К.* Жилище в обрядах и представлениях восточных славян. Л., 1983.
18. *Арнольд И.В.* Указ. соч. С. 86.
19. *Мораховская О.Н.* К исторической интерпретации лексической карты // Русские говоры: К изуч. фонетики, грамматики, лексики. М., 1975. Она же. Исследование предметной лексики русского языка с применением методов лингвогеографии. Диссертация на соискание ученой степени доктора филологических наук. М., 1982.

О.Е. КАРМАКОВА

ИЗУЧЕНИЕ КОМБИНАТОРИКИ В НАЗВАНИЯХ ЦЕПА И ЕГО ЧАСТЕЙ

Материалом для статьи послужил цикл карт ДАРЯ: "Названия орудия для ручной молотьбы — цепа" (карта 39), "Названия ручки цепа" (карта 40), "Названия бьющей части цепа" (карта 41), "Название приспособления, связывающего ручку цепа с его бьющей частью" (карта 42) [1]. На их основе составлено четыре картосхемы (см. рис. 1—4), где указано территориальное распределение наиболее частотных лексем, или же, в случае обилия дериватов, наиболее частотных корней, от которых образованы наименования. Сопоставление четырех картосхем дает общее представление о типологии названий указанного орудия[1].

Широта лексического варьирования рассматриваемых наименований в диалектном языке заставляет исследователя задаться вопросом, на первый взгляд как будто и формальным: какова степень варьируемости названий деталей цепа, какие части имеют для своего обозначения большое число вариантов и как эти варианты соотносятся с территорией, как объяснить, почему на той или иной территории число вариантов, например, для названия всего орудия резко возрастает. Постановка этих вопросов подсказывается использованием особого приема рассмотрения лексического материала в рамках лингвогеографической модели диалектной лексикологии [2], приема, который назовем "матрицей варьирования". Он же помогает найти и ответы на сформулированные вопросы, хотя ответ на последний из них требует выхода за пределы синхронии и обращения к историческим — как языковым, так и экстралингвистическим — процессам.

Матрица варьирования (табл. 1), составлялась следующим образом. В качестве исходного были выбраны названия ручки цепа — карта 40 (см. рис. 2), и для каждого ее названия, а следовательно, территории, подобраны соответствующие наименования по картам 39,41 и 42 (см. рис. 1, 3, 4) всего орудия, бьющей части и связки.

Почему в качестве исходного материала для матрицы варьирования взяты наименования ручки? На первый взгляд может показаться, что любая из трех остальных колонок матрицы могла бы занять место исходной, но выбранный путь представляется наиболее рациональным. Название всего орудия "невыгодно" брать для этой роли, поскольку его распространение характеризуется однородными территориями и самой малой (по сравнению с названиями частей) варьируемостью — 27 названий, из которых большая часть образована от корня **vęz/vǫz* (-уз-/-вяз-). От использования в качестве исходного названия связки следует отказаться по следующим причинам: это неосновная состав-

[1] Цели построения картосхем, а также их возможности при синхронном и диахронном изучении материала в работе не раскрываются, представляя собой отдельный сюжет исследования.

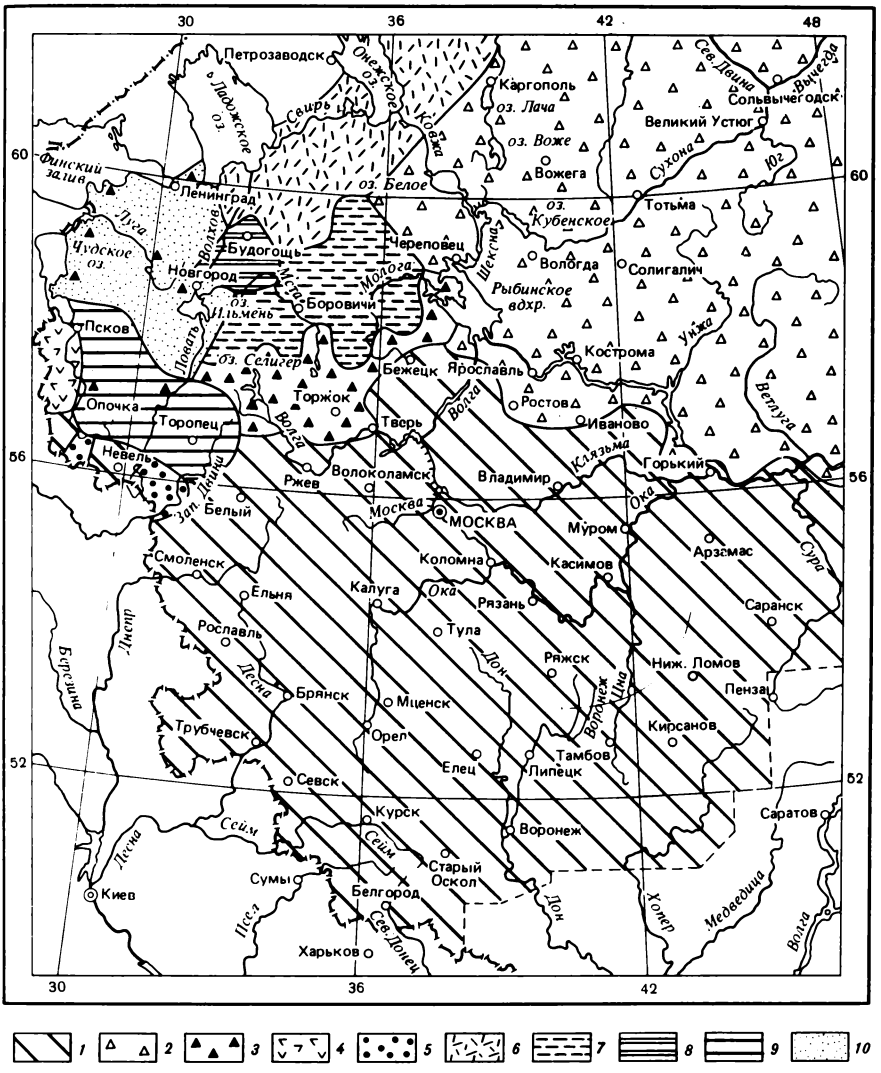
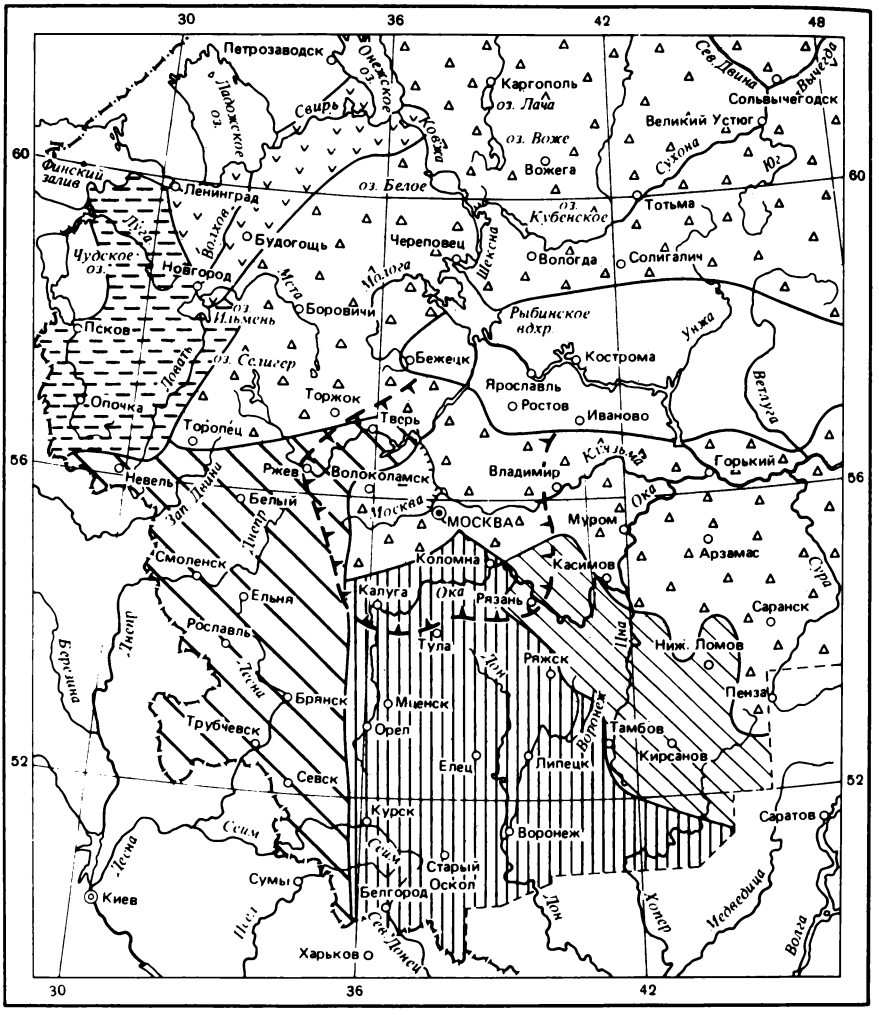

Рис. 1. Названия орудия для ручной молотьбы — цепа

1 — цеп; 2 — молоти́ло; 3 — молоти́лка; 4 — ручни́к; 5 — бич, оби́ч; 6 — при́уз; 7 — при́узь; 8 — при́узда; 9 — при́вязь; 10 — при́возa

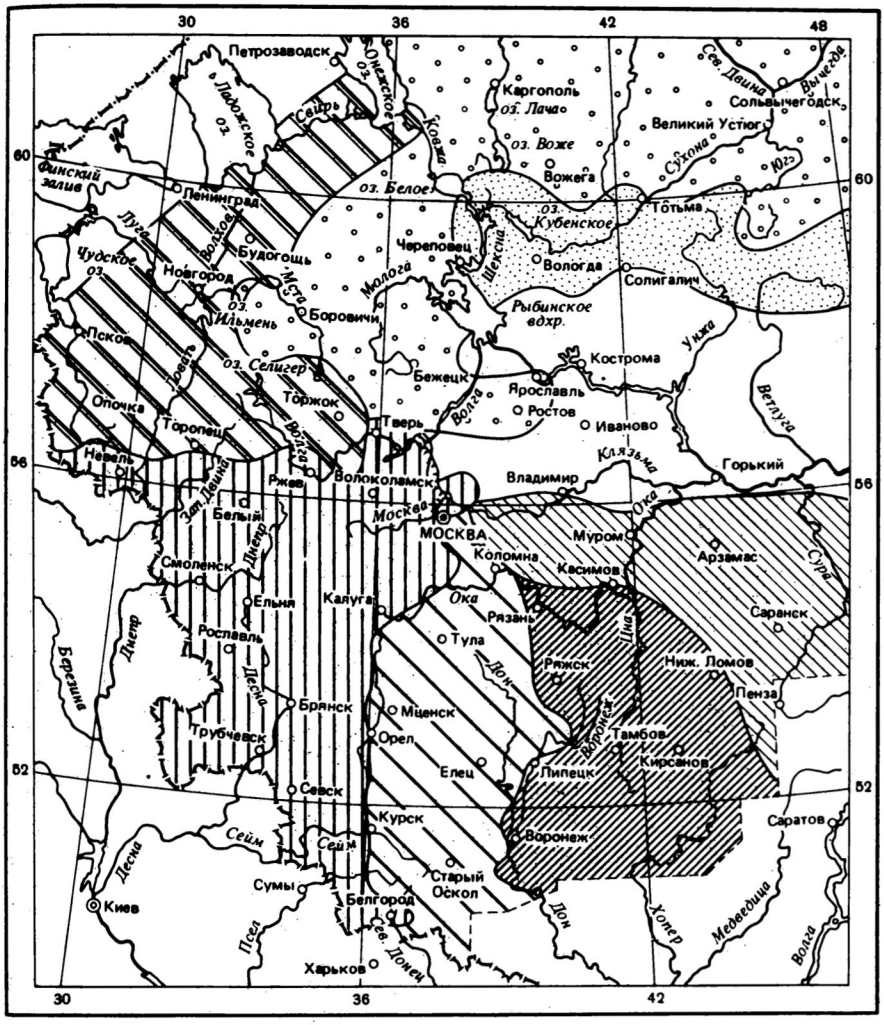
ляющая орудия, в данной группе много нетерминологических наименований (типа *верёвка, кожа* и под.), название связки имеет малое число вариантов. Не менее существенным соображением может служить анализ статистической надежности материала. В ответах на вопрос 165 "Программы" [3] наибольшее число пропусков, отсутствия ответов, приходится как раз на связку. Что касается ручки и била, то здесь соотношение приводимого материала примерно равное: наибольшее

1 2 3 4 5 6 7 8

Рис. 2. Названия ручки цепа

1 — **образования от корня** *цеп-*: *цепи́на, цепи́лина, цепи́льно́* **и др.**; *2* — *цепи́льня, тепи́льня*; *3* — **образования от корня** *цев-/ кев-/ тев-*: *цевьё, цеви́на, кевьё, кеви́на, тевьё, теви́на*; *4* — *ма́тка, ма́тица*; *5* — **образования от корня** *кад-*: *ка́дка, ка́дочка, ка́дце/а*; *6* – **смешанная территория**: *молоти́ло, молоти́лка, че́рен, па́лка, падо́г*; *7* — **образования от корня** *держ-*: *держа́лка, держа́льня, держа́лень, держа́к, держа́ло*; *8* — **широко отмечено наименование** *ру́чка*.

1 2 3 4 5 6 7 8

Рис. 3. Названия бьющей части цепа — била

1 — **образования от корня** *бит-/бич-*: *би́ло, бич, бичу́к, битóк; 2* — **образования от корня** *цеп-/кеп-/ теп-*: *цепéц, цепóк, кепéц, тепóк; 3* — *цепни́к, цепи́льник; 4* — *цепи́нка; 5* — **образования от корня** *теп-*: *тепéц, тепóк, тепи́нка; 6* — **образования от корня** *бат(д)-, пад-*: *батóг, падóг, батожóк; 7* — *па́лка, 8* — **смешанная территория**: *молоти́ло, молоти́лка, валёк, колоту́шка*

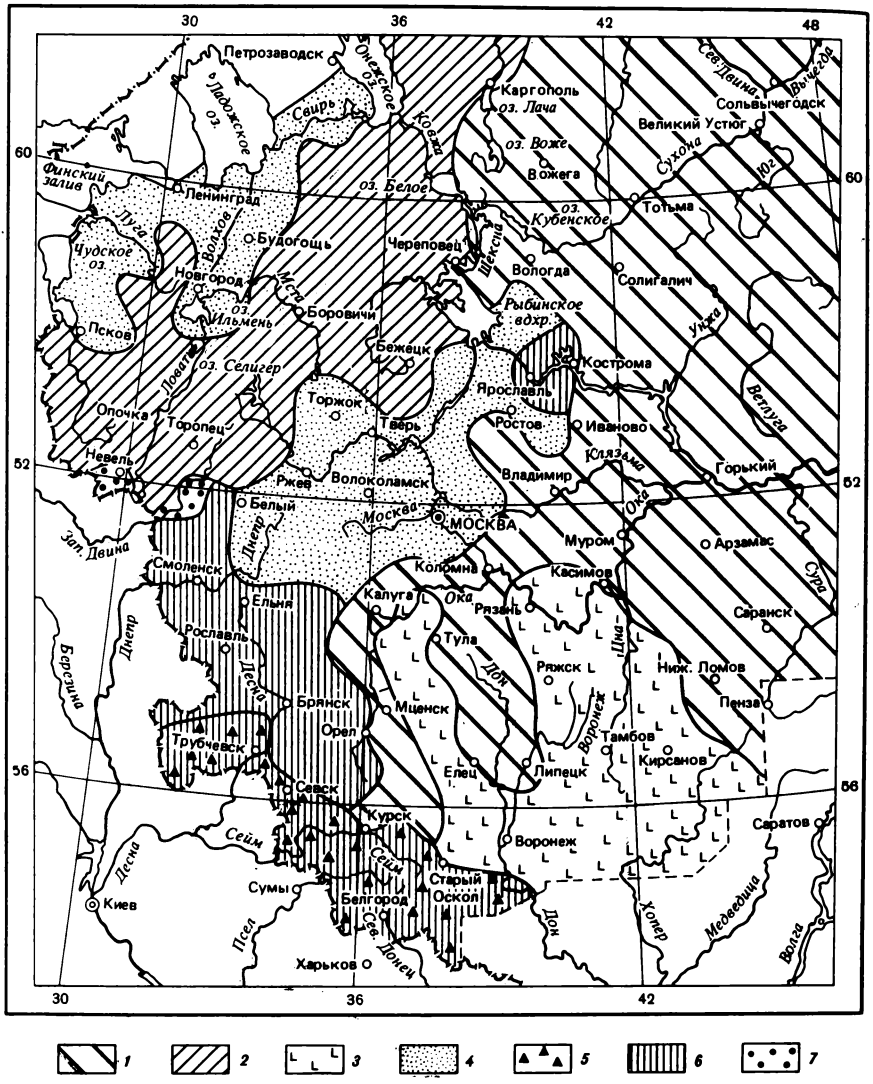

Рис. 4. Названия приспособления, соединяющего ручку и бьющую часть цепа
1 — пу́тце; 2 — пу́то; 3 — гуж **и однокоренные;** *4 — ре́ме́нь* **и однокоренные;** *5 — ка́пи́ца; 6 — на́вя́зь* **и однокоренные;** *7 — угари́на*

разнообразие представлено в названиях бьющей части цепа — 46 вариантов и ручки — 55 вариантов. Наиболее варьируемое из них и выбирается для исходной колонки матрицы.

Исходный материал, т.е. названия ручки, взят не весь, так как объем его слишком велик, а ограничен несколькими корнями: *цеп-*(*кеп-, теп-*), *-уз-, молот-, мат-, цев-* (*кев-, тев-*), *дуб-* и словом *ка́дка*. При выборе названий для составления матрицы учитывался ряд параметров.

Таблица 1 (продолжение)

Название ручки		Название орудия	Название била	Название связи
1		2	3	4
I	ЦЕП[21]	цеп цоп	цепе́ц цепни́к цепи́нка молоти́лка би́ло бич	пу́то пу́тце реме́нь реме́шек ремешо́к
II	ЦЕПЕ́Ц[12]	цеп	тепе́ц молоти́лка дубе́ц каду́шка колоту́шка па́лка	пу́то реме́нь гуж
III	ЦЕПИ́ЩЕ[10]	цеп	цеп би́чик ка́дочка	пу́тце реме́нь ре́мушек ремешо́к при́вязь
IV	ЦЕПНИ́К[8]	цеп	цеп молоти́ло молоти́лка каду́шка	пу́тце реме́нь
V	ЦЕПИ́НА[9]	цеп цоп при́вязь	цепи́нка би́ло каду́шка	пу́то ре́ме́нь реме́шек гу́жик у́вязь ка́пица
VI	ЦЕПИ́ЛИНА[50]	цеп бич оби́ч при́вуз при́вязь	цеп тепе́ц би́ло бич би́чик бичу́к битец бито́к обичёвка колоту́шка	пу́то пу́тце реме́нь реме́шек ремешо́к ре́мушок при́вязь при́ва́зка хому́тик хомуто́к угари́на верёвка
VII	ТЕПИ́ЛИНА[13]	цеп цоп	тепо́к тепе́ц	пу́тце реме́нь реме́шек гужо́к
VIII	ЦЕПИ́ЛЬНИК[15]	цеп	цеп цепи́нка цепи́льник тепе́ц бич	пу́то пу́тце реме́нь ремешо́к ре́мушек

Таблица 1 (продолжение)

1		2	3	4
			би́чик	гуж
			бичу́к	гужо́к
			кадýшка	у́вязь
			па́дубок	•
IX	ЦЕПИ́ЛЬНЯ[100]	цеп	цеп	пу́то
		цоп	цепе́ц	пу́тце
			тепе́ц	ре́ме́нь
			цепни́к	ремешо́к
			молоти́льник	ремушо́к
			бич	гуж
			би́чик	гу́жик
			бичу́к	прице́п
			обичёвка	при́вязь
			па́дубок	при́вязень
			па́довица	у́вязь
				на́вязь
				хомуто́к
				ка́пи́ца
				угари́на
X	ТЕПИ́ЛЬНЯ[10]	цеп	цепе́ц	пу́тце
		цоп	тепе́ц	гуж
			цепни́к	завя́зка
XI	ЦЕПИ́ЛЬНО́[50]	цеп	бич	пу́то
			бичу́к	пу́тце
			обичёвка	ре́ме́нь
				ремешо́к
				ре́мушек
				ремушо́к
				при́вязь
				при́вязень
				при́вя́зка
				у́вязь
				ка́пица
XII	ЦЕПОВИ́НА[2]	цеп	би́чик	пу́то
			би́ло	при́вязь
XIII	ЦЕПОВИ́ЛИНА[8]	цеп	цеп	пу́то
		бич	бич	ре́мень
			би́чик	ремешо́к
			обичёвка	при́вязь
XIV	ЦЕПОВИ́ЛЬНЯ[6]	цеп	обичёвка	пу́то
				ре́ме́нь
				угари́на
XV	ЦЕВЬЁ[13]	при́вуз	цеп	пу́тце
		при́вязь	цепе́ц	ре́ме́нь
		при́вяза	тепе́ц	ремешо́к
		молоти́лка	би́чик	
			бичу́к	
			ка́дочка	
XVI	ТЕВЬЁ[2]	при́возь	тепе́ц	пу́то
		при́воза		ремешо́к

Таблица 1 (продолжение)

1	2	3	4
XVII КЕВЬЁ[11]	цеп	тепе́ц	пу́то
	цепь	кепе́ц	ре́мень
	при́уз	при́уза	ремешо́к
	при́уза	молоти́лка	гужо́к
	при́вуза	па́лка	
	при́воза		
	при́вяза		
XVIII ЦЕВИ́НА[22]	цеп	цепе́ц	пути́на
	цепь	молоти́лка	реме́нь
	при́вуза	бич	ремешо́к
	при́вяз		приви́зка
	при́вязь		
	при́вяза		
	молоти́ло		
	молоти́лка		
XIX ТЕВИ́НА[24]	цеп	цепе́ц	пу́то
	при́возь	молоти́лка	ре́мень
	при́воза	бич	ремешо́к
	при́вязь		
	при́вяза		
	молоти́лка		
XX КЕВИ́НА[35]	цеп	цепе́ц	пу́то
	при́узь	кепе́ц	реме́нь
	при́воз	при́уза	реме́шек
	при́воза	би́ло	ремешо́к
	при́вяза	па́лка	ре́мушек
	молоти́лка		при́вязь
	ручни́к		хому́тик
			хомуто́к
XXI МА́ТКА[23]	цеп	цепе́ц	пу́то
	при́уз	тепе́ц	реме́нь
	при́узда	кепе́ц	реме́шек
	при́вуз	при́уз	ремешо́к
	при́гуз	би́ло	хомуто́к
	при́воза	като́к	ко́жа
	молоти́лка		
XXII МА́ТИЦА[15]	при́уз	цепе́ц	пу́то
	при́вуз	тепе́ц	пута́га
	при́гуз	кепе́ц	реме́нь
		па́лка	при́вязь
			гуж
XXIII ПРИ́УЗ[15]	цеп	цепе́ц	пу́то
	при́узь	тепе́ц	пути́на
	при́уз	кепе́ц	пу́тлище
	при́вязь	при́уза	реме́нь
	молоти́лка	молоти́лка	кепе́ц
		би́ло	
		бич	
		бите́ц	
		ка́дка	

Таблица 1 (окончание)

1	2	3	4
XXIV ПРИ́УЗЬ[17]	цеп	прИ́узь	пу́то
	прИ́узь	бадо́г	ремéнь
	прИ́возь	бато́г	ремешо́к
	прИ́воза	валёк	
	прИ́вязь		
	молоти́лка		
	ручни́к		
XXV МОЛОТИ́ЛО[29]	цеп	молоти́ло	пу́то
	прИ́уз	би́ло	пу́тце
	молоти́ло	бито́к	ремéнь
	молоти́лка	ка́дка	ремешо́к
		ка́дочка	прИ́вязь
		кату́шка	у́вязь
		бадо́г	
		бато́г	
		падо́г	
		па́лка	
		па́лочка	
		валёк	
XXVI МОЛОТИ́ЛКА[8]	цеп	цеп	пу́тце
		тепéц	ремéнь
		кепéц	ремешо́к
		кату́шка	прИ́вязь
		падо́г	верёвка
		би́ло	
XXVII ДУБИ́НКА[6]	цеп	кепéц	пу́то
	прИ́уза	капи́тик	ремéнь
	прИ́воз	па́лка	ремушек
			верёвка
XXVIII КА́ДКА[100]	цеп	цеп	пу́то
	прИ́уз	цепéц	пу́тце
	прИ́узь	тепéц	ремéнь
	прИ́узда	кепéц	ремешо́к
	прИ́возь	цепи́нка	у́вязь
	прИ́вязь	молоти́ло	гуж
	прИ́гузь	би́ло	
	прИ́муз	бито́к	
	молоти́ло	битéц	
	молоти́лка	бич	
		би́чик	
		ка́дка	
		като́к	
		бадо́г	
		бато́г	
		падо́г	
		па́лка	
		па́дубок	
		валёк	

Примечание: Цифры показывают число нас. п., в которых отмечено название.

Действие территориального параметра проявилось в том, что список обозначений ручки, вошедших в матрицу, составлен таким образом, чтобы суммарно, для совокупности названий была представлена по возможности сплошная территория; с опорой на денотативно-этнографический параметр в перечень включены названия ручки от таких корней, которые одновременно могут выступать для номинации всего орудия, от этих корней взяты все картографированные производные, т.е. учтен структурно-языковой параметр; учет количественного показателя позволил провести ограничения в анализируемом материале так, что из всех вариантов номинации с выбранными корнями охватывают половину территории и половину общего числа вариантов.

Итак, таблица содержит 4 колонки, первая из которых является исходной. Варьируемость территориального параметра полагается определяющей для первой колонки, где структурно-языковая варьируемость (лексический, словообразовательный или фонетический вариант) выступает как производная, тогда как варьируемость по структурно-языковым показателям оказывается главной, эксплицитной для 3 правых колонок, территориальная же отступает на второй план.

Анализируя приведенную матрицу, можно видеть, что, двигаясь по вертикали, мы получим (при исчерпывающей матрице) сумму всех возможных названий орудия и его деталей, заложенных в ДАРЯ, иными словами, в ней фиксируется представленность этой предметной группы в диалектном языке (ДЯ) в целом. Возникает вопрос: получается ли при движении по горизонтальным графам матрицы перечень наименований, характеризующих частные диалектные системы (ЧДС)? Да, именно так дело и обстоит. Однако вычленение реально бытующих цепочек наименований (ручка — орудие — било — связка) среди потенциально возможных осуществимо лишь при обращении к картам [2]. В самой матрице, без помощи карт, свойственная той или иной ЧДС цепочка однозначно устанавливается только в тех случаях, когда в трех из четырех колонок варьирование отсутствует. Такова графа XIV: возможные варианты цепочек по горизонтали дают реальные предметные микрогруппы в ЧДС: *цепови́льня — цеп — обичёвка — пу́то* (Кривицы, Краснобаиха, Маковье Усть-Долысского р-на и Поздняково Невельского р-на Великолукской обл.); *цепови́льня — цеп — обичёвка — ре́ме́нь* (Левицы Идрицкого р-на Великолукской обл.); *цепови́льня — цеп — обичёвка — угари́на* (Залоги Невельского р-на Великолукской обл.).

Но уже при минимальной вариативности (хотя бы в двух колонках) число потенциальных предметных микрогрупп всегда будет превышать число реально зафиксированных в ЧДС. Например, в графе XII потенциальные микрогруппы: *цепови́на — цеп — би́чик — пу́то; цепови́на — цеп — би́чик — при́вязь; цепови́на — цеп — би́ло — пу́то; цепови́на —*

[2] Реальными называем такие вычленяемые в матрице микрогруппы, которые отмечены в конкретных говорах по данным ДАРЯ, а потенциальными — микрогруппы, вычленяемые из матрицы, но в конкретных говорах по данным ДАРЯ не зафиксированные.

Для упрощения дальнейших рассуждений будем употреблять термин "предметная микрогруппа" для обозначения цепочек наименований, представленных в конкретных ЧДС.

цеп — би́ло — при́вязь. Обращение к картам свидетельствует, что из перечисленных реализуется лишь две: *цепови́на — цеп — би́ло, би́чик — пу́то* (Дрогачево Нелидовского р-на Великолукской обл.); *цепови́на — цеп — би́чик — при́вязь* (Старое Подвязье Ленинского р-на Великолукской обл.). Полное представление о каждой ЧДС дала бы типологическая карта, построенная по предметным микрогруппам, объединяющая сведенный в матрицу материал четырех карт[3]. Для ДАРЯ, включающего 4000 нас. п., чисто техническое воплощение подобной карты пока не представляется возможным. Так, если выполнять легенду по предметным микрогруппам, когда каждому набору названий соответствует определенный знак, число знаков крайне разрастается — настолько велико разнообразие наборов. Следует учесть, что в ЧДС бывает несколько сосуществующих названий, таким образом, цепочка может состоять не из 4, а из 5—7 слов. Если же строить легенду, используя простое наложение знаков, также теряется наглядность: размываются ареалы, утрачивается смысл лингвогеографического подхода. Вероятно, единственно возможный способ "читаемого" показа материала — подача его, исходя из различия корней, а не отдельных лексем. Надеемся, что в дальнейшем при создании типологической карты помощь окажет созданный в ИРЯ АН СССР Автоматизированный вариант ДАРЯ. Идея картографирования предметной микрогруппы, т.е. совокупности названий цепа и его деталей, воплощена в Молдавском лингвистическом атласе [4].

Матрица показывает, что в пределах одной графы определенные названия совпадают в нескольких колонках, т.е. в пределах предметной микрогруппы отмечается омонимия или полисемия[4]. Например: I *цеп — цеп — цепе́ц — пу́то;* IV *цепни́к — цеп — цеп — реме́нь.* Реальность подобной многозначности, ее представленность в конкретных ЧДС подтверждается, как следует из принципа построения матрицы, только для случаев совпадения названия ручки с любым другим названием по горизонтали. Если же одинаковыми оказываются два любых других наименования, то такая многозначность оказывается потенциальной, характеризует потенциальные микрогруппы. Поэтому можно утверждать, что реальная многозначность относится к ЧДС, тогда как потенциальная характеризует диалектный язык.

В матрице отмечаются следующие совпадения названий **орудия и ручки:** I *цеп;* XXV *молоти́ло;* **орудия и била:** III, IV, VI... *цеп;* VI, XIII... *бич;* XVII *при́уза;* XXI *при́уз;* XVIII *молоти́лка;* **орудия и связки:** V *при́вязь — у́вязь;* VI, XXVI... *при́вязь;* **ручки и била:** VIII *цепи́льник;* V *цепи́на — цепи́нка;* XXVIII *ка́дка;* **била и связки:** XXIII *кепе́ц;* **орудия — ручки — била:** XXIII *при́уз — при́уз — при́уза.* Из двух-

[3] В ДАРЯ подобная попытка реализована при картографировании "парадигм" наименований лошади в ранние периоды ее жизни (ДАРЯ, Вып. 3, карта 63, автор О.Н. Мораховская).

[4] Проблема разграничения омонимии и полисемии до сих пор остается дискуссионной. В данном случае практика отграничения такова: расцениваются как омонимы одинаковые названия цепа и/или его частей, зафиксированные на разных территориях, т.е. в разных ЧДС, а также совпадающие названия в пределах одного говора в том случае, если при одном из них есть помета "новое", "пришло из города" и под.

компонентных совпадений не представлены одинаковые названия ручки и связи, но их можно прогнозировать. Матрица прогнозирует также совпадение и трех названий: орудия — ручки — била в формах *молоти́ло/молоти́лка.* Из четырехкомпонентных совпадений орудие — ручка — било — связка возможны следующие: *цеп, при́уз, при́вязь.*

Многозначность в предметных микрогруппах, выявленная с помощью матрицы, дает возможность обнаружить это явление и в диалектных словарях. Возьмем для сравнения "Опыт словаря говоров Калининской области" [5], содержащий большое количество наименований частей цепа (50 номинаций). Совпадающими оказываются названия орудия

Таблица 2

Денотат	Наименование	
	в матрице	в словаре
О — Б	молоти́лка	молоти́ло
О — С	при́вязь	при́вязь
Р — Б	ка́дка цепи́н(к)а	ка́дка цепи́нка
О — Р — Б	при́уз	—
О — Р — Б — С	—	при́узь

и била: *молоти́ло;* орудия и связки: *при́вязь;* ручки и била: *цеп цепи́нка, цепи́ще, ка́дка, бат(д)о́г;* орудия—ручки—била—связки *при́узь* (данные по совокупности говоров). Проверка названий по конкретным говорам—деревням указывает на наличие полисемии: *при́узь* — название О и С[5]; *цепи́ще* — Р и Б (при этом Б именуется еще *це́пкой*); *ка́дка* — Р и Б.

В табл. 2 приведены совпадения названий (полные или частичные) в матрице и словаре.

Можно ли проверить полученные данные иным путем? Представляется возможным сделать это, исходя из логики принципов номинации, понимая под ними, согласно О.И. Блиновой, правила, которые формируются на основе обобщения мотивировочных признаков говорящим коллективом и одновременно служат отправной базой для новых именований [6].

Так, наименование связующего устройства цепа, судя по материалам ДАРЯ, дается по трем определяющим линиям, трем "правилам номинации": по денотату, т.е. реалии, которая применяется для связки деревянных частей: *гуж, хомут, веревка, ремень, шнур, супонь и под.;*

[5] Здесь и далее использованы сокращения: О — орудие, Р — ручка, Б — било, С — связка.

по материалу, из которого она сделана: *ко́жа, сыромя́ть, лы́ко, угори́на*[6], *лузга́* и под.; по функции приспособления (скреплять, связывать): *пу́то, пу́тце, прице́п, подце́п, цепи́нка, при́узь, свя́зка, при́вязь, держа́лка, скре́п* и под. Особняком стоит слово *ка́пи́ца*, немотивированное в русских диалектах. Оно известно в украинском и польском языках, обозначает ременные петли, крепящиеся к билу и ручке цепа и покрывающие их верхние части. Слово отмечено в тех русских говорах, где распространен украинский тип цепа [7].

Рассмотрение наименований связки показывает, что только в группе, реализующей функциональный принцип номинации, существуют именования, одинаково присущие как орудию, так и его деревянным частям: названия с корнем *-цеп-, -уз-, -вяз-*.

Обратимся к примеру. *Молотило/молотилка* — название орудия, данное по функции предмета в целом. Считаем, что то же наблюдается в случае использования слов *молотило/молотилка* для названия била, хотя может быть и иное объяснение — перенос именования со всего орудия на его часть, как при назывании ручки цепа *молотилом/молотилкой*. Казалось бы, по принципу "целое—часть" связка могла бы также называться *молотило/молотилка*, но подобного употребления говоры не знают. И не только из-за слишком прозрачной внутренней формы слова, но и потому, что нет соответствующего "правила" называния связки цепа.

По отношению к названиям частей цепа никогда не становятся мотивировочными признаки частного характера: конфигурация деревянных частей (круглые, овальные, четырехугольные), предназначенность определенному пользователю (тяжелые — мужские, полегче — женские, встречаются и специальные цепы для детей). В качестве мотивирующих для ручки чаще выступают признаки: *цеплять(ся) — цепи́нка, рука — ру́чка, держать — держа́лка*. И для ручки, и для бьющей части широко используются именования, общие для деревянных палок вообще: *бато́г, па́лка, деревя́шка, по́сох, дуби́нка, поле́но, брусо́к* и др. Только для обозначения била употребляются именования, связанные со значениями 'бить, колотить, ударять': *би́ло, бито́к, би́тень, колоту́шка, колоти́лка, сту́калка, уда́рник, бу́хало, хлесто́к, тепо́к, тепе́ц*[7] [8].

Логические возможности распределения названий представлены в табл. 3.

---

[6] *Угори́на* (*угари́на*) — связка, которую выделывали из кожи угря, о чем наряду с материалом ДАРЯ свидетельствует этнографическая и лингвистическая литература. См.: Яшкин І.Я. Гісторыка-этымалагічныя нататкі (пра словы *вугары́на* і *вясна́*) // Беларуская лінгвістыка. Мінск. 1973. Вып. 4.

[7] Полагаем, что наименования *тепок, тепец* и под. на территории Рязанской группы говоров южного наречия (рис. 3, территория 5) образованы от глагола *тепти́* 'бить' (Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. М., 1987, т. 4). Омонимичные формы, отмеченные в говорах северо-запада, образовались иначе, фонетическим путем: *кепе́ц, кепо́к* (формы отражают эффект отсутствия П палатализации) дали *тепе́ц, тепо́к* в результате переходного смягчения задненебного согласного *к*. Подробнее см.: Николаев С.Л. Следы особенностей восточнославянских племенных диалектов в современных великорусских говорах. I. Кривичи // Балтославянские исследования. 1986. М., 1988.

Таблица 3

Денотат	Совпадения в 4-х, 3-х и 2-х названиях										
О	+	+	+	+	–	+	+	+	–	–	–
Р	+	+	–	+	+	+	–	–	+	+	–
Б	+	+	+	–	+	–	+	–	+	–	+
С	+	–	+	+	+	–	–	+	–	+	+

Цель номинации состоит в том, чтобы вычленить предмет в ряду других. Поэтому трудно представить ситуацию, в которой орудие и его составляющие обозначаются одним словом. Подобное совпадение (см. табл. 3, кол. 1) свидетельствовало бы об обратном — отсутствии названий: в микрогруппе не было бы разноименных членов. Такое положение, как правило, не имеет места при именовании сельскохозяйственного орудия, состоящего из нескольких элементов и производимого в самом хозяйстве. То же соображение относится и к трехкомпонентным совпадениям[8].

Следует различать нерасчлененность названий на уровне ДЯ и ЧДС. При обращении к уровню ЧДС обнаруживается, что реально совпадают по два названия (табл. 4).

Таблица 4

Денотат	Наличие совпадений в названиях					Отсутствие совпадений
О	+	+	+	–	–	–
Р	+	–	–	+	–	+
Б	–	+	–	+	+	–
С	–	–	+	–	+	+
Лексема[9]	цеп/цоп[14], прúуз[3], приúз[1], прúузь[5], прú-возь[1], прú-гузь[1], молотú-ло[16], ручнúк[1]	цеп[24], бич[3], прú-уз[4], прúуза[1], прú-вуза[1], прúузда[1], прúвяз[2], прúвязь[3], молотúло[56], молотúлка[3]	цепь[2]	тепéц[1], цепúнка[1], цепúльник[1], батóг[4], кáдка[1], пáлка[52]	кепéц[2]	

Сравнение данных, полученных при анализе матрицы варьирования и ЧДС (см. табл. 4), позволяет сделать следующие выводы. Совпадение в названиях, зафиксированное матрицей, для О и Р — реальный факт, что было подчеркнуто в самом начале. Но поскольку матрица в данном случае неполная, она не содержит всего перечня названий. В реальных системах к ним добавились наименования с

[8] Единичный факт такого совпадения отмечен в д. Бортное Семеновского р-на Горьковской обл., О — Р — Б здесь называют *молотúло*, а С — *пýто*. В соседних говорах О тоже носит наименование *молотúло*, совпадающее то с названием Р, то с названием Б.

[9] Арабская цифра у слова означает число нас. п., в которых отмечена полисемия.

корнями *-уз-, -воз-, -руч-*. Названия О и Б: по сравнению с матрицей включено лишь *молоти́ло*. Названия О и С: в говорах отмечены только совпадения в слове *цепь*. Названия Р и Б: в ЧДС распространены, помимо указанных в матрице, наименования *тепе́ц, бато́г, па́лка*[10] (территории их распространения не вошли в матрицу). Название Б и С в матрице и ЧДС одинаково — *кепе́ц*. Названия Р и С — общих названий нет. Факт совпадения трех названий О — Р — Б также отмечен в ЧДС, но не в слове, указанном в матрице, а в прогнозированном ею — *молоти́ло*.

Подытоживая, отметим: 1) как правило, в ЧДС различаются наименования цепа и его элементов, т.е. они носят специализированный характер внутри предметной микрогруппы; 2) совпадение названий (полисемия) обычно касается двух элементов: орудия и одной из его частей или же деревянных деталей (прежде всего на территории северного наречия); 3) в части говоров, где зафиксированы одинаковые названия, одно из них имеет дублет, что может свидетельствовать об имевшей место специализации наименований.

Рассмотренные связи и отношения могут быть распространены за пределы отдельной предметной микрогруппы разными путями с целью создания широкой диалектно-лексикологической перспективы. Один из таких путей подсказывается матрицей варьирования и заключается в последовательном развертывании, описании и анализе цепочек ЛСГ, предметных и понятийно-тематических групп слов, связующими элементами между которыми служат многозначные названия. Дело в том, что наименования элементов цепа входят в разнообразные иные группы наименований. Так, ручка цепа включается в предметно-тематическую группу "Рукояти", объединяющую не только названия ручек различных орудий — косы, серпа, плуга, сохи, мотыги и т.д., но и других бытовых предметов: топора, ножа, метлы, удочки, ведра, ящика и под.[11]. Било же входит в ЛСГ "Предметы, служащие для сбивания, выколачивания, битья чего-либо": валек для выколачивания белья, пест, часть мялки, маслобойный пресс, колотушка сторожа, язык колокола и др. Обе эти детали могут включаться и в иное крупное объединение — "Деревянные палки" (палка, дубинка, батог, клюка, кол, жердь, полено и т.д.). То же можно сказать относительно наименований связи цепа, которые входят в тематическую группу "Связующие устройства, приспособления" или же группу "Названия предметов, даваемые по материалу" и т.п.

---

[10] Спорным является вопрос о терминологичности названия *палка* для Р. и Б. Автор опирается на лингвогеографический критерий: на карте выделяется компактный ареал этого наименования в Вологодской группе говоров северного наречия (см. рис. 3, территория 7, рис. 2, территория 6).

[11] Вопрос, касающийся частей предметов или инструментов, за которые держатся рукой, содержится в Программе Молдавского лингвистического атласа см.: Атласул лингвистик молдовенеск. Вол. 1, партя I. Студий ынтродуктиве, Анексе. Кишинэу, 1967. Анализ же этих терминов в молдавских говорах см.: *Сорбалэ В.С.* Образование и развитие терминологии для обозначения ручек в молдавских говорах (по материалам Молдавского лингвистического атласа) // Лингвогеография, диалектология и история языка. Кишинев, 1973 ; в украинских говорах междуречья Днестра и Дуная см.: *Гриценко П.Ю.* Моделювання системи діалектної лексики. Київ, 1984.

К процессу последовательного развертывания связанных одна с другой предметно-тематических, понятийных, лексико-семантических групп слов, приводящему в итоге к системному охвату всего лексического материала диалектного языка, можно прийти не только от подсказанного матрицей структурно-языкового параметра, но и от параметра территориального. Так, например, карты ДАРЯ позволяют сравнивать названия деревянных частей цепа: ручки с названием ру'ек косы (длинной — *косовищем* и короткой рукояти на косовище — *напáлком*), а била — с названием валька для выколачивания белья. Дальнейшее картографирование и анализ ЛСГ и ТГ даст в руки исследователя необходимый и достаточный материал для дальнейшего построения и разработки лингвогеографической модели диалектной лексикологии.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] ДАРЯ. Вып.3: Синтаксис. Лексика. Карты N 39—42. Хранится в ИРЯ АН СССР.
[2] *Кармакова О.Е.* Лексическая карта: методика составления и интерпретация // Русские диалекты: Лингвогеогр. аспект. М., 1987. С. 192; *Она же.* Лингвогеографическая модель диалектной лексикологии // Актуальные проблемы исторической и диалектной лексикологии и лексикографии русского языка: Тез. докл. Вологда, 1988. С. 98—100.
[3] Программа собирания сведений для составления диалектологического атласа русского языка. М.; Л., 1947. Вопрос 165: Цеп и его части.
[4] Атласул лингвистик молдовенеск. Кишинэу, 1973. Вол. 2, партя 2: Лексикул. Карта N 7.
[5] *Кириллова Т.В., Бондарчук Н.С., Куликова В.П., Белова А.А.* Опыт словаря говоров Калининской области. Калинин, 1972.
[6] *Блинова О.И.* Лексическая мотивированность и некоторые проблемы региональной лексики // Вопросы изучения лексики русских народных говоров: Диалектная лексика. Л., 1972. С. 99.
[7] Русские: Историко-этнографический атлас. М., 1967. Карты N 10—11, коммент. С. 85—88.
[8] Процессам номинации сельскохозяйственных орудий и в том числе цепа и его частей посвящена работа: *Оленева Т.Б.* Наименования сельскохозяйственных орудий и их деталей на материале русских народных говоров: Период XIX — начало XX в.: Дис. ... канд. филол. наук. М., 1981.

Т.Б. ЮМСУНОВА

МЕЖДИАЛЕКТНЫЕ И МЕЖЪЯЗЫКОВЫЕ КОНТАКТЫ ГОВОРА "СЕМЕЙСКИХ"
(на материале названий овец и их производных)

Одной из важных задач современной диалектологии является исследование русских говоров на территории позднего заселения [1]. Если говоры на территории исконного бытования русских представляют наибольший интерес для изучения истории формирования и членения современных говоров, на материале говоров территорий позднего заселения решаются проблемы иного характера. В частности, изучаются процессы трансформации говоров вторичного образования [2, с. 5]. В последние десятилетия интенсивно изучаются говоры Урала, Сибири и Дальнего Востока, но говоры русского населения За-

байкалья изучены еще недостаточно. Между тем в этом регионе бытуют сложившиеся в результате длительного междиалектного и межъязыкового контактирования говоры исконных жителей края — бурят и сибирские русские старожильческие говоры — северно- и среднерусские по происхождению, а также говоры "семейских"[1].

В науке нет единого мнения о материнской основе говоров "семейских" Забайкалья [3]. Исследуемый говор является составной частью "семейских говоров" Забайкалья. Он относится к акающим говорам с южнорусской основой, установлены его родственные связи с говорами юго-западной диалектной зоны [4]. Статья посвящена лексике говора сел Бичура, Новосретенка, Черемушки, Шибертуй Бичурского р-на БурАССР. Она основана на новых материалах, собранных под руководством автора студентами Бурятского государственного педагогического института им. Д. Банзарова в 1977—1987 гг. Основная задача статьи — выявить на материале названий овец и их производных результаты воздействия на наш говор соседних сибирских старожильческих русских и бурятских говоров.

Единые генетические корни, общность исторической судьбы и этнокультурных традиций жителей названных выше сел — выходцев из одного разросшегося села Бичура, а также близость говоров этих сел по основным фонетическим и морфологическим чертам дали основание считать их единой коммуникативной общностью. Процентное соотношение "семейского" и "несемейского" (русского старожильческого и бурятского) населения в указанных селах варьируется, но это не меняет общей лингвистической картины. Для решения поставленной задачи Бичурский р-н является весьма интересным объектом изучения говоров "семейских". Начиная с XVIII в. этот район был одним из крупных центров старообрядчества. Ныне этот район, расположенный на юго-западе республики, является одним из основных земледельческих и животноводческих районов Бурятии.

Более чем двухсотлетние языковые контакты "семейских" с соседними бурятскими и русскими старожильческими говорами, длительные экономические связи населения не могли не отразиться на лексике. Особенно существенное влияние испытала лексика тематической группы "животноводство" в "семейских" говорах со стороны соседних бурятских. И это не удивительно. Скотоводство — традиционный вид хозяйственной деятельности бурят. Развитая номинация домашних животных в бурятских говорах обусловлена большой значимостью продуктов животноводства в жизни населения. Особенно богато представлена у бурят половозрастная терминология для тех видов домашних животных, которые играли важную роль в экономике (лошади, овцы, крупный рогатый скот). Скотоводческая терминология бурят не могла не оказать воздействия на животноводческую лексику "семейских".

ЛСГ "названия овец"представлена в нашем говоре словами и их

[1] "Семейскими в Забайкалье называют потомков старообрядцев-раскольников, переселявшихся в Забайкалье партиями на протяжении более чем двух десятилетий, начиная с середины XVIII в., с Ветки — места их первого выселения (ныне Гомельская обл. Белоруссии).

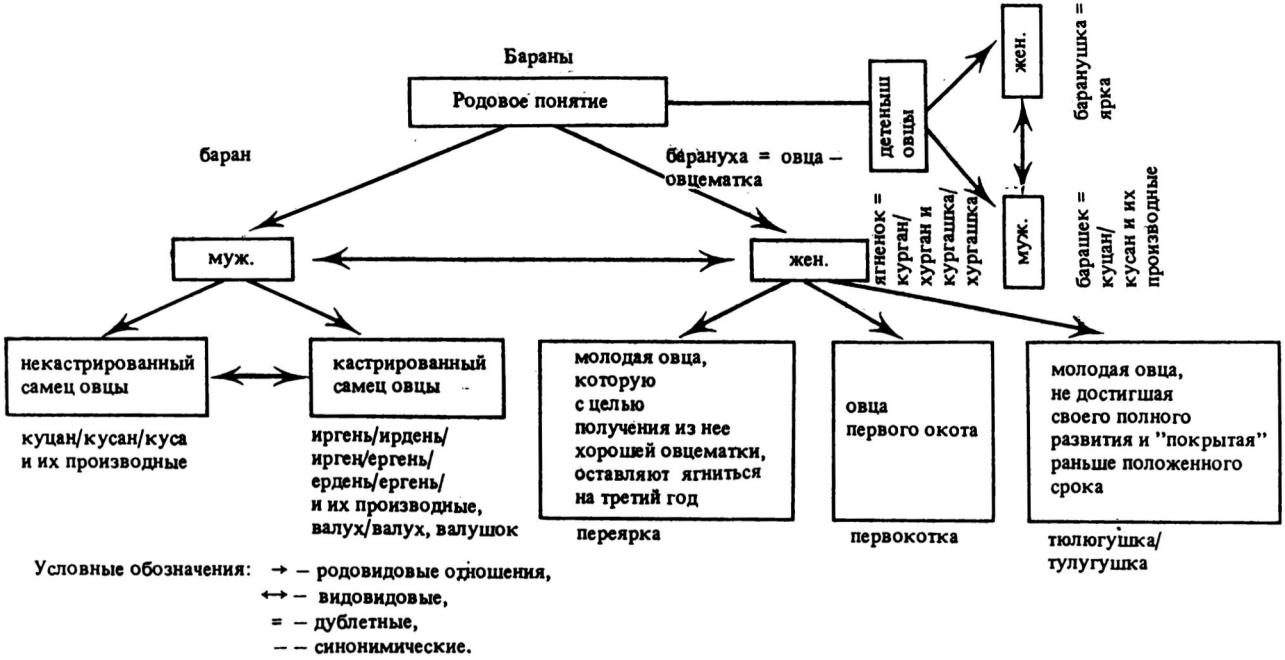
вариантами *баран, баранýха, овца, овцематка; куцáн/кусáн/кусá, куцáнчик/кусáнчик, куцашóк/кусашóк/куцачóк, куцанóк/кусанóк, куцáшка/кусáшка; иргéнь/ирдéнь/иргéн/ергéнь/ердéнь/ергéн, иргешка/ирдéшка/ергéшка/ердéшка; вáлух/валýх, валушóк; ягненок, кургáн/хургáн, кургáшка/хургáшка; барашек, баранýшка; ярка, переярка; первокотка; тюлюгýшка/тулугýшка.*

Родовое понятие овца передается в говоре словом *баран*, мн. *бараны*, которое широко распространено в речи: Раньше *баран* дяржали. С их получали мясо, шерсь, шкуру. Счас *бараноў* мало — выпаска нет (Бич.). Активно употребляются также слова *бараний, баранина*, семантически тождественные литературному языку, и *барáнник* 'утепленное помещение для овец': А где бараны живуть — *баранник* (Шиб.). Половая дифференциация овец обозначается словами *баран* и *барануха, овца, овцематка.* В речи старшего и среднего поколения частотнее слово *барануха*: *Óвсами* стали называть последнее уремя, а раньше звали токо *баран* и *барануха* (Бич.). Прéдставители молодого поколения употребляют синонимы *барануха* и *овца*: *Барануху* состричь нужно, дайте мне ваши ножни (Бич.); Скоро начнется стрижка *овец* (Шиб.). В XIX в. слово *барануха* было распространено в говорах Восточной Сибири (Даль). Оно свойственно ряду современных говоров Урала, Сибири и Дальнего Востока (СРНГ; ЗС; ПС). Можно полагать, что слово барануха было заимствовано "семейскими" из сибирских старожильческих говоров. Слово *овцематка* присуще речи специалистов: Получим от ста *овцематок* сто ягнят (Бич.). Носителям говора известны также слова *овечий, овцевод, овцеводческий, овцеферма, овчарник*, уменьшительное *овчинка* в том же значении, что и в литературном языке.

Слово *овца*, несомненно, было свойственно предкам "семейских" еще в досибирский период их жизни. После их поселения в Сибири это слово постепенно перешло в пассивный запас, оно было вытеснено эквивалентом *барануха.* В настоящее время слово *овца* в речи молодого поколения — результат воздействия литературного языка. Слово *баран* обозначает самца овцы в речи всех носителей говора.

Лексема *куцáн* употребляется для наименования некастрированного самца овцы. Кроме того, это слово может обозначать и детеныша самца. Это слово заимствовано из бурятских говоров, где *хусá* 'баран-производитель' (БРС). Например: *Куцан* — это баран-производитель (Бич.); *кусá* надо оставить (Нов.); Ирдень он уже покастрированный, а *кусáн* для приплода оставленный (Шиб.). Варианты *куцáнчик/кусáнчик* и *куцашок/кусашóк/куцачóк/куцацóк, куцанóк/кусанóк* имеют ласкательное значение: *Куцанчик* наш шибко бравый, даўно уж живеть, ня жалуемся на яво (Бич.); Етот *куцашок* пуда на три потянеть (Нов.). Слова *куцáшка/кусáшка* имеют в говоре пренебрежительное значение.

Кастрированного самца овцы называют вариантами *иргéнь/ирдéнь/иргéн/ергéн/ергéнь/ердéнь/ергéн*: *Ирдень* — кастратор (Бич.); *Ирденя* вырашшивають на мясо, ну и шерсь с яво тоже (Нов.); Здоровенного *иргена* к свадьбе откормили (Чер.); *Ердень* лето ходить, а на зиму иво колють (Шиб.). Производные *иргéшка/ирдéшка* имеют пре-

Бараны
Родовое понятие
баран
барануха = овца – овцематка
детеныш овцы
жен.
баранушка = ярка
муж.
барашек = куцан/ кусан и их производные
ягненок = курган/ хурган и кургашка/ хургашка
муж.
жен.
некастрированный самец овцы
кастрированный самец овцы
куцан/кусан/куса и их производные
иргень/ирдень/ ирген/ергень/ ердень/ергень/ и их производные, валух/валух, валушок
молодая овца, которую с целью получения из нее хорошей овцематки, оставляют ягниться на третий год
переярка
овца первого окота
первокотка
молодая овца, не достигшая своего полного развития и "покрытая" раньше положенного срока
тюлюгушка/ тулугушка
Условные обозначения:
→ – родовидовые отношения,
↔ – видовидовые,
= – дублетные,
– – синонимические.

небрежительное значение. Корень этих слов заимствован: ср. бурят. *эрье* 'кастрированный баран' (БРС). Лексема *иргень* сиб. считается заимствованием из монгольского (Даль, Фасмер). Современные исследователи находят параллели этого слова в тюркских и тунгусо-манчжурских языках, считая языком-источником этого слова монгольский [5, с. 115]. В наш говор это слово и его варианты либо проникли непосредственно из соседних бурятских говоров, либо через посредство русских старожильческих говоров, где оно также распространено. Слово *иргень* 'кастрированный баран' отмечается в диалектологических записях XIX в. с территории Иркутской губ. и Якутии (СРНГ). В современных говорах Сибири в том же значении известны варианты *ирга́/ирге́н* забайкал. (СРНГ; ЗС), *ирге́н/ирге́нь* иркут. [6, с. 29], *ирге́нь* амур. (ПС). В начале XX в. Г.М. Осокин отмечал в забайкальских говорах слово *ирген* и в значении 'некастрированный баран' (СРНГ).

Наряду с заимствованием *иргень* и его вариантами в говоре употребляются в том же значении *ва́лух/валу́х* и уменьш. *валушо́к*: *Ва́лухи* — бараны покладенные, подкастрированные (Бич.); *валу́х*, или поместному иргень, кастратор (Чер.); *Валушок* — молодой барашек, месяц пройдет — кастрацию делают (Шиб.). В архаическом слое говора эти слова малоупотребительны: Ну, *ва́лух* — это тот же ерден, но нам привышней ерден звать (Чер.). Предполагаем, что слово *валух*, широко распространенное в южнорусских говорах (СРНГ), унаследовано предками семейских из материнских говоров. В Сибири оно было вытеснено из активного запаса словом *иргень*. Функционирование слова *ва́лух/валу́х* в речи младшего и среднего поколений объясняется, видимо, воздействием общепринятой сельскохозяйственной терминологии.

Детеныша овцы называют в нашем говоре общерусским *ягненок* и диалектными *курга́н/хурга́н, курга́шка/хурга́шка, куца́н/куса́н/куса́*; употребляются также *барашек, баранушка, ярка*. Слово *ягненок* употребительно во всех слоях говора. Лексема *курган* заимствована "семейскими" из соседних бурятских говоров: ср. бурят. *хурьга(н)* 'ягненок, барашек' (БРС), оно более свойственно старшему и среднему поколениям: Мярлушка-то она с *курганоў* (Бич.); Я тебе *хурганоў* маленьтих покажу (Нов.). Чаще в речи старшего поколения отмечаются в том же значении производные *кургашка/хургашка*. Слово *хураган* и его производное *хурагашек* 'ягненок' сиб. известно в диалектологических материалах XIX в. (Даль). Лексема *курга́н*, его варианты и их производные бытуют в современных сибирских говорах: *курга́шка* забайкал., *кураган, кураганчик* краснояр. (СРНГ), *кураган, курага́шек* иркут. [6, с. 29]; *курага́шек* 'годовалый баран' известно в оренбургских говорах (СРНГ).

Для обозначения детеныша-самца в речи старшего и части среднего поколений употребляются *куца́н/куса́н/куса́* и чаще уменьшительные *куцашо́к/кусашо́к/куцачо́к/куцацо́к, куца́нчик/кусанчик, куцано́к/кусано́к*: Слышал у вас барануха ягнулась. Кого принясла — ярочку или *куцанка́?* (Нов.); Родитца маленький *кусашо́к*, через год — *куцан* (Бич.). Речи молодого поколения более свойственно слово *барашек*. Детеныша — самку овцы называют в говоре дублетами *баранушка* и

ярка, ярочка: Маленькая *баранушка — ярочка* (Бич.); *Ярки* — это молодки (Чер.). В речи специалистов отмечены также *переярка* и *переярочка* 'молодая овца': С ярок выбирают самых хороших и оставляют еще на год, на *переярки*. С их потом выходют хорошие матки (Бич.); До году ярочка, потом не оставляют на *переярочку*, она на третий год ягниться будеть (Чер.).

Слово *первоко́тка* в говоре "семейских" обозначает овцу, у которой первый окот: *первокотками* молодых баранух называют, они в первый раз ягнились (Нов.). В архаическом слое говора употребительны варианты *тюлюгу́шка/тулугу́шка* от бурят. *тулгэ* 'овца по второму году' (БРС). В говоре "семейских" это слово обозначает молодую овцу, не достигшую полного развития и "покрытую" раньше положенного времени: Есь *тюлюгушка* такая. Это буряцкое название. Она из всех баран такая маленькая: и годоу́ мало, и покрылась рано (Бич.); *Тулугушка* — недоносок, не растёт (Шиб.).

Семантические отношения внутри рассмотренной ЛСГ могут быть показаны схемой.

Итак, формирование лексической системы говора протекало в условиях сложного междиалектного и межъязыкового контактирования при все возрастающем влиянии русского литературного языка. Для лексики исследуемого говора чрезвычайно важными оказались внешние факторы — лингвистические и экстралингвистические. На состав рассмотренной ЛСГ сильное влияние оказали соседние говоры, особенно бурятские. Большое значение имели для развития лексики нашего говора и внутренние, собственно лингвистические факторы. В анализируемой ЛСГ наблюдаются гипонимические отношения, для нее характерны дублеты и синонимы. Дублетно-синонимические пары складывались благодаря междиалектному и межъязыковому контактированию. Для данной ЛСГ типичны и вариантные образования.

У деминутивов с бурятским корнем в говоре наблюдается устойчивость и продуктивность. Это подтверждает вывод Т.С. Коготковой о том, что процессы междиалектного и межъязыкового контактирования активизируют экспрессивные средства языка [7, с. 91]. Анализ показал, что в речи старшего и среднего поколений в пределах данной ЛСГ преобладает лексика, заимствованная из бурятского языка и сибирских старожильческих говоров, хотя устойчивы и отдельные слова, унаследованные из материнских южнорусских говоров.

СОКРАЩЕНИЯ

БРС — *Черемисов К.М.* Бурятско-русский словарь. М., 1973.

ЗС — *Элиасов Л.Е.* Словарь русских говоров Забайкалья. М., 1980.

ПС — Словарь русских говоров Приамурья. М., 1983. Села Бичурского р-на Бурятской АССР: Бичура (Бич.), Новосретенка (Нов.), Черемушки (Чер.), Шибертуй (Шиб.).

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Баранникова Л.И.* О некоторых закономерностях развития диалектов на территориях позднего заселения // Язык и общество. Саратов, 1967. Вып. 1; *Она же.* К проблеме изучения взаимодействия языков и диалектов на территориях позднего заселения // Вопросы славянского языкознания. Саратов, 1968; *Она же.* Говоры территорий позднего заселения и проблема их классификации // ВЯ. 1975. N 2; *Она же.* К проб-

леме классификации говоров территории позднего заселения // Говоры территорий позднего заселения. Саратов, 1977.
2. Образование севернорусского наречия и среднерусских говоров / Ред. В.Г. Орлова. М., 1970. С. 455.
3. *Селищев А.М.* Забайкальские старообрядцы: Семейские. Иркутск, 1920. С. 81; *Он же.* Диалектологический очерк Сибири. Иркутск, 1921. С. 294.
4. *Юмсунова Т.Б.* Лексика говора "семейских" Бичурского района Бурятской АССР: Дис. ... канд. филол. наук. М., 1980. 254 с.
5. *Новикова К.А.* Иноязычные элементы в тунгусо-манчжурской лексике, относящейся к животному миру // Очерки сравнительной лексикологии алтайских языков. Л., 1972.
6. *Харташкина Р.Х.* Взаимодействие русского и бурятского языков. Иркутск, 1977.
7. *Коготкова Т.С.* Русская диалектная лексикология. М., 1979.

Ж.Ж. ВАРБОТ

СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНО-ЭТИМОЛОГИЧЕСКИЕ КОММЕНТАРИИ К НЕКОТОРЫМ РУССКИМ ДИАЛЕКТИЗМАМ

(на материале "Словаря русских донских говоров")

В предлагаемых ниже заметках рассматриваются диалектизмы, особенности структуры и семантики которых, при введении их в соответствующие этимологические гнезда, оказываются существенными для реконструкции и этимологизации праславянской лексики, а также для уточнения структуры и фукнционирования славянских корневых и аффиксальных морфем.

Сунузка и суязно. Слово *сунýзка* [сунýска] зафиксировано в "Словаре русских донских говоров" в значении 'колено': Плаття кароткая, сунуски видна, аш стыдна (СРДГ т. III, с. 148). Форма и значение слова позволяют с достаточной уверенностью отнести его к числу производных гнезда славянского глагола *vęzati 'вязать'. В этом гнезде представлены и другие обозначения различного рода сочленений в человеческом теле: ср. русск. *связка,* диал. курск. *вязы* 'скулы', чеш. vaz 'шея'. Примечательно структурное сходство названия колена *сунузка* с названием сустава — праслав. *sǫstavъ, а именно — тождество префиксов. Префикс sǫ- закономерен в именах, однако в слове *сунузка* он расширен элементом n, который генетически оправдан лишь в форме префикса sъn-, соединяющейся с глаголами. Вероятно, *сунузка* — редкий случай контаминации двух вариантов префикса sǫ-/sъn-.

Регулярная структура префиксального отглагольного имени того же гнезда представлена в донской лексике словом *снуска* 'деревянный брус, соединяющий в центре ярма чашу и подгорень' (СРДГ т. III, с. 131), которое логично выводится из *sъnǫzъka (хотя составители словаря в данном случае, в отличие от статьи *сунузка,* сохранили в написании заглавного слова *с,* то есть тождество с фонетической транскрипцией). В псковских говорах отмечено однокоренное с *сунузка* и *снуска* слово *сýзок, -зка* 'пара

белья' (Опыт, с. 220). Его источником может быть как *sǫ-qzъkъ, так и *sъ-qzъkъ.

Есть в донских говорах еще одно интересное производное гнезда *vęz- с префиксом sǫ- — это наречие *суязно* 'согласно': Суязно живуть (СРДГ т. III, с. 150). Семантически сопоставимо с ним в пределах данного гнезда смоленское *кавязá* 'скопище, шайка' (Добровольский, с. 304). Что же касается структуры *суязно,* то ее примечательной чертой является форма корня *-яз<*ęz-*, встречающаяся редко. Как правило, в данном гнезде огласовке *е* сопутствует начальное v — *vęz- (при отсутствии v в формах с корневым вокализмом в ступени *о* — *qz-). Форму корня ęz- в русск. диал. *язáть* 'сулить, обещать', *язáться* 'обязаться' Фасмер объяснил обратным образованием от *обязаться* (где начальное корневое v закономерно утрачено после согласного префикса) (Фасмер, т. IV, с. 549). Для *суязно* подобное объяснение невозможно. Следовательно, этот диалектизм может быть свидетельством функционирования данного корня без начального v даже при корневом ę. Тогда этот случай является аргументом в пользу гипотезы о вторичном, неэтимологическом характере v в праслав. *vęz-/-qz- [3, с. 369—370; 2, s. 222—227].

Сплёк и наплёкий. В донских говорах слово *сплёк* обозначает 'шумное сборище, скандал' (СРДГ т. III, с. 136), а *наплёкий* — 'сплетник' (СРДГ т. II, с. 166). Наличие у рус. *сплести* переносного значения 'придумать или перепутать слышанное, переврать', а у существительного *сплетни* — значение 'пересказы и наговоры, смутки' (Даль[2] т. IV, с. 292) оправдывает истолкование слов *сплёк* и *наплёкий* как производных гнезда *plesti, pletǫ. Как правило, отглагольные имена этого гнезда содержат, как и глаголы, корни с конечным t (ср. *plotъ, *obplotъ 'ограда'), восходящим к индоевропейскому расширению. Донск. *сплёк* и *наплёкий* относятся к числу редких имен, в которых сохранилась нерасширенная форма корня *plek-: ср. рус. забайкал. *оплёка* 'гнездо; паз, с помощью которого доски скрепляются замком' [1, с. 17—19], а также словен. pleka 'маленькая плетеная калитка' (Pleteršnik D. II, s. 55). Для *сплёк* 'шумное сборище' реально происхождение из праслав. *sъplekъ (ср. *sъborъ). Есть, однако, в русских говорах и *сплек* со значением 'свих, вытяжка плеча', при глаголе *сплечúть* (лошадь) 'дать лошади свихнуть или повредить переднюю ногу в лопатке' (Даль т. IV, с. 292) и *исплек, исплечить* в тех же значениях (Даль[2] т. II, с. 54). Ср. также *расплекая* лошадь, *расплека* 'сплеченная, прихрамывающая на переднюю ногу, от болезни в лопатке' (Даль[2] т. IV, с. 68) и *расплёклый* 'хромающий на передние ноги (о лошади)' (Элиасов, с. 353). Параллелизм *сплек — исплек* и *сплечить — исплечить* при семантике 'вы-вихнуть, вы-тянуть' обнаруживает первичность форм с префиксом *из-*, а следовательно — образование *исплечить* от *плечо* и вторичное, обратное образование *исплек* (сплек) от *исплечить* (*сплечить*). Таким образом, *сплек* 'свих плеча' является поздним омонимом рассмотренного выше *сплёк* 'шумное

сборище, скандал' (хотя само исходное рус. *плечо* < пласлав. *pletje принадлежит, вероятно, также к гнезду *plesti [1, с. 18]).

Почеря́бать. Этот глагол имеет в донских говорах значение 'поцарапать' (СРДГ т. III, с. 51). Ср. также причастие от однокоренного глагола с другим префиксом — *расчеря́банный* 'расцарапанный' (СРДГ т. III, с. 89). Даль зафиксировал также тамб. *черябать* 'дерябить, драть, царапать' (Даль[2] т. IV, с. 598). Более широко известен в русских диалектах явно родственный с *черябать* глагол *коря́бать, каря́бать,* ряз., тул., калуж., курск., донск., тамб., сарат. и др. 'царапать', олон., куйб. 'сильно чесать', ряз. 'делать надрезы на деревьях', енис., иркут., свердл., краснояр. 'ломать, крушить, портить' (СРНГ вып. 13, с. 113); ср. и донск. *окоря́бать* 'оцарапать' (СРДГ т. II, с. 202). Эти диалектизмы, кажется, не заинтересовали исследователей этимологии русской лексики, а в свете реконструкции и этимологизации лексики праславянского языка русск. *корябать* получило объяснение как позднее сложение префикса ko- и корня rębˇ- (ЭССЯ вып. 11, с. 68). Однако уже некоторые аспекты семантики *корябать,* а именно — значение 'чесать' и особенно 'делать надрезы на деревьях', настораживают своим несоответствием семантике корня rębˇ-. Наличие же вариантности *корябать — черябать,* при учете общего значения 'царапать', прямо подводит к выделению в этих глаголах корня *čer-/*kor-, восходящего к и.-е. *(s)ker- 'резать, драть', и, соответственно, суф. -ębˇ-. Такая этимологизация подразумевается и включением *корябать* в статью *кора* в словаре В.И. Даля (Даль[2] т. II, с. 160).

Аналогичная суффиксальная структура представлена в рус. псков., тамб., калин. *деря́бить* 'драть или чесать, скрести царапать, рвать теребить' (Даль[2] т. I, с. 432), при *деря́ба* симб. 'кто много чешется', перм. 'скребок, чесалка', ряз. 'драчун, забияка' (СРНГ вып. 8, с. 29). Рус. *дерябить* рассматривается как отыменный глагол, а *деряба* — как производное с суф. -ębˇ- от *derti (Фасмер т. I, с. 505; ЭССЯ вып. 4, с. 206—207). Отыменное образование следует, вероятно, предполагать и для *корябать, черябать,* ср. также ряз. *коря́бить* 'царапать, драть, чертить' и *коря́бка* 'скребок' (Даль[2] т. II, с. 160).

Суф. -ębˇ- очень редок в славянской лексике [4, s. 62]. Поэтому возможность выделения этого суффикса еще в двух вариантных образованиях весьма существенна для изучения истории славянского словообразования. В то же время, редкость суффикса и старый тип вариантности корня, основанный на аблауте (čer-/kor-), позволяют предполагать праславянскую древность глаголов *корябать — черябать.*

ЛИТЕРАТУРА

1. *Варбот Ж.Ж.* Заметки по этимологии русской диалектной лексики: (забайкальские говоры) // Этимологические исследования: Сб. науч. тр. Свердловск, 1984.
2. *Hujer O.* Slav. vęzati // LF. 1915. Vol. 42.
3. *Meillet A.* Les alternances vocaliques en vieux slave // MSL. 1907. T. 14, fasc. 4.
4. *Sławski F.* Zarys słowotwórstwa prasłowiańskiego // Słownik prasłowiański / Pod red. F. Sławskiego. Wrocław etc., 1974. T. 1.

Т.В. ГОРЯЧЕВА

ЭТИМОЛОГИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ

(рыку́ша, ме́чки, велощи́нка)

Рыку́ша. В Красновской волости Олонецкой губ. Куликовским было записано интересное слово *рыку́ша* в значении 'рыбья чешуя' (Куликовский, с. 102). Насколько нам известно, это слово еще не этимологизировалось. Представляется возможным связать слово *рыку́ша* 'рыбья чешуя' с (постулируемым) глаголом **рыкать* в значении 'драть, рвать'. С семантической точки зрения ср. рус. *чешуя,* восходящее к глаголу *чесать* (Фасмер, т. IV, с. 356); т.е. чешуя на рыбе — то, что счищается, сдирается, отделяется. Думается, что здесь нет необходимости приводить еще какие-либо семантические аналогии.

Итак, слово *рыку́ша* в данном случае представляет собой именное образование от глагола **рыкать* 'драть, рвать' с суф. *-уш;* ср. отглагольные образования с тем же суффиксом: рус. диал. *знобу́ша* 'Fringilla coelebs L; зяблик' (СРНГ, вып. 11, с. 318), от *знобить; вру́ша* от *врать, клику́ша* от *кликать, плаку́ша* от *плакать, хлопу́ша* от *хлопать* и т.д. Одним из дериватов предполагаемого (не зафиксированного в русских говорах) глагола **рыкать* является также, по нашему мнению, рус. диал. *рычо́к* 'сильный мороз', 'выбоина, рытвина, неровность на дороге' (подмоск.) [4, с. 59]. Глагол **рыкать* 'драть, рвать', вероятно, должен представлять собой продолжение праслав. **rykati* 'рвать', этимологизируемого Ж.Ж. Варбот как *-k-* расширение (и.-е. **reuk-*) и.-е. корня **reu-*, родственное слав. **ryti, rъvati.* Интересно, что именным производным от праслав. **rykati* 'рвать' может быть, по ее мнению, и рус. -ц.-слав. *рыкъ* 'вретище' [1, с. 99].

В говорах Среднего Урала записан глагол *рукну́ть* в значении 'отбросить, кинуть, толкнуть': "Невеста выметёт, а они *рукнут* сор обратно" (Сл. Сред. Урала, т. V, с. 92). Этот глагол представляет собой продолжение праслав. **ruknqti* 'драть, рвать', который содержит в корне ступень чередования *-u-* по отношению к **rykati* (где *y*<*ū*). Интересно, что у глагола *рыть,* родственного праслав. **rykati/*ruknqti* 'драть, рвать' есть в говорах значение 'бросать, откидывать' (Даль[2], т. IV, с. 119) (арханг., новг.-ладожск.); у приведенного выше *рукну́ть* развитие значений, возможно, было такое: '*рвануть'→'отбросить, кинуть, толкнуть'. Ср. еще болг. диал. *ру́към, ру́кнь* 'разрушаю, убираю ограду', с той же ступенью чередования в корне [6, с. 163].

Ме́чки. В архангельских (пинежских) говорах в 1958 г. записано слово *ме́чки* в значении 'дождевые облака': "*Мечки* как кони серые, небо-то в их перед погодой" (СРНГ, вып. 18, с. 145). В этимологической литературе слово как будто еще не встречалось. Облака в русских говорах иногда носят названия животных; так, в ярославских говорах мы встречаем слово *коро́вушка* 'маленькая тучка' (ЯОС, К-Лиова, с. 70), во владимирских — *быки́* 'первые, появляющиеся

"горами" из-за горизонта тучи перламутрового цвета, являющиеся предвестником сильной грозы' (СРНГ, вып. 3, с. 342—343), у В.И. Даля есть выражение *свинки-ветрянки* в значении 'ветреная темень с разорванными облаками' (Даль[2], т. IV, с. 150). Возможно, что здесь облако дождевое названо словом *ме́чка* 'медведица' (Даль[2], т. II, с. 324)? Во всяком случае, вероятность такой этимологии нельзя отрицать. Однако, слово *ме́чки* 'дождевые облака' может интерпретироваться и иначе: облако может восприниматься как скопление влаги, пара, имеющее форму шара. В онежских говорах Архангельской губернии было записано слово *мечо́к* 'мячик' (СРНГ, вып. 18, с. 146), ср. *ме́чка* 'мяч' (СРНГ, вып. 18, с. 145) (белгор., курск.), а также *ме́чик* 'гриб-дождевик': "Пыхалка, это поганые грибы, их зовут *мечики*, а внутри мягко, наступишь, пыль идет" (СРНГ, вып. 18, с. 145) (кемер.). С точки зрения семантики ср. *наклуба́нить* 'сделаться пасмурным (о погоде)' (СРНГ, вып. 19, с. 330). (яросл.) при рус. *клуб* 'масса чего-либо движущегося, летучего (дыма, пара, пыли и т.п.), принявшая форму шара'. Фасмер этимологизирует слово *мяч* как нечто 'смятое, сжатое', родственное прилаг. *мягкий* (Фасмер, т. III, с. 32). Что касается вокализма слова *ме́чки*, где *-е-*<*-ę-* под ударением, то это фонетическое явление возможно для северных русских говоров. Слово *ме́чки* 'дождевые облака', наконец, может также непосредственно быть связанным с рус. диал. *мя́ча* 'слякоть, зимняя полудождливая погода' (Дополнение к Опыту, с. 122) (твер. осташк.), блр. *мя́ча* 'оттепель после только что выпавшего небольшого снега' [2, с. 70], рус. диал. *отмяча* 'оттепель' (Добровольский, с. 558), польск. диал. *miącz* 'оттепель' (Варшавский словарь, т. VII, с. 555), словен. *odmięka* 'то же' (Хостник, с. 164). Праслав. **męča* 'дождливая погода' связано с **mękъkъjь* и, далее, с **męti* 'мять'. Ср. образования от глагола **žęti, žьmǫ*: *жмучь* 'сырая, пасмурная, туманная погода' (Даль[3] II, стлб. 974) (арханг.), *жмучь* 'мелкий дождик' (СРНГ, вып. 9, с. 207) (арханг., волог.), *жмы́чка* 'то же' (СРНГ, вып. 9, с. 208) (волог.). Ср., наконец, родственное праслав. **męča* рус. диал. *хумя́читься* 'становиться пасмурным' (Даль[3] IV, стлб. 1219) (новг.)<**xo-męčiti sę* (<**męčiti* 'бить', 'мять, тискать') [3, с. 102—103].

Велощи́нка. Слово *велощи́нка* в значении 'рогатка на сновальнице, с помощью которой делят на части моток пряжи' представлено в Псковском областном словаре (ПОС, вып. 3, с. 73). Оно еще не привлекало внимания этимологов. Нам кажется возможным выделение в этом слове префикса *ве-* и слова *-лощинка*. Префикс *ве-* встречается в русских говорах довольно редко; его можно выделить в таких словах, как *вепе́ривать* 'с усилием всовывать, втискивать' (СРНГ, вып. 4, с. 119) (волог.), *веклеманиться* 'оправляться от болезни, выздоравливать' (СРНГ, вып. 4, с. 101) (ряз.), при *оклема́ться* 'выздороветь'; *вечу́тый* 'начатый' (СРНГ, вып. 4, с. 210) (костром.), ср. *на-чу́тый, по-чу́тый; вересни́цы* 'ресницы [?]': "Кто попадет навстречу к мене, к рабу божию, завидливый или урочливый, тому человеку сщипица *вересни́цы*, соли в глаза, камень в зубы (заговор)" (СРНГ, вып. 4, с. 133) (арханг.). Префикс *ве-* является вариантом префикса *ва-, во-*, встречающегося в русских говорах наряду с префиксом *мо-*, например, или *ба-, бо-*,

бу. Префикс *во-* употребляется довольно часто, случаи же употребления *ва-* очень редки: *ва́труба* (*ва-труба*) 'более глубокий и узкий рукав реки' (СРНГ, вып. 4, с. 72) (нижегор.); возможно, *ва́кора, ва́корь* 'кривое, малорослое дерево, суковатый пень' (арханг.), которое М. Фасмер членит на *ва-* и *кора́, корень* (Фасмер, т. I, с. 267), а также *ва́торга* 'шум, свалка, потасовка', этимологизируемое им же как *ва-* и *торга́ть* 'дергать, рвать' (Фасмер, т. I, с. 279). Выделенное в *велощи́нка* слово *-лощинка* может восходить к *лощи́ть* 'бить, колотить кого-либо' (волог.); 'грызть, щелкать орехи' (пск., осташк. твер.) (СРНГ, вып. 17, с. 171), что является апофоническим вариантом к глаголу *лещить* 'бить, хлопать крыльями, оставаясь на одном месте' (СРНГ, вып. 17, с. 37), который связывается Фасмером с *лёскать* 'щелкать, хлопнуть', возможно, звукоподражательным (Фасмер, т. II, с. 486). Слово *-лощинка,* таким образом, родственно рус. *ле́щадь* 'расщепленная палочка, жердочка; плита', которое также связано с звукоподражательным *лёскать* 'хлопать, щелкать' (Фасмер, т, II, с. 491); т.е. *велощи́нка* — то, что расщеплено (рогатка), или же то, что разделяет (<расщепляет) на части мотки пряжи. Ср. рус. *излещи́ть что* 'обратить в лещадь; исколоть в дрань, в лучину; истесать в плитки, в дощечки' (Даль[2], т. II, с. 74).

Довнар-Запольским в белорусском Полесье был записан глагол *велищы́тыся;* его значение объясняется им так: белорусы говорят о воде, когда она стоит почти тихо, едва колеблется, тихо плещет; припоминается, что припятские рыбаки употребляют этот глагол, говоря о рыбе, когда она слабо бьется на берегу, выброшенная сетями [5, с. 185]; в этом глаголе также можно выделить префикс *ве-* и глагол *лищы́тыся* (<**leščiti sę*). Ср. рус. диал. *лещи́ться* 'трепетаться, биться, вскидываться, полоскаться'. *Белу́ха лещиться* 'вскатывается, играет'. *Птица лещит* 'бьется крыльями на одном месте, хлопает, плещет громко, как иногда делают голуби' (Даль[2], т. II, с. 250). Ср. также *залёщина* 'морская вода, заливающая в морской прилив низменные прибрежья и остающаяся в виде луж и при отливе' (Подвысоцкий, с. 51) (арханг.).

ЛИТЕРАТУРА

1. *Варбот Ж.Ж.* О возможностях диахронического истолкования морфологической вариантности в славянских глагольных именах // Славянское языкознание: VII Междунар. съезд славистов, Варшава, авг. 1973: Докл. сов. делегации. М., 1973. С. 99.
2. *Гайдукевіч І.М.* Некалькі слоў з мясцовай гаворкі // Народнае слова. Мінск, 1976. С. 70.
3. *Горячева Т.В.* Заметки по этимологии русских народных метеорологических терминов // Этимология, 1977. М., 1979. С. 102—103.
4. *Горячева Т.В.* К этимологии славянских метеорологических терминов // Этимология, 1982. М., 1985. С. 59.
5. *Довнар-Запольский М.* Белорусское Полесье // Сборник этнографических материалов: Песни Пинчуков. Киев, 1895. С. 185.
6. *Ралев Л.* Говорът на село Войнягово, Карловско // Българска диалектология. С., 1977. Кн. 8. С. 163.

Л.В. КУРКИНА

ЩЕБРА́. РЯЖЬ. ЗАГЫ́ЗНУТЬ. ПРО́СТЕНЬ.

Щебра́. В словаре В.И. Даля слово *щебра́* 'уха, рыбный навар', зафиксированное в костромских говорах, рассматривается как искажение другого более распространенного слова *щерба* 'зазубрина' (Даль[2] IV, 652), продолжающего праслав. *ščьrba (~лтш. šķiŕba 'трещина, щель' — Фасмер IV, 504). Но костром. *щебра* не единственный случай фиксации данного слова. При более внимательном изучении собственно русских лексических материалов и материалов других славянских словарей выявляется группа образований, тождественных рус. диал. *щебра*. Этот факт заставляет усомниться в правильности предлагаемого В.И. Далем объяснения и вместе с тем побуждает продолжить поиски нового истолкования внутренней формы русского диалектизма с учетом регулярных словообразовательных отношений.

В русском языке диал. *щебра́* должно быть поставлено в один ряд с волог. *защеб́рить* 'оказать на кого-либо давление, принудить' (ср. Волю дали с перва дня, так она нас и *защебрила* — СВГ 2, 163), псков. *щабе́р* 'лещ, Abramis brama', 'оплеуха, пощечина', диал. *за-щабр-ина* 'пощечина' (Мордов. словарь 2, 103). Тождественную основу, видимо, с другим вокализмом в корне отражает диал. щибёр 'большой лещ' (Даль[2] IV, 651). Фасмер, включая в свой словарь диал. щабер и щибёр, ставит вопрос о возможной связи этих слов с рус. *скобель, скоблить* и реконструкции в этом случае первоначального значения *'роющийся в тине' (Фасмер IV, 495). В предположении, высказанном в очень осторожной форме, уже намечен, как нам представляется, верный подход к объяснению русских диалектизмов. В гнезде слав. *skobl'ь, *skobliti (~лит. skõbti, skabiù 'скрести, срывать', лат. skabō, -ēre 'скрести, скоблить, чесать' — Фасмер III, 643) представлена основа ščeb- с корневым гласным в полной ступени или ступени редукции (ср. рус. *щéбень* 'мелкий камень', укр. *щеба́ти* 'отщипывать, отрывать') и в ступени удлинения редукции (ср. укр. *пощиба́ти, прищиба́ти*) [1, с. 3—4]. В рамках этого гнезда диал. *щебра́* и *щибер* могут быть поняты как производные с суф. -ъга/-ъгъ. Исходной семантикой 'скрести, драть' мотивированы производные значения: 'удар, пощечина' (ср. однокоренные *защáблина* 'пощечина' — Мордов. словарь 2, 103), 'обломки, щепа; куски', последнее лежит в основе обозначения ухи, т.е. супа из свежей рыбы разных сортов, мелкой или порезанной на куски. В качестве семантической параллели можно привести русск. пск. *дробу́ша* 'мелкая рыба (плотва, уклейка и т.д.), используемая для наживки переметов', ленингр. *дробыль* 'окунь на третьем году жизни' (СРНГ 8, 189). Заметим, что форма названия леща *leščь определяется связью с глаголом *leskati, *leščati, у которого на базе семантики шума развиваются значения круга 'колоть, раскалывать' (ЭССЯ 14, 136, 144—145).

Для рус. *щибе́р,* связанного чередованием корневого вокализма с *щебра́,* находим точное соответствие в блр. диал. *шчыбра́ву, шчы́бры* 'щуплый, маленький' (Тураўскі слоўнік 5, 345), *шчы́бер, -а* 'вьюшка (в печи)' (Сл. Магіл. 50). Еще один ряд соответствий дают диалекты чешско-словацкой языковой области: чеш. морав., словац. štibrati 'обкусывать, обгрызать, обламывать края', вост.-чеш. štibra 'кусок камня, кирпича'. Махек приводит названные образования без славянских соответствий, полагая, что "ничего похожего у других славян нет" (Machek[2] 625). С его точки зрения, чеш. štibrati представляет собой итератив от глагола *šč̊rbiti: šč̊rbjati с r̥>ir и развитием r на месте j. Но с преодолением изолированного характера названных славянских образований отпадает необходимость в допущении нерегулярных фонетических преобразований. Рус. *щебра́* и его славянские соответствия дают основание для реконструкции в гнезде слав. *skob-/*skeb- производных с суффиксальным элементом -r.

Ряжь. Это слово, известное русским говорам Забайкалья в значении 'гнилая или дуплистая часть дерева' (Элиасов 363), может рассматриваться как одно из отражений слабо засвидетельствованного в вост.-слав. языках основы *rę̆g-, связанной чередованием e:o со слав. *rǫgati (ср. рус. *ругать* — Фасмер III, 512). Диал. *ряжь* представляет собой отглагольное имя, в русском языке это имя соотносится с глаголом *ряга́ться* 'трепыхаться', зафиксированным на Новгородской территории [2, с. 96—97]. В гнезде слав. *rę̆g-/*rǫg- с исходным значением 'бить, ударять' в структурном и семантическом отношении единство образуют рус. диал. *ряжь* и словен. réga 'трещина, щель; зарубка, насечка', réža 'трещина, разрез; желоб, канавка' (Pleteršnik II, 424), семантика которых мотивирована глаголом régniti в значении 'зиять, быть открытым'<'трескаться', 'бить, ударять'.

Загы́знуть. Этот глагол в значении 'сильно замерзнуть' отмечен в русских говорах Прибайкалья (Словарь Прибайкалья I, 123). В этом экспрессивном по своему характеру образовании легко вычленяется корневая морфема *гыз-,* которая принадлежит к гнезду слав. *guzъ/*gǫzъ (ср. рус. *гуз* 'ягодица; нижняя часть снопа' — ЭССЯ 7, с. 91—92), связанного чередованием с *gyza/gyža: ср. с.-хорв. *гиза* 'железа грудная, поджелудочная', болг. *ги́жа* 'пенек срезанной лозы' (ЭССЯ 7, 224). Диал. *загы́знуть* характеризуется вторичной, производной семантикой, развившейся по модели 'кочан'>'коченеть'.

Про́стень. В русских диалектах веретено (т.е. стержень для навивания нити) обозначается словом *про́стень.* Это приспособление для прядения в словаре В.И. Даля описывается следующим образом: 'початок, веретено с пряжей, полное веретено, как принято прясть (арх., волог., твер., тул.), веретено, с навоем трех початков пряжи (нижег.), веретено, с навоем пряжи в две нити, для ссучки, двойной ручник' (яросл., костр.) (Даль[2] III, 513). Совершенно очевидно, что название веретена представляет собой производное с суфф. -enь от прил. *простой.* Заслуживает внимания тот

факт, что тот же признак положен в основу обозначения рейки, планки в некоторых южнославянских языках. Мы имеем в виду словен. prόstec 'палка в заборе', prostíca 'палка, жердь, опорный столб в заборе' (Pleteršnik II, 351), с.-хорв. *прòштац* 'планка, простая, неотесенная палка' (Вук), prostac-proštac, prostica 'вид простой сети', 'толстая жердь в плоту' (RJA XII, 419, (Skok III, 52).

ЛИТЕРАТУРА

1. *Варбот Ж.Ж.* К реконструкции и этимологии некоторых праславянских глагольных основ и отглагольных имен. 1 // Этимология, 1971. М., 1973. С. 3—4.
2. *Меркулова В.А.* Русские этимологии. 1 // Этимология, 1976. М., 1978. С. 91—101.

В.А. МЕРКУЛОВА

ЗАМЕТКИ ПО РУССКОЙ ДИАЛЕКТНОЙ ЛЕКСИКЕ
(ветменный, ветох)

Ветменный. В "Словаре русских говоров Забайкалья" записано слово *ве́тменный* 'веселый, общительный': Парень *ве́тменный,* можно взять его в артель (Элиасов 76).

Прилагательное *ве́тменный* синонимично целой группе прилагательных, образованных от корня *вет-*: *ве́тлый, ветли́вый, ветля́ный, ветля́вый, ве́тный.*

Слово *ве́тменный* отмечено только в говорах Забайкалья, в других словарях оно отсутствует (его нет у Даля и в СРНГ), но в ярославских говорах записано слово *летмя́ный* 'приветливый' (ЯОС 5, 128). Для последнего можно предположить только мену *в>л* или же неправильную запись при произношении *ў. Летмя́ный* предполагает *ветмя́ный.* Слова эти интересны своей архаичной структурой, наличием суффикса *-мен-.* От небольшой группы прилагательных в русском языке образуются имена с суффиксом *-мен-.* Ср. *го́лый — голоме́нь* (от последнего *голомя́нный*), *глухой — глухмень, глушмень* (от него *глухмяный*), *сухо́й — сухмень* (— *сухменный*). В ряде случаев имя образовано непосредственно от основы прилагательного, хотя прилагательное оформлено другим суффиксом: *узкий — узмень, низкий — **низмень,* ср. *ни́зменный, ясный — **ясмень,* ср. *ясмён.* Прилагательные *слухмённый, слухменный* и *слухмяный* предполагают исходное ***слухмень.* Точно так же и *ветменный* образовано от несохранившегося ***ветмень,* в основе должно лежать имя прилагательное.

Глагол *vĕtiti и его производное *vĕtъ, zavĕtiti, otъvĕtiti, obvĕtiti, navĕtiti частью исследователей сравниваются с лит. veitenù 'сужу, обсуждаю, полагаю', др.-прусск. wautiāmai 'мы говорим', авест. vaēϑ- 'установить судебным следствием' (Фасмер I, 305), другие же склонны искать связь глагола *vĕtiti с *vějati, видя в первом отыменное образование. Уже Миклошич выделял в глаголе

*větiti корень vě- (Miklosich 387, 388), Преображенский предполагал исходную основу причастия (Преображенский 109), Вайан, опираясь на старославянскую форму *отъвѣ* вм. *отъвѣшта* строит следующую схему *vě-ti → věto → větiti (3, II, 270). Русские говоры сохранили искомую форму причастия, это *вет, -а, -о* 'вещий, чуткий': Сердце то *ветó* (костром. ветлуж.) (СРНГ 4, 190). Это причастие, по-видимому, лежит в основе не только глагола *větiti, но и прилагательного *větmenьnъjь. Что касается семантики причастия, то глагол *větiti совмещал значения 'говорить' и 'знать', ср. др.-русск. *вѣтити, вѣчу* 'знать' (Ефр. Крм LXXXVII, 6) (Срезневский I, 497).

Ветох. В "Словаре русских говоров Приамурья" мы находим слово *вето,* то же, что *ветошь* 'нескошенная, прошлогодняя трава': Как холод настал, пошел собирать *вето, сучья* (39).

Данное слово останавливает наше внимание, поскольку мы имеем дело с лексикой исключительной древности. В период индоевропейской общности существовала лексема с корнем *uet- в значении 'год', производное имя *uet-elo обозначало годовалое домашнее животное, а прилагательное *u̯etuso- значило 'годовалый, старый, древний'. Ср. др.-инд. vatsá-, vatsará- м.р. 'год', vatsá- 'телок, годовалый (о теленке)', согидийск. wt̄šnyy 'старый', продолжающее иран. wat(u)šanā, греч. ἔτος, Fέτος 'год', ἐτήσιος 'годовой', διετής 'двухлетний', ἔτελον, ἔταvον 'годовалый (о домашнем животном); алб. *vit,* мн. vjet 'год', vjetë ж. 'теленок', лат. vētus, vētĕris 'старый, древний, ветхий, опытный, давний'; vētŭlus 'пожилой, немолодой', vētustus 'старый, древний, долгий', vitellus м. 'теленок, бычок' (с меной e > i), vētĕres мн. 'предки', vētĕrētum ср. 'земля, долго лежавшая под паром'; гот. wiþrus 'годовалый баран', лит. vetušas, лтш. vecs 'старый, престарелый, ветхий', праслав. *vetъxъ (см. Фасмер I, 307; Pokorny I, 1175).

Для индоевропейского состояния реконструируется пара лексических антонимов: *neu̯o- 'новый' ~ *u̯et^{h}/o- 'старый' (1, II, 783). Речь идет о столь важных для земледельцев и скотоводов культурных понятиях, как противопоставление урожая этого года (нового) урожаю прошлого года (старого), приплода скота этого года (нового) приплоду скота прошлого года (старого). Уже в индоевропейский период у прилагательного *u̯etusos из значения 'прошлогодний', старый развилось значение 'старый, древний'.

Что же сохранилось в праславянском языке из индоевропейского наследства? Не сохранилось наименования года с корнем *u̯et-, но устойчиво сохранилось прилагательное *u̯etusos > *vetъxъ 'старый'. Не сохранилось наименований годовалых, родившихся в предыдущем году, животных, они были вытеснены словами, образованными от *olnī 'в другой раз', см. рус. *лонской, лоньшак.* В производных мы находим семантические реликты: *ветошь* (праслав. *vetъšь) 'прошлогодняя трава', *ветошнóй* 'прошлогоднего урожая': *Ветошны* ягоды (АОС, 4, 24—25).

Частично сохранились пары *новь, новина* 'земля, обработанная впервые' и *ветошь* 'земля, которая обрабатывалась раньше, а сейчас оставлена' (см. АОС, 4, 24—25; ПОС, 3, 127). Ср. те же зна-

чения в лат. vĕtĕrētum, в продолжениях лат. vĕtulus 'старый' в корсикан. vekkyetu 'поле под паром, залежь', южно-франц. veiro 'залежь'.

Очень архаичны русские диалектные обозначения фаз луны: на новчю... и на ветху. *На ветхý* 'последняя фаза луны' (АОС, 4, 24—25), *вётох* 'луна в последней фазе, на ущербе' (СБГ, 2, 50; Сл. Оби. Доп. I, 60). Ср. ст.-чеш. měsic je na vetchu, польск. na wietku, лтш. vecs mēness 'месяц на ущербе'. Уже в индоевропейский период антонимы neu̯o~veth̯o- стали заменяться в некоторых случаях антонимами, обозначающими первоначально возрастные группы людей. Так произошло в латинском, где пара nouus — vĕtus заменяется иногда на senex — iuuenis (2, 1291). Тот же процесс мы наблюдаем и в праславянском, где слова, обозначающие возрастные группы людей: *starъ~*moldъ переносятся и на животных и на наименования фаз луны, ср. сербохорв. *мла̑д месец* 'новолуние', рус. диал. *молоди́к* то же.

Архаическое прилагательное *vetъхъ подвергалось влиянию со стороны других прилагательных с продуктивными суффиксами. Так, возможно, под влиянием прилагательных с суффиксом -ъk- появились такие формы, как польск. wiotki, в.-луж. wjetki, н.-луж. wjatki, чеш. диал. vetký, рус. диал. *вёткой* (АОС, 4, 18). Под влиянием прилагательных с суффиксом -l-, типа *světьlъjь, мы получаем н.-луж. wiatly 'ветхий' и рус. диал. *вётлый* 'дряхлый, разрушающийся от старости, болезни' (СБГ, 2, 50). Возникли и вторичные формы типа *ветхлый,* представленные в русских говорах довольно широко.

Принимая во внимание все выше сказанное, мы вынуждены признать запись *вёто* ошибочной. Перед нами несомненно слово *вётох,* где конечное *х* не было услышано собирателем, тем более, что словарная статья основана на одном примере из одного пункта. Субстантивированное прилагательное *вётох* в значении 'прошлогодняя трава' зафиксировано в псковских говорах (см. ПОС 3, 126). Производное от этого прилагательного *вётошь* с тем же значением представлено во многих говорах русского языка.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Гамкрелидзе Т.В., Иванов Вяч.Вс.* Индоевропейский язык и индоевропейцы. I—II. Тбилиси, 1984.
2. *Meyer-Lübke W.* Romanisches etymologisches Wörterbuch. Heidelberg, 1968.
3. *Vaillant A.* Grammaire comparée des langues slaves. P., Lyon, 1950. Vol. 1—2.

И.П. ПЕТЛЕВА

ЗАМЕТКИ О ДИАЛЕКТНЫХ СЛОВАХ
(хола, скора)

Хола. рус. *хóлка* в современном литературном языке означает 'часть шеи, смежная с хребтом; грива, растущая на этом месте' (Ушаков IV, 1170), но в говорах оно известно с широким семантическим спектром в кругу названий частей тела — это 'бедро', 'ляжка', 'ягодица', 'лопатка', 'щиколотка', 'выдавшаяся кость в теле человека или животного'. Облик слова как будто свидетельствует в пользу того, что это образование с суф. *-к-*, хотя производящая лексема (без *-к-*) ни в словарях, ни в этимологической литературе не представлена. Поэтому такая форма могла только прогнозироваться: см. реконструкцию праслав. *xola с дальнейшим ее соотнесением с и.-е. корнем *(s)kel — 'гнуть' (Pokorny I, 928) в статье В.А. Меркуловой [1]. Справедливость этой этимологии подтверждается наличием в составе данного гнезда большого числа лексем, обозначающих аналогичные (выступающие, округленные) части тела. Это прежде всего церк.-слав. *клька* poples, болг. *кълка* 'бедро; ляжка' и т.д., восходящие к праслав. *kъlka, где k рассматривается Покорным как суффиксальное (начальное слав. k из и.-е. k, а слав. x из и.-е. sk). Затем сюда же (тоже с суф. k) лит. kulnas м.р., kulnìs ж.р. 'ляжка' (*kulk-n-), а также с суф. k̂: лит. kùlšе, kùlšis 'бедро', др.-прус. culczi то же и далее — греч. σκέλος м.р. 'бедро; ляжка', σκελίς, -ίδος 'задняя нога; бедро', κωλέᾱ, аттич. κωλῆ 'бедренная кость; окорок' и др. (Pokorny, там же).

Однако при более подробном обследовании русского лексического материала удается выявить формы без *к* суффиксального. Так, в Словаре говоров Соликамского района зафиксировано прил. *узкохóлой* в значении 'имеющий узкие тазовые кости': В кого ты ека *узкохолая* уродилася — у матери-то, ровно, подходящие холки-те были (Соликам. словарь 650). Более того, в Онежских былинах, записанных А.Ф. Гильфердингом (а именно — в былине о Кострюке), отмечено и само, до сих пор лишь предполагавшееся, слово *хола*:

Ухватилъ какъ вѣдь онъ Кострюка,
...Да ушибъ о сыру землю, ...
Изъ *холы* ногу выставилъ,
Изъ плече руку выломилъ,
Да нага по двору спустилъ [2].

Итак, в русском языке, помимо общеизвестной (литературной) лексемы с суф. *-к- холка,* сохранилось (в говорах) и сущ. без *-к- хола* 'бедренный сустав', которое, являясь безусловным праславянским образованием **xola,* продолжает и.-е. *skol- к и.-е. *(s)kel- 'гнуть; названия частей тела'.

Скора. В Словаре русских говоров Новосибирской области приводится чрезвычайно интересный пример: *скора* ж.р. 'жирная пища' (Но-

восиб. словарь 501). До сих пор сущ. *скора* было известно в русском (стар.) в значении 'шкура', а ее уменьш. *скорка* — в значении 'корка'. С аналогичной семантикой лексема *skora представлена и в других славянских языках: 'шкура; кожа; кора' (см. Фасмер III, 650). На таком фоне значение слова, зафиксированного в Новосибирской области, кажется изолированным и требует истолкования. В данном случае целесообразно выяснить, нет ли среди лексем, входящих в и.-е. гнездо *(s)ker — 'резать', куда относится и слав. *skora (рус. *скора* и др.), других случаев с подобной семантикой ('жирная пища; жир'). И таковые действительно обнаруживаются среди продолжений и.-е. *(s)ker- с расширителем -m-): др.-рус. *скоромъ* 'жир, масло; скоромная пища', рус. церк.-слав. *скрам* 'жир, маслянистость', рус. диал. *ско́ром* 'жирная, скоромная пища', укр. *ско́ром* 'скоромное', польск. skrom 'жир, сало' (Фасмер III, 652—653), а также 'заячий жир (употреблявшийся как лекарство, заживляющее раны)' (Warsz. VI, 178). Перечисленные слова объединялись нами с и.-е. *(s) ker-m- 'резать' на том основании, что наименования жира (сала) животных, отделяемого обычно при разделке туши от мяса, связаны с глаголами в значении 'драть, резать' (рус. колым. *здор* 'олений жир, содранный с мяса' и т.п.). В отношении семантики особенно показателен с.-хорв. пример *скра̏ма* — это не только 'жировая блестка (капля) на поверхности воды (супа)', но и 'тонкая пленка, кожица у человека и животных; короста, корка, струп; ледяная корка на подмерзшей земле' и т.п. [3]. Итак: 'отрезанное, содранное'→'отрезанное, содранное с животной туши сало'→'сало, жир'→'жирная (скоромная) пища (животного происхождения)'. Что касается диал. (новосиб.) рус. слова *скора,* то оно, являясь уникальным с точки зрения семантики, лишний раз демонстрирует закономерность возникновения значения 'сало, жир; жирная пища' на базе исходного 'резать, драть' и тем самым подтверждает правильность объединения лексем, восходящих к праформе *(s)ker-m-, с и.-е. гнездом *(s)ker- 'резать'.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Меркулова В.А.* Комментарий к вопросу N 1443 вопросника ОЛА 'шея' // ОЛА: Материалы и исследования. М., 1983. С. 293.
2. Онежские былины, записанные А.Ф. Гильфердингом летом 1871 г. СПб., 1873. С. 1317.
3. *Петляева И.П.* Этимологические заметки по славянской лексике. 4 // Этимология, 1974. М., 1976. С. 16—20.

ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

АОС — Архангельский областной словарь / Ред. О.Г. Гецова. М., 1980—1987. Вып. 1—5.

Добр. — *Добровольский В.Н.* Смоленский областной словарь. Смоленск, 1914. Т. 1—2.

Деул. слов. — Словарь современного русского народного говора (д. Деулино Рязанского района Рязанской области / Ред. И.А. Оссовецкий. М., 1969.

Доп. к Опыту — Дополнение к Опыту областного великорусского словаря. СПб., 1858.

Даль — *Даль В.* Толковый словарь живого великорусского языка / Ред. И.А. Бодуэн де Куртенэ. 3-е изд. СПб.; М., 1903—1909. Т. 1—4.

ДАРЯ — Диалектологический атлас русского языка. М., 1987: Вып. 1: Фонетика; Вып. 2: Морфология; Вып. 3: Лексика. Синтаксис. Шифры региональных томов ДАРЯ (хранятся в Институте русского языка АН СССР): С.-Зап. Атлас русских говоров северо-западных областей СССР; С. — Атлас русских говоров центральных областей к западу от Москвы; Зап. — Атлас русских говоров центральных областей к западу от Москвы; Вост — Атлас русских народных говоров центральных областей к востоку от Москвы. М., 1957; Ю. — Атлас русских говоров центральных областей к югу от Москвы.

Куликовский — *Куликовский Г.*Словарь областного олонецкого наречия. СПб., 1898.

ОЛА — Общеславянский лингвистический атлас.

ПОС — Псковский областной словарь с историческими данными. Л., 1967—1987. Вып. 1—7.

Преображенский — *Преображенский А.* Этимологический словарь русского языка. М., 1910—1914. Т. 1—2. Последнее изд. М.; Л., 1949.

СБГ — Словарь брянских говоров. Л., 1976—1984. Вып. 1—4.

СВГ — Словарь вологодских говоров. Вологда, 1983—1987. Вып. 1—3.

Слов. Новосиб. — Словарь русских говоров Новосибирской области. Новосибирск, 1979.

Слов. Соликам. — Словарь говоров Соликамского района Пермской области. Пермь, 1973.

Слов. Оби — Словарь русских старожильческих говоров средней части бассейна р. Оби. Томск, 1964—1975. Т. 1—3 / Ред. В.В. Палагина. Дополнение. Ч. 1—2 / Ред. О.И. Блинова, В.В. Палагина.

Слов. Сред. Урала — Словарь русских говоров Среднего Урала. Свердловск, 1964—1987. Т. 1—6.

СлРЯ XI—XVII — Словарь русского языка XI—XVII вв. М., 1975—1987. Вып. 1—13.

СРДГ — Словарь русских донских говоров. Ростов н/Д, 1975—1976. Т. 1—3.

СРНГ — Словарь русских народных говоров / Ред. Ф.П. Филин. Л.,1965—1987. Вып. 1—23.

Ушаков — Толковый словарь русского языка / Ред. Д.Н. Ушаков. М., 1935—1940. Т. 1—4.

Фасмер — *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка / Пер. с нем. и доп. О.Н. Трубачева. М., 1964—1973. Т. 1—4.

Элиасов — *Элиасов Л.Е.* Словарь русских говоров Забайкалья. М., 1980.

ЭССЯ — Этимологический словарь славянских языков: Праславянско-лексический фонд / Ред. О.Н. Трубачев. М., 1974—1987. Вып. 1—14.

Machek — *Machek V.* Etymologický slovník jazyka českého. 2 vyd. Pr., 1968.

Pleteršnik — *Pleteršnik M.* Slovensko-nemški slovar. Ljubljana, 1894. D. 1—2.

Pokorny — *Pokorny J.* Indogermanisches etymologisches Wörterbuch. Bern, 1949—1953. Bd. 1—2.

СОДЕРЖАНИЕ

Л.Н. Булатова. В.Г. Орлова как диалектолог и историк языка (к восьмидесятилетию со дня рождения) 3

Н.Н. Пшеничнова. К вопросу об интенсивности и направлении развития диалектных систем 6

Л.Л. Касаткин. Утрата <ѣ> в связи с процессом монофтонгизации дифтонгов в русском языке 14

М.Н. Преображенская. Об интерпретации изоглоссы диалектного произношения современных рефлексов* *ę (ja, 'a)* в восточнославянских языках 23

С.В. Князев. О связи особенностей артикуляционной базы говора с характером противопоставления глухих и звонких, твердых и мягких согласных 28

О.М. Козина. Губные спиранты в семейских говорах 35

Р.Ф. Касаткина. О фонетической природе словесного ударения в севернорусских говорах 42

И.А. Букринская. Именительный падеж множественного числа существительных женского рода в русских говорах и категория собирательности 49

Л.Н. Булатова. Фонетические и морфологические факторы возникновения окончания *-о*[х] в родительном и *-а*[ф] в предложном падеже у существительных множественного числа 60

А.В. Тер-Аванесова. Ударение тематических глаголов с корнями, оканчивающимися на нешумные в говорах Заонежья 67

С.К. Пожарицкая. О семантике итеративных глаголов в севернорусских говорах 84

О.Г. Ровнова. Многократные глаголы в одном вологодском говоре 94

С.Г. Саркисьян. К вопросу о морфонологии многократных глаголов (на материале архангельских говоров) 104

Ю.С. Азарх. Контаминация в диалектном словообразовании 110

И.Б. Кузьмина. Об употреблении частиц и союзов *ти, чи* в русских говорах (по лингвогеографическим материалам) 120

Н.Л. Голубева. О частицах *вот, ну, да* в положении между высказываниями 126

Н.В. Маркова. Родительный падеж субъекта в онежских говорах 134

О.Н. Мораховская. Некоторые вопросы теории классификации применительно к диалектологии 141

О.Е. Кармакова. Изучение комбинаторики в названиях цепа и его частей 148

Т.Б. Юмсунова. Междиалектные и межъязыковые контакты говора "семейских" (на материале названий овец и их производных) 163

Ж.Ж. Варбот. Словообразовательно-этимологические комментарии к некоторым русским диалектизмам (на материале "Словаря донских говоров") 169

Т.В. Горячева. Этимологические заметки (*рыкуша, мечки, велощинка*) 172

Л.В. Куркина. Щебра́. Ряжь. Загы́знуть. Про́стень 175

В.А. Меркулова. Заметки по русской диалектной лексике (*ветменный, ветох*) .. 177

И.П. Петлева. Заметки о диалектных словах (*хола, скора*) 180

ИРЯ
ИНСТИТУТ РУССКОГО ЯЗЫКА
им. В. В. ВИНОГРАДОВА

Научное издание

СОВРЕМЕННЫЕ
РУССКИЕ
ГОВОРЫ

Утверждено к печати
Институтом русского языка АН СССР

Редактор издательства *Е.В. Фурманова*
Художественный редактор *И.Ю. Нестерова*
Технический редактор *О.В. Аредова*
Корректор *Н.И. Харламова*

Набор выполнен в издательстве
на электронной фотонаборной системе

ИБ № 46331

Подписано к печати 14.02.91
Формат 60 X 90 1/16. Бумага офсетная № 1
Гарнитура Таймс. Печать офсетная
Усл.печ.л. 11,5+0,3 вкл. Усл.кр.-отт. 12,1
Уч.-изд.л. 14,7. Тираж 1500 экз.
Тип. зак. 1097. Цена 2 р. 90 к.

Ордена Трудового Красного Знамени
издательство "Наука" 117864 ГСП-7,
Москва В-485, Профсоюзная ул., д. 90

Ордена Трудового Красного Знамени
1-я типография издательства "Наука"
199034, Ленинград В-34, 9-я линия, 12

Рис. б/N. Фонетические и морфо[ф], *-о*[х] в родительном и *-а*[ф] в пр[ед]-ложном падеже единственного числа

1 — *-о*[х] в род. падеже существ[ительных] *место*[х], *без рубáшко*[х]); *2* — *а* (например: *в домá*[ф], *на местá*[ф]

85820

85820
ГОСУДАРСТВЕННАЯ
ОРДЕНА ЛЕНИНА
БИБЛИОТЕКА СССР
им. В. И. ЛЕНИНА

БИБЛИОТЕКА
ИНСТИТУТА РУССКОГО ЯЗЫКА
АН СССР
85820

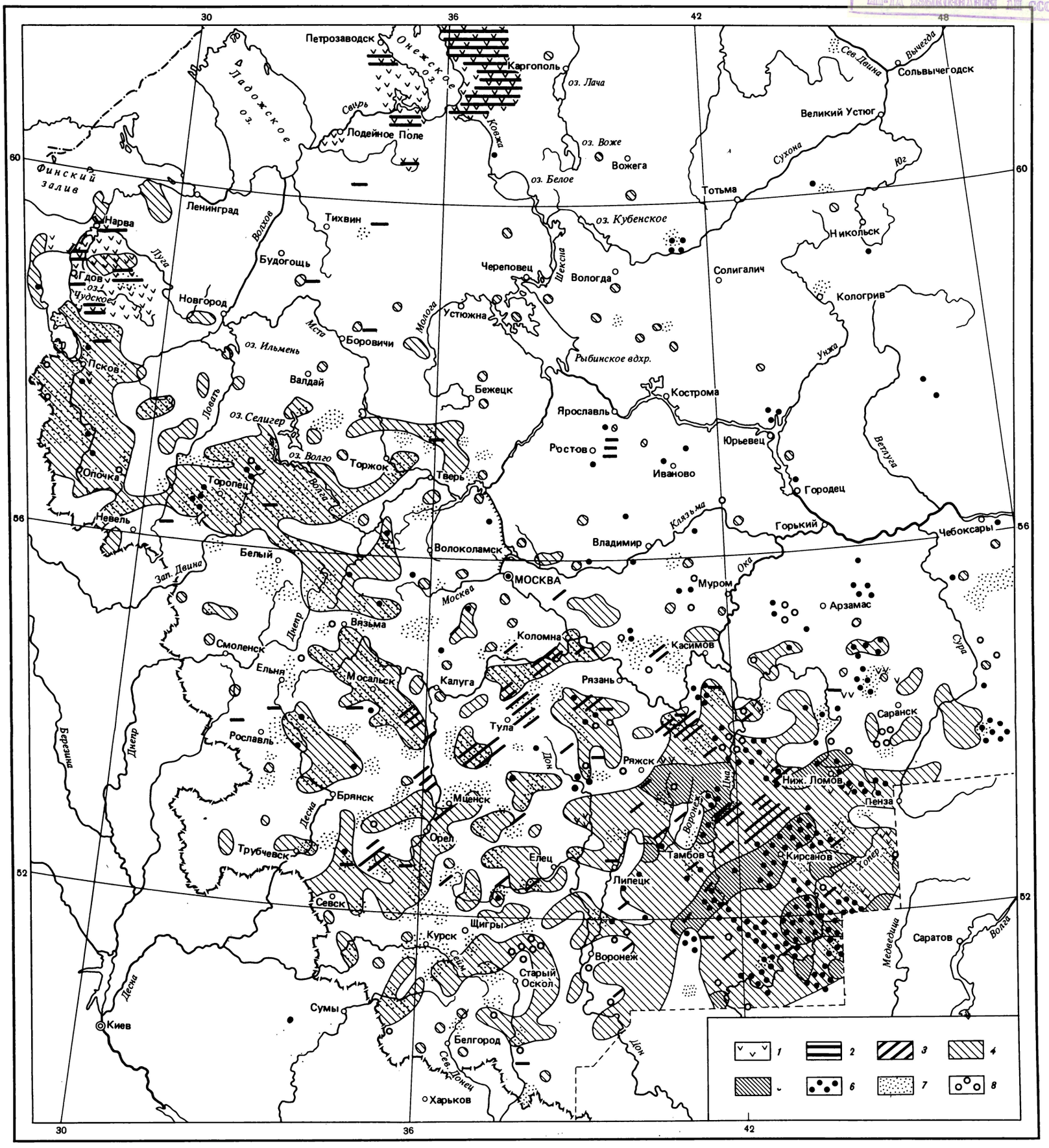

Рис. 6/N. Именительный падеж множественного числа существительных женского рода в русских говорах

1 — формы на *-ja* от сущ. 1-го скл.: *я́мья, берёзья* и т.д.; *2* — формы на *-ja* от сущ. 3-го скл.: *же́рдья, ко́сья* и т.д.; *3* — форма *лошадья́*; *4* — окончание *á* у сущ. 3-го скл.: *лошадя́, площадя́, вещá* и т.д. (1—3 примера); *5* — то же, в четырех и более примерах; *6* — окончание *-á* у сущ. 1-го скл.: *кожá, шубá*, и т.д.; *7* — форма *деревня́*; *8* – только форма *церквá*

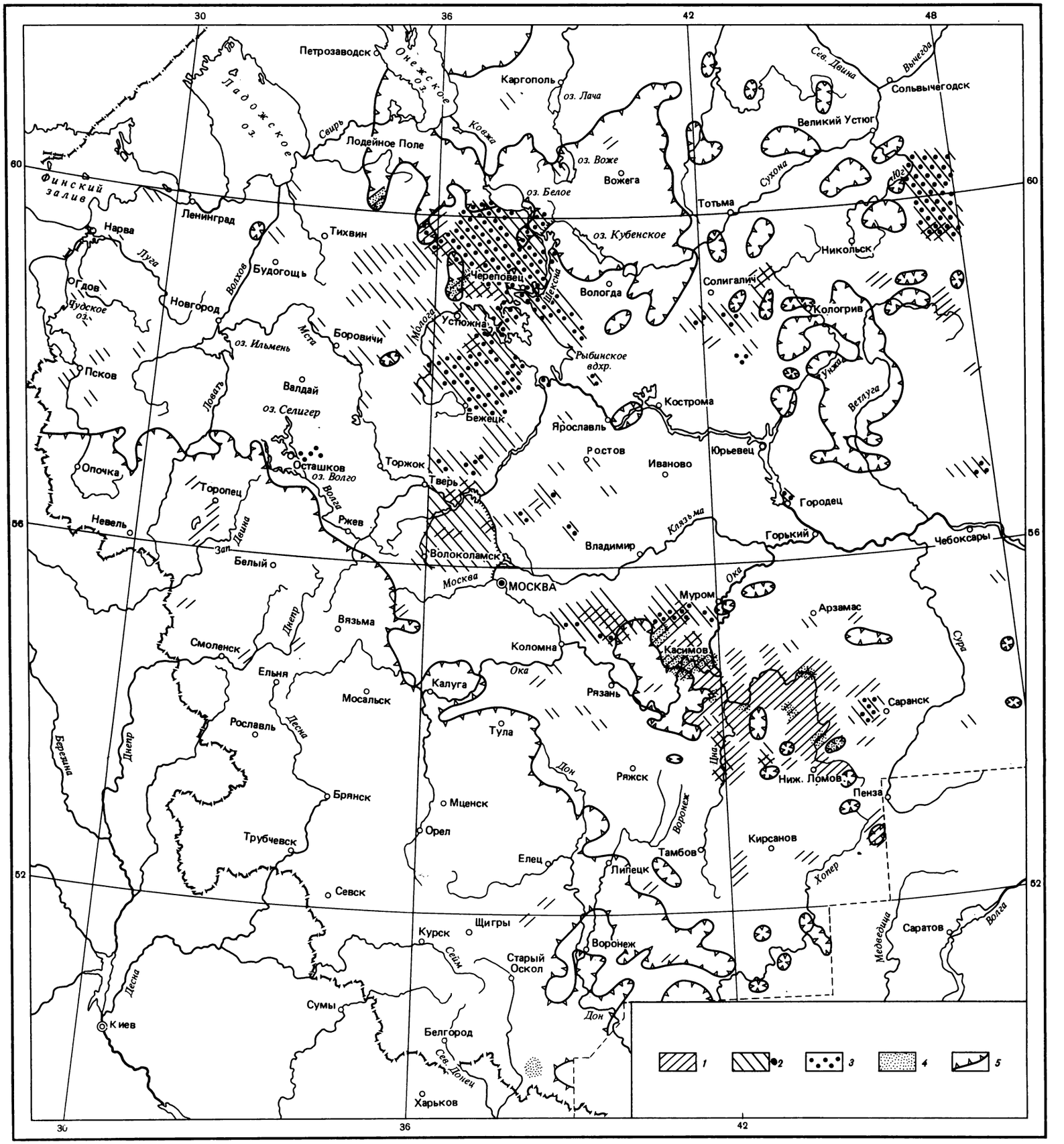

Рис. 6/N. Фонетические и морфологические факторы возникновения окончания *-о*[х] в родительном и *-а*[ф] в предложном падеже у существительных множественного числа

1 — **-о[х] в род. падеже существительных мн. числа (например: *из домо́*[х], *нет место́*[х], *без руба́шко*[х]); *2* — *а*[ф] в предл. падеже существительных мн. числа (например: *в дома́*[ф], *на места́*[ф], *о руба́шка*[ф]); *3* — окончания с [ф] в род. и предл. падежах мн. числа прилагательных (например: *из молоды́*[ф], *у каки́*[ф], *о ста́ры*[ф], *на э́ти*[ф]); *4* — [х] на месте <в> на конце слова в основах (например: *гото́*[х], *посе*[х], *коро́*[х], *голо́*[х]); *5* — [ў], [w] или [в] на конце слова на месте <в>** (например: *гото́*[ў], *гото́*[w] или *гото́*[в]; *коро́*[ў], *коро́*[w] или *коро́*[в]; *домо́*[ў], *домо*[w] или *домо*[в])

2 р. 90 к.